

Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова

На правах рукописи

ПЕРВАНОВ Явор Ангелов

**ИМПЛИЦИТНЫЕ АСПЕКТЫ НОМИНАЦИИ
В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ**

10.02.19 - Теория языкознания

Д и с с е р т а ц и я

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель -
доктор филологических наук,
профессор Карпенко Ю.А.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ НОМИНАЦИИ. ИМПЛИЦИТНАЯ НОМИНАЦИЯ	
1. Имплицитность и дихотомия языка-речи	14
2. Семиотические основания имплицирования	30
3. Внешние факторы восприятия смысла	42
4. Выводы	52
ГЛАВА II. ТЕЗАУРУСНАЯ СХЕМА ЭКСПАНСИВНОГО ДЕЙСТВИЯ И ЕЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ	
1. Понятие экспансивного действия	54
2. Уровни осмысления экспансивного действия	63
2.1. Уровень обобщения событий	64
2.2. Уровень типизации действий	67
2.3. Типы экспансивных действий	70
2.3.1. Ликвидирующие действия	71
2.3.2. Деформирующие действия	78
2.3.3. Аннексирующие действия	82
2.3.4. Дезориентирующие действия	86
2.3.5. Принижающие действия (действия аксиологической девальвации)	89
2.3.6. Блокирующие действия	93
2.3.7. Действия вмешательства	95
2.3.8. Провоцирующие действия	98
2.3.9. Регулирующие действия	102
2.4. Экспансивное поведение	105
3. Выводы	109

ГЛАВА III. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЭКСПАНСИВНОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ.....	112
1. Постановка проблемы	112
1.1. Принцип сопоставительного анализа	117
2. Межъязыковая модель фрагмента тезауруса и вопрос семиологического баланса на языковых полюсах ..	129
3. Семантическая поляризация ликвидирующих действий	145
3.1. Общая классификация имен ликвидирующих действий	145
3.2. Двоичные знаки ликвидирующих действий	153
3.2.1. Двоичные знаки группы "А"	154
4. Выводы	171
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	179

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей диссертационной работе исследуется проблема имплицитного выражения смысла в языковых структурах, а также имплицитность знака как межъязыковой феномен.

Предметом исследования служат русские и болгарские глаголы и лексикографические интерпретации их значений.

Материалом исследования послужили толковые, синонимические, фразеологические и переводные словари русского и болгарского языков. Примеры, взятые из художественных и публицистических текстов, привлекаются в качестве иллюстраций: специфика настоящего исследования не предполагает их систематизации.

Указанные лексикографические источники обработаны методом сплошной тематической выборки. На первом этапе такая выборка производилась отдельно для русского и болгарского языков: основным объектом стали глаголы, выражающие определенные типы действий - экспансивные. Учитывая разные возможности однотомных и многотомных толковых словарей, мы остановились на первых. Выбор продиктован желанием дать не всесторонний, а примерный анализ семантических импликаций глаголов, для чего достаточны критерии, предъявляемые к однотомным толковым словарям. Однако в ряде случаев обращение к академическим словарям давало возможность уточнить смысловую специфику анализируемых слов.

На втором этапе, совпадающем с исследованием имплицитности как межъязыкового явления, мы использовали данные переводных словарей. Список глаголов, обозначающих экспансивные действия, расширялся по мере того как устанавливались отношения их эквивалентности. Можно с уверенностью сказать, что перечень этих слов полон, хотя не все они включены в настоящее исследование. Что касается "объема памяти" словарей

и различия в толкованиях и словарной систематизации значений многозначных слов, то в наши задачи не входит критическая оценка усилий лексикографов, тем более что работа над многотомным академическим словарем болгарского языка еще продолжается.

Актуальность работы определяется как нарастающим интересом к сопоставительно-типологическому изучению языков, так и попытками обобщить накопившиеся наблюдения над спецификой языкового выражения на разных уровнях, поиском адекватных моделей соотношения языкового и внеязыкового.

В плане методологии исходной посылкой является понимание языка как экспрессивного знакового механизма, расположенного между говорящим и слушающим, индивидом и обществом, прошлым и настоящим опытом. Употребление языка предполагает формальный характер его семантических единиц: благодаря этому оно не исчерпывается "исполнением" языка. Имплицитность заложена в двойном статусе выражения - формальном и содержательном: она является "обратной референцией" значений, обращенных к тезаурусу. Эксплицитность связана с прямой референцией языковых единиц.

Из специальных **приемов** языкового анализа используются: метод трансформационных преобразований, метод анализа словарных дефиниций, правила симметрии - асимметрии языковых структур. Принципом сопоставительного описания лексики является понятие двоичной модели обозначения фрагмента схемы.

Научная новизна работы связана с выработкой нескольких гипотез и попыткой их последовательного обоснования. Первая гипотеза выдвигает на передний план подязыковые аспекты семантики однозначных слов. Сразу же оговорим, что термин подязык мы употребляем совсем не в том значении ("разновидность функционального стиля"), с которым его связывают многие русские лингвисты. В нашем понимании подязык (или тезаурусные схемы) - это психосемантическая реальность, требующая выражения средствами языка.

К сожалению, подобрать другой термин для выражения этого смысла не удалось.

Вторая гипотеза обращена к макроструктурам словаря: в качестве одной из них рассматривается схема экспансивного действия и троякий аспект ее вербализации: а) онтология действий; б) аксиология действий; в) концептология действий, или типы экспансивных действий.

Третья гипотеза связана с сопоставительно-типологическим методом: представлен вариант исследования лексики двух языков, для которой установлен тезаурусный источник (подъязык), средства (язык А и язык В) и отношение (двоичная модель тезауруса).

Теоретическая значимость работы видится в том, что она, выдержав критическую проверку, могла бы стать вкладом в общую теорию имплицитности языка. Принимая во внимание сложность проблемы языкового выражения и вытекающие отсюда трудности для сопоставительного анализа языков, можно надеяться, что интеграция трех аспектов теории языка (семантики, когитологии и компаративистики), осуществленная в настоящем исследовании, является одним из путей возможно более адекватного описания языка.

Практическое значение. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть также использованы в переводческой практике и лингводидактике. В перспективе работа нацелена на создание словаря имен экспансивных действий, содержание которого определялось бы имплицитными аспектами лексической номинации события (словарь имплицитивных связей слов).

Цели и задачи работы. Основными целями настоящего исследования являются установление семиотических оснований имплицитности, типизация этих оснований и создание адекватной модели соотношения языкового и подъязыкового как для одного языка, так и для двух языков, находящихся в отношении близкого родства.

Для достижения этих целей решались следующие задачи:

- логико-методологический анализ имплицитного;
- определение имплицитности;
- системная организация тезауруса и вербальные модификации семантики действия;
- типологическая классификация предикатов, обозначающих экспансивные действия (на примере русского языка);
- сопоставительный анализ имен ликвидирующих действий в русском и болгарском языках в рамках межъязыковой модели тезауруса.

Цели исследования определяют **положения, выносимые на защиту:**

1. Имплицитность знака с точки зрения формального определения есть проекция значения на плоскость тезауруса: это порождает эффект расширения предметной и понятийной сферы, к которой слово может быть приложено в качестве номинации. Связь лексического значения с концептуальной картиной мира является вертикальной.

2. Содержательное определение имплицитности должно учитывать горизонтальные связи между языковыми единицами в тексте и отношения дополнительного выражения, которые возникают в парадигматике языка (в том числе и отношения межуровневой парадигматики). При этом существенную роль играет дихотомия языка и речи: язык как средство и язык как продукт сообщения не совпадают. В языке как средстве нет ничего невыраженного, подразумеваемого, это противоречило бы его экспрессивной функции. В то же время в самом механизме воспроизводства языковых единиц заложена возможность избирательного выражения: выбор порождает коллизию между наличным тезаурусным фондом и теми компонентами смысла, которые подвергаются вербализации. Отсюда бесконечная цепь импликаций, компенсирующих это несоответствие и устанавливающих подвижный семиологический баланс между формами мышления, структурами языка и

компонентами ситуации.

3. Принципиально возможны два подхода к анализу имплицитного. Один из них рассматривал бы язык как продукт сообщения (тексты) и распределение информации в частях текста. Тогда имплицитность имеет конкретное основание - структура сообщения, переход от известного к новому содержанию и отсылки к предыдущим частям сообщения. В таком плане рассматривается контекстуальная имплицитность, эллипсис, подтекст, текстовые пресуппозиции и т. д.

Второй подход связан с тезаурусными импликациями языковых значений. Они присутствуют как на словарном уровне, так и в текстах. Специфика этого подхода состоит в необходимости моделирования связей языковых значений с элементами концептуальной картины мира. Другими словами, речь идет о необходимости создания тезаурусной типологии значений, ориентированных на схемы события. Такая типология предложена в настоящем исследовании под наименованием "типы экспансивных действий". Схема экспансивного действия включает субъект (X) и его сферу, объект (Y) и его сферу, неравноправное (непаритетное) отношение между X-ом и Y-ом и указание на результат, где ущерб и/или выгода распределяются между участниками события неравномерно.

4. Классификация предикатов в идеале должна учитывать все имена, могущие обозначать экспансию, экспансивные качества субъекта и онтологический результат его влияния на Y-а. Это значило бы, что при объеме однотомного словаря в 50000 слов не менее 2000 из них были бы каким-то образом втянуты в исследование, включая существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Мы исходим из того, что основными выразителями экспансивного отношения являются глаголы. Классификация глаголов по типам действий опирается на словарные дефиниции их значений: методом отбора является индукция.

5. Глаголы, могущие обозначать экспансивные действия, являются

выразителями тезаурусной семантики экспансивного действия. Она богаче значения любого отдельно взятого слова. В этом состоит его имплицитность. Тем не менее, глаголы, взятые в своей совокупности, дают сравнительно полную (хотя и преломленную через собственно грамматические категории и типы предикатов) картину экспансии. Это позволяет рассматривать их как макрогруппу словаря, которая членится на подгруппы по принципу семантического поля. Таким образом выделяются фрагменты тезаурусной схемы, а их глагольное обозначение рассматривается как типизация экспансивных действий.

б. Последнее обстоятельство допускает возможность проведения сопоставительного исследования русских и болгарских глаголов с точки зрения их экспликативной избирательности и имплицитных свойств при отражении концептов схемы. Близкородственные языки, какими являются русский и болгарский, в обозначении экспансивных действий сохраняют большую историческую инерцию, что проявляется в феноменальной близости их лексиконов. С учетом этого обстоятельства, а также вертикального единства источника - схемы экспансивного действия, сравнение глаголов может осуществляться в терминах двоичных знаков действия, распадающихся на левую (русский) и правую (болгарский) части. Обнаруживающиеся при этом диспропорции между частями двоичного знака свидетельствуют о различиях между языками. Эти различия отражены в понятии "семантическая поляризация экспансивного действия". Учитываются только те различия, которые прямым или косвенным образом имеют отношение к схеме экспансивного действия.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в докладе на научной конференции профессорско-преподавательского состава и научных работников Одесского госуниверситета в 1991 году. По материалам работы имеются три публикации.

Структура диссертации. В соответствии с поставленными в

исследовании целями и задачами анализа диссертация, кроме введения и заключения, состоит из трех глав.

Первая глава - "Коммуникативные аспекты номинации. ИмPLICITная номинация" состоит из трех разделов и посвящена теоретико-методологическому аспекту исследуемой проблемы, обзору и анализу существующих точек зрения на проблему имPLICITного. Приводится краткий анализ типов имPLICITных связей, а также некоторые вопросы взаимодействия языка и тезаурусных компонентов сознания. Все это служит основой для второй части исследования.

Во Второй главе - "Тезаурусная схема экспансивного действия и ее лексические параметры", состоящей из двух разделов, на примере русского языка осуществляется переход от гипотезы к ее обоснованию. Рассматриваются типы экспансивных действий и отсылающие к ним предикаты (преимущественно глаголы), отношения между именами, которые устанавливаются на уровне подъязыка, и вариативность в обозначении семантики типового действия.

В Третьей главе - "Семантическая поляризация экспансивного действия в русском и болгарском языках", состоящей из трех разделов, предпринята попытка сопоставительного описания макрогрупп русских и болгарских глаголов, ориентированных на передачу семантики экспансивных действий. Слова рассматриваются в раздвоенных языковых структурах, соответствующих межъязыковой модели тезауруса. Выявляются пропорции и диспропорции между элементами двоичных знаков. Определяются виды двоичных знаков и отношения между ними.

В Заключении приводятся общие результаты исследования.

В диссертационном исследовании представлен также фрагмент сводной таблицы русских и болгарских глаголов, обозначающих ликвидирующие действия.

ГЛАВА I

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ НОМИНАЦИИ.

ИМПЛИЦИТНАЯ НОМИНАЦИЯ

Функциональный подход к языку имеет главной целью показать, что язык действует как высокоорганизованный эффективный механизм, расположенный между говорящим и слушающим, индивидом и обществом, прошлым и "предстоящим" опытом и имеющий своим основанием ситуацию общения, в которой он проявляется как речь (речевые акты или письменные тексты). Интересуясь в принципе всем тем, что предшествует, сопутствует и вытекает из речеупотребления языка, лингвисты неоднократно отмечали, что универсальный для языка принцип избирательности наименования (отношение между некоторым фактом А и именем В всегда обусловлено противопоставлением "существенное - несущественное") по сути является частью эффективно работающего механизма общения. Подбор речевых средств из языкового массива осуществляется не только по эксплицитным правилам, схемам. Он сочетает также знание "тневых", скрытых категорий [Кацнельсон, 1972], использование потенциальной информативности означающих [Гальперин, 1976], вертикального контекста [Ахманова-Гюббенет, 1977], подтекста [Димитрова, 1984], вторичной номинации [Гак, 1977], некатегориальных значений [Бондарко, 1976], имплицитное формальное обозначение [Hausenblas, 1972] и др.

Невозможно установить, кто, когда и в каком терминологическом значении (и в терминологическом ли?) впервые ввел понятие имплицитности в исследование языка. Трудно восстановить даже логическую "канву" этого процесса. Терминологизация латинского *implico* - 'тесно связываю', *implicite* - 'включенный во что-нибудь, подразумеваемый', (ср. франц. *implicite* -

'подразумеваемый, неявный', *impliquer* - 'впутывать, вовлекать, содержать в себе, заключать'; англ. *implicit, to implicate* - в схожих значениях), по-видимому, идет за счет усиления оппозитивного компонента по отношению к слову эксплицитный (ср. франц. *explicite* - 'ясный, определенно выраженный, явный, недвусмысленный' и т.д.). В дальнейшем, в том числе и в славянском языкознании, происходит специализация значений для выражения определенного аспекта описания реального или приписываемого единицам языка содержания.

В лингвистическое описание включаются и производные термины, из логики переносятся понятия "импликация", "имплицитная посылка" и др., вовлекаются также эквиваленты из родного языка исследователя (см. выше). Условно вершиной этого процесса можно считать распространение абстрактных характеристик "имплицитность", "эксплицитность", т.е. тот качественный сдвиг, который требует четкого определения объема и содержания соответствующих понятии, соотнесения их с понятиями выражения, формы, функции знака и т.д.

Однако параллельно с этим, а то и раньше, в обиход входили термины подтекст, пресуппозиция, фоновые знания (тезаурус), глубинное значение, иллокутивная сила высказывания, прагматический компонент высказывания и т.д., которые у различных авторов либо близки понятию имплицитного, либо замещают (включают) его; в результате к существующей пестроте синонимов исходных слов ныне можно прибавить целый букет терминов и частных терминосистем. Нельзя не обратить внимания и на соотносимость таких понятии, как "экономный", "эллиптический", "имплицитный" (см. также образующие синонимический ряд термины компрессия, конденсация, редукция, включение и др.).

Понятие имплицитности с основанием можно отнести к тем понятиям, "которые при их широкой распространенности и даже банальности остаются расплывчатыми по объему и нечеткими по содержанию, хотя сама

сущность, отображаемая в этом понятии, играет далеко не второстепенную роль в организации сообщения" [Телия, 1986, с.5]. Тем более дискуссионными были бы на этом фоне попытки сопоставительных характеристик языков с точки зрения имплицитных свойств типов и видов номинации. Традиционным объектом компаративистики являются, если не эксплицитные структуры, то эксплицитные компоненты этих структур и прежде всего формальный аспект организации этих структур. Этому есть простое "семантическое" объяснение: если под имплицитностью понимать невыраженность какого-нибудь значения (смысла) и лишь его подразумевание, пресуппозирование, то как можно сопоставлять подразумевающиеся вещи? Возникает размытая ситуация, поскольку нет лимитирующего основания сравнения. Возможность или невозможность такого подхода (и в немалой степени - продуктивность исследований) зависят прежде всего от теоретических предпосылок изучения имплицитного, чем и объясняется расширенный объем теоретической части настоящей работы.

Проблему можно сформулировать в следующих пунктах:

1. Имплицитность и дихотомия языка - речи (сферы анализа).
2. Семиотические основания имплицитности (форма и выражение).
3. Экстралингвальные условия "прочтения" имплицитного (прагматический аспект).
4. Сопоставление имплицитных структур в языках (теория метода).

Очевидно, это не исчерпывающая постановка проблемы, и интерпретация, представленная ниже, имеет аргументативный характер применительно ко второй, эмпирической части нашего исследования. Поэтому у нас нет оснований претендовать на изложение общей теории имплицитности. Нет также полной уверенности в том, что поставленные вопросы следует излагать именно в таком порядке, тем более в том, что между любыми двумя из них существуют жесткие границы. И все же имеет смысл попытка

рассмотрения этого комплекса вопросов так, как следует ниже.

1. ИМПЛИЦИТНОСТЬ И ДИХОТОМИЯ ЯЗЫКА - РЕЧИ

Спорная, но имеющая поддержку среди большинства ученых идея о двойном модусе существования языка как системы средств, обобщенных (виртуальных) знаков и моделей их связей и его реальной манифестации, конкретной реализации этой системы [Уфимцева, 1977, с.8], является первым пробным камнем, требующим уточнения наших привычных представлений об имплицитности. В противопоставлении системы знаков, которые могли бы быть употреблены, и неограниченного в нашем пространстве и времени речевого континуума своеобразно решается вопрос о присутствии языковых категорий, моделей, правил. "Синтагматика, - подчеркивает В. В. Морковкин, - имплицитно присутствует в языке и эксплицитно - в речи. Парадигматика имплицитно присутствует в речи и в явном виде - в языке" [Морковкин, 1977, с.14]. Если считать, что "парадигматические отношения определяют группировку слов безотносительно к их актуализации" и что "основой синтагматики являются закономерности нормативной сочетаемости слов в речи" [там же, с. 14], то по прямой аналогии придется заключить, что язык представляет собой имплицитно существующее устройство, которое эксплицитно присутствует в речи. Это одна точка зрения.

Синтаксические конструкции строятся по определенным правилам и образцам. "Однако в реальности не существует ни одного из таких образцов, не наполненного конкретным содержанием, произведенным в речи. Пустой образец может быть лишь искусственным созданием..." [Седельников, 1961, с.69]. Если образцы для построения предложений являются типизированной языковой формой связи слов в речи и только в ней, а обратное недоказуемо, тогда в языке нет "ни грана" имплицитности: собственно языковое

содержание целиком выражается в собственно речевых формах. Внешняя противоречивость этого утверждения вышеупомянутому является следствием как минимум трех факторов: дихотомии языка-речи, однородности понятии "потенциальный", "имплицитный", "виртуальный", изменчивого статуса формы.

Недостаток современных лингвистических теорий, как пишет Е. Пельц, заключается в том, что они прибегли к понятиям, чрезвычайно неясным и перегруженным недоразумениями, а именно к понятиям структуры и формы [Пельц, 1983, с.146]. Это замечание имеет прямое отношение к нашему вопросу. Понятие эллипсиса, например, базируется целиком на представлении о том, что в речи некоторыми элементами плана выражения можно пренебречь без ущерба для содержания, поскольку где-то там (в языке, в других сферах общения, в сознании говорящих, в ситуации общения, тексте и т.д.) это содержание есть или же оно доступно восприятию (ситуативный эллипсис). Причем существуют и соответствующие языковые формы его выражения. То есть язык можно рассматривать как своего рода гигантскую пресуппозицию, которая в силу своей конвенциональности имплицитно включает самое себя в конкретных высказываниях. Следовательно, использование конкретных речевых форм, независимо от вариативности этих форм в конкретных выражениях, является эксплицитной импликацией языка. Отсюда вытекает, что речевые структуры являются эксплицитно-имплицитными и что эксплицитность не является антиподом имплицитности.

Основой представлений об эксплицитности является критерий формальной выделимости, соотношение 1 : 1 двух планов. Правда, в этом случае мы абстрагируемся от дихотомии языка-речи и анализируем конкретные примеры, исходя из множества различных соображений. Исходя из одного и того же соображения о порядке, вводятся фикции о пустых и ненулевых элементах, которые "выделимы только на морфологическом уровне" [Арутюнова, 1970, с.185]. Исходя из соображений об экономии,

можно утверждать, что слово "писатель" является более экономным, чем выражение "лицо, которое пишет (художественные произведения)" [Крыстев, 1981, с.87]. Исходя из критерия обязательной выразимости логики падежных отношений, можно прийти к идее нефлективной морфологии. Так, болгарский языковед А.Т. Балан полагал, что падежные отношения в современном болгарском языке сохранились, но подверглись формальным преобразованиям: он выделял три простые падежные формы (именительный, винительный и звательный падежи) и две сложные, с участием предлогов - дательный (*купих на детето* череша) и родительный (*опашка на череша*, *опашка от череша*) [Балан, 1954].

Исходя из положения о том, что части речи в языках выделяемы прежде всего по функционально-семантическим признакам, а различные степени морфологизации частей речи, дающие очень пеструю картину в разных языках, являются второстепенным объектом, можно пренебречь тождеством формы. Так, Б.А.Серебрянников пишет: "Каждый язык имеет ярко выраженную секторную структуру. Это означает, что каждый элемент языка имеет собственную строго очерченную и строго определенную сферу действия. Если один элемент языка выступает в роли прилагательного, то он всегда будет выступать в этой роли, так как его функция ограничена его сектором. Если другой элемент, совершенно тождественный по форме, выступает в функции глагола, то это кажущееся тождество. В функции другой части речи на самом деле выступает другой языковой элемент, строго ограниченный собственной сферой действия. С этой точки зрения утверждения о том, будто бы татарское слово *матур* 'красивый' в предложениях типа *матур кыз* 'красивая девушка', *ул матур яза* 'он красиво пишет' и *матурны тотыгыз* 'держите красивенького' выступает в функции трех частей речи прилагательного, наречия и существительного, по нашему мнению, несостоятельны. Это три языковых элемента, имеющие особые секторы" [Серебрянников, 1976, с.26-27].

С другой стороны, исходя из того же соображения о порядке 1 : 1, исследователи говорят о грамматических, лексических и синтаксических плеоназмах [Балли, 1955, Колосова, 1980]. Так, в монографии В.В.Мокиенко вопросу об имплицитности-эксплицитности фразеологических единиц уделено особое внимание. Рассматривая эксплицитность как проявление принципа избыточности и уточняя, что речь идет именно о формальной избыточности, свойственной фразеологизму как раздельнооформленной единице, он выделяет следующие способы эксплицирования: 1) "Наращивание" исходного фразеологизма (слова): *змея - змея сипатый (шелудивый, рогатый)*; 2) Соединение слов с "равноправными" значениями: *ни слуху ни духу, ни богу свечка ни черту кочерга*; 3) "Разложение" слова во фразеологизм: *пороть - задать порку, валять - дать валку (валю, перевалку)* и др. [Мокиенко, 1989, с.131-141].

Все перечисленные точки зрения, хотя и исходят из принципа соответствия языковых планов выражения и содержания, трактуют это соответствие далеко не однозначно: само понятие эксплицитности пока не имеет той степени адекватности, которая позволяла бы дифференцировать на строгом основании имплицитное и эксплицитное в языке. Не в последнюю очередь это обусловлено тем, что непосредственному восприятию доступны только речевые формы, тогда как содержание представляет собой в наивысшей степени языковой "оборотень", покрытый тайнами "черного ящика". Это позволяет высказывать различные предположения о семантической организации языка. Мы предполагаем, что существует обширная область языковых резерваций, которые могут переходить из одного семантического состояния в другое с такой легкостью и пластикой, что их формальная фиксация в адекватном виде невозможна. В какой-то мере их можно рассматривать как семантические примитивы (если позаимствовать этот удачный термин у А.Богуславского), или как массу лингвистически непроясненных (т.е. не существующих как единицы языка), но имеющих,

несомненно, лингвистическую основу знаний. Обозначим их рабочим термином **тезаурусная схема** события, не уточняя пока, являются ли они фоновым знанием говорящих или суть "тени" языка, отображающиеся на этом фоне.

Возьмем следующий тривиальный пример: *Яблоко висит на ветке яблони*. В терминологии некоторых исследователей это будет псевдопредложением [Звегинцев, 1976, с.185-186]. С точки зрения коммуникативного назначения, или интенции, это предложение относится к прагматическому типу констативных, содержащих "нечто вроде [я утверждаю]" [Почепцов, 1975, с.181]. Однако любой взрослый носитель языка отметил бы также его тавтологичность. Болгарин сказал бы, что по-болгарски нельзя сказать "Ябълката виси на клона на ябълката", но уже из соображений семантико-стилистических: болгарским эквивалентом *яблони* является *ябълка* или *ябълково дърво*. Наверняка найдется много людей, которые, прочитав предложение, спросили бы "Ну и что?" (намек на то, что эвристическая полезность такого утверждения равна нулю). Лингвист скажет, что "все-таки это правильное предложение", но поинтересуется его актуальным членением. Ребенку можно объяснить, что "так говорят взрослые", иностранцу, что "так говорят русские" и т.д. и т.п.

Человек, листаящий толковый словарь русского языка, удивился бы, если бы узнал, что предложение *Яблоко висит на ветке яблони* можно "истолковать": ['плод', который 'находится в вертикальном положении, на весу, без опоры' на 'небольшом боковом отростке, побеге' `фруктового дерева из семейства розовых'] (СО). Однако он вряд ли удивится, если мы объясним ему, что здесь не одно, а как минимум четыре утверждения: 1. Яблоко на ветке яблони может только *висеть* (не **возвышаться*, *стоять* и т.д.); 2. На ветке яблони может висеть только *яблоко* (не **вишня*); 3. Яблоко может висеть только *на ветке* яблони (не **на стволе* или *под веткой*, хотя реально оно находится под веткой). 4. Яблоко может висеть только на ветке *яблони* (не

**вишни).*

"Сказано то, что сказано" - так можно определить эту логическую парадигму предложения, отражающую лингвистический аспект наших знаний о ситуации. Тот факт, что исходное предложение воспринимается как тривиальное суждение и может вызвать у собеседника ряд нежелательных реакций, является свидетельством того, что мы вторгаемся в сферу "языковых примитивов". Продолжая преодолевать сопротивление языка и все дальше тавтологизируя его, мы употребили бы (в качестве отрицательного материала) выражения **яблоко яблони, *ветка ствола, *яблоко ветки или *рука тела, *нос лица* и т.д. Запрет на такие выражения можно объяснить закономерностями сочетаемости, соположенностью предметов, понятием части и целого и т.д. Эти объяснения можно дополнить тем соображением, что язык имеет своего рода защитный механизм, который срабатывает по мере приближения к элементарным схемам, хранящимся в "невыразимом" агрегатном состоянии. Вместо вышеуказанных словосочетаний мы чаще прибегаем к иносказаниям: *плод яблони, рука человека* или *конечность тела, пальцы руки* (не **ладони*), *нос человека* или *нос - на лице* (не **нос лица, нос головы*), *ветка яблони, яблоко на ветке, яблоко с ветки* и т.д.

Однако вернемся к теме. Коль скоро существует такая тезаурусная схема, полная экспликация которой привела бы к тавтологии языка и описывающих выражений, и коль скоро она не может быть предметом сообщения, а лишь его основанием, то в конкретных актах говорения логичнее использовать лишь ее вербальные перифразы, или репрезентанты, эквивалентные друг другу благодаря общему основанию имплицирования - схеме. Например: *Осенний яблоневоый сад. Ветви гнутся от тяжести плодов. Так и хочется вскарабкаться наверх и сорвать хотя бы одно из этих творений природы.* Или: *Он сорвал яблоко; Мы идем собирать яблоки; Яблоня даст хороший урожай (= будет много яблок).*

Экспликатором схемы может быть и слово с абстрактной семантикой (*плод, урожай*), и описательное выражение (*одно из этих творений природы*). Однако глаголы *сорвать, собирать* таковыми уже не являются: по характеру своего значения они обозначают действия, вносящие изменения в исходной ситуации, выраженной существительным *яблоко / яблоки*.

Субъект действия, характер действия, если они не названы, тут же превращаются в элементарные схемы, но не стираются полностью, поскольку человек - центральная фигура языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит [Золотова, 1982, с.5]. Словосочетания типа *фарш из мяса - мясной фарш, конструкция из железобетона - железобетонная конструкция, башня из металла - металлическая башня, домик из карт - карточный домик* обозначают предметы, которые прошли этап своего реального становления как артефакты, творение рук человеческих [*X - приготовить, построить, сделать - фарш, башня, домик, конструкция*]. Это подтверждается словарным толкованием значений *железобетонный 'сделанный из железобетона', мясной 'приготовленный из мяса'* (СРЯ) и т.д. Однако никакие процедуры экспликации не помогут нам добраться до субъекта, он множествен, вездесущ и определим лишь как X. Точно также глаголы *приготовить, сделать, построить* являются именами сложных действий, семантическое дробление которых скорее всего приведет нас к некоторой другой тезаурусной схеме. Ведь *железо* и *бетон*, *мясо* и *карты* тоже суть фабрикативы, ср. *мясо 'часть туши убитого животного'* (СО). Можно предположить, что за именем артефакта стоит синтетическая тезаурусная схема, ассоциирующая эмпирический опыт с вербальной "предысторией" становления вещи.

Аккумулятивная функция словообразовательных морфем имеет непосредственное отношение к процессам перевода смыслов в достояние тезаурусных схем, причем, как отмечают исследователи, возможен и обратный процесс перевода производного слова в толкующее его выражение. Мы не

столь далеки от мысли о существовании непосредственной связи между сегментными значениями морфем, на трудности в определении которых указывалось неоднократно, и подъязыковой семантикой языка. Можно предположить, что процессу образования и включения в регулярный обиход многих слов предшествует и сопутствует типизация представлений о соответствующей реалии и вычленение на субъязыковом уровне некоторого синтетического образа-схемы, который "подпитывает" дальнейшее вербальное картирование данной реалии, приближаясь к тому неуловимому феномену, который в лингвистике обозначается абстрактным термином семантический инвариант. Так, разработка месторождений нефти и газа, вычленение целой профессиональной сферы работников, производства, механизмов, территориальных подразделений в бывшем СССР, то есть того, что можно обобщенно назвать нефтяной промышленностью, имело своим следствием создание целого ряда производных слов с основой *нефть*: *нефтепромысел*, *нефтеловушка*, *нефтепирс*, *нефтеперевалочный*, *нефтеналивной*, *нефтянка* (двигатель, баржа) и т. д. Люди, профессионально занятые в этой сфере, называются *нефтяниками*. Когда случаются сбои в доставке нефти, говорят коротко *Нефтяники подвели*, причем *нефтяником* может быть и *слесарь*, и *трубоукладчик*, и *водитель*, и *учетчик*, и даже *министр нефтяной промышленности*. Отсюда расширительное толкование слова *нефтяник* - 'работник нефтяной промышленности, специалист по нефти' (СО).

Было бы известным упрощением считать, что лингвистический механизм новообразования сводится к взаимодействию производящей основы *нефть* и суффикса *-яник-* со значением деятеля. Было бы также натяжкой считать, что имплицитруется смысл, подобный словарному толкованию, поскольку оно является парафразой тезаурусной схемы, причем не единственной. Как представляется, это обстоятельство затруднило составителей "Русско-болгарского словаря", которые для перевода слова *нефтяник* воспользовались именно этой парафразой 'работник в нефтена

индустрия; специалист по нефта, петрола' (РБР). Возможен простой перенос слова в болгарский язык, который в принципе восприимчив к русской лексике, с его дальнейшей "обкаткой". Однако слово не может опереться на соответствующую тезаурусную схему в подъязыковой семантике болгарского языка.

Тенденцию к резюмированию схемы обнаруживают и некоторые слова эксклюзивного (по Р. Холлу) типа *простой, обычный, нормальный, прямой, пустой* и др. в функции атрибута либо предикативного признака. Так, говорящий может заявить о себе "Я человек простой (прямой, нормальный)", относя себя к типу людей, которые ведут себя "как надо, без обиняков". Показательно также употребление прилагательных в функции ограничителя признака при противопоставлении нескольких предметов: *с узорами - простой, шелковый - обычный, нейлоновый - простой* и т. д. По свидетельству Л.А.Капаназде, в таких случаях "ситуацией речи "задается" какое-то свойство, качество, "индивидуальность" вещи, а когда надо выразить отсутствие этого качества, т. е. семантически противопоставить одно слово другому, в ход идут "всезначащие" слова" [Капаназде, 1973, с.455]. В своем комментарии по этому вопросу Н.Д.Арутюнова пишет: "Как правило эксклюзивный (по своей семантике) атрибут характеризует первичное, основное значение имени. Он употребляется для его "консервации", охраны от возможных мутаций. Это показатель использования слова в его обычном (обыкновенном) смысле". И далее: "В силу того, что эксклюзивные прилагательные входят в антонимические отношения с открытым рядом слов, они не могут получать строгих семантических определений" [Арутюнова, 1976, с.97].

Откуда исходит негация "не такой" в эксклюзивных употреблениях? Семантикой этих слов выражена лишь некоторая область предполагаемых признаков, каждый из которых противопоставлен исходному; дальше установления этой области говорящий не идет.

Следовательно, эта область характеризуется некоторой "неразложимостью", синкретизмом. Но при необходимости уточнения в речи используются слова с прямой референцией. Имеющие широкое хождение в устной речи слова - "губки" типа *временка, стекляшка, железка, меховушка* вряд ли являются показателем словотворческой лени. Кроме приниженной оценки они содержат точно рассчитанную отсылку к оценочной ступеньке "элементарных вещей". Однако в высказывании *Это не печка, а так временка* слово *временка* имеет вполне определенный референт - печку, сделанную наспех, и поэтому низкого качества, которую придется менять

В теоретическом плане вполне правомерно разделение нарицательных имен на две группы по специфике их значений - на группу именных лексем и группу адъективных и глагольных. По мысли А.А.Уфимцевой, значение именных лексем носит абсолютный характер даже в тех случаях, когда они обозначают абстрактный признак типа *синева, доброта*. "Семантика же глагольных и адъективных лексем относительна в силу того, что в ее основе лежит понятие признака, который как по логике вещей, так и по логике мышления имплицитно подразумевает некоторую субстанцию, предмет, которым он должен (может) быть придан. Поэтому лексическое значение глагольных и адъективных лексем, выражающее неполное понятие, отдельный признак, отношение или состояние предмета, предопределяет и способ его языкового выражения имплицитные лексические синтагмы, реализующие основные типы смысловых отношений: "агнс - действие", "субъект - состояние", "действие - объект" и т.п. [Уфимцева, 1977, с.42-43].

Развивая эту мысль и входя в известное противоречие с ней, можно было бы добавить: по логике вещей не менее очевидной является связь между частью *крыша, рука* и целым *строение, человек*: *крыша* - 'верхняя часть строения, покрывающая его', *рука* - 'верхняя конечность человека от плеча до пальцев' (СО). По логике мышления мы связываем не только предикат *нагретый* с объектом *воздух*, но и абстрактный признак

"температура" с его носителем *воздух, тело* и т.д. Глагол *температурировать* в предложении *Он температурирует* является средством перефразирования некоторой ситуации "Тело X-а имеет повышенную температуру, или тело X-а неестественно горячо, что было проверено измерением". Впрочем, мы опять встречаемся с запретом на прямое, буквальное выражение, о котором говорилось выше: нельзя сказать **Его тело температурирует*.

По логике мышления абстрактный признак связывается с процессивным: *температура плавления* (чего-нибудь), обозначая не столько температуру, сколько тот критический порог, после которого начинается разрушение вещества, названное *плавлением*. Г.А.Золотова, проводя различие между элементарными единицами синтаксиса - синтаксемами по набору синтаксических позиций (функциональным свойствам), отмечает, в частности, характерную для синтаксем с орудийным значением (*топором, из лейки, на машинке, в микроскоп* и др.) ограниченность, поскольку "в самой действительности категория орудия неотделима от категории действия" [Золотова, 1988, с. 11].

Имплицитную синтагму в языке можно рассматривать как специфическую "запись ситуации", существующую в виде условно расчлененного кода. Ее презентирование в речи допускает широкую вариативность. В предложении *Он рубил дрова* компонент [топор] извлекается без всякой правки. В предложении *Рубка леса воспрещается* "запись ситуации" развернута (не сокращена!) до двух элементов: действия и объекта. В предложении *Топор самый страшный враг леса* имплицитная синтагма подменена персонификацией. В предложении *Он засучил рукава, и через минуту во все стороны летели щепки* отсутствует какой-либо компонент синтагмы, но ее эксплицирование производится по косвенным признакам. Имплицитность в данном случае это уже чистый факт речи: есть подразумевание, но нет опущения, есть полноценная грамматическая связь между предложениями, но нет импликации, вывода второго предложения из

первого. Нарушение импликации или ложная импликация (если засучить рукава, то во все стороны полетят щепки) может служить объективным показателем имплицитности, но не структурной, а **информационной**. То есть у нас есть основание включить в процедуру экспликации не только искомую ситуацию [начал рубить дрова], но и первоначальную фазу [взял топор в руки]. Предикат *рубить* и инструментатив *топор* удобнее рассматривать здесь порознь.

К чисто речевому (текстовому) способу имплицирования можно отнести и так называемые имплицитные бессоюзные сложные предложения с невербализованным смысловым звеном. Подобную трактовку мы находим у И. Недева. Он использует следующий прием экспликации невербализованных компонентов:

Нещо трепна във водата.

Божура се наведе и погледна:

изплава пак образът и, тя се

усмихна... (И. Йовков)

→

Нещо трепна във водата. Божура

се наведе и погледна, за да

разбере какво трепна във водата, и

видя, че изплава пак образът и, тя

се усмихна...

Смысловые отношения первого компонента предложения с подтекстом создают "информационный голод", речевой поток обрывается но не прерывается логико-смысловая цепь повествования. Она временно "погружается вглубь", но снова "всплывает" на поверхность, чтобы реализоваться во втором компоненте предложения. Автор считает, что обязательной экспликации подлежат три компонента: обстоятельственное предложение цели со сказуемым типа "понять-понимать", "получить-получать" и т.д.; поясняющее подчиненное предложение, которое "насыщает лексико-грамматическую сочетаемость сказуемого" первого предложения или конкретизирует его элемент с более общим значением

("информация", "знание", "сведение"); независимая синтаксическая конструкция, обозначающая способ обнаружения, с помощью зрения, слуха и т.д. [Недев, 1990, с.36]. Возникает лишь сомнение в том, насколько правомерно описывать эти логико-смысловые шаги в однозначных терминах грамматических конструкций.

Вследствие несимметричности синтагматики языка и речи возникают функционально соотносимые конструкции, обладающие способностью взаимозамещения: *план по продаже молока государству - план по молоку молоко* (ср. в непринужденной речи: *Молоко горит*); *испытания ядерного оружия - ядерные испытания*; *штанга фантастического веса - фантастическая штанга* и т.д. Глубокое теоретическое осмысление синтаксической соотносительности мы находим у Н.Ю. Шведовой. Рассматривая синтаксические ряды как единицы языковой системы, она пишет: "Синтаксический ряд - это по самой своей природе живая ячейка языковой системы, внутренне изменчивая и постоянно подвижная: это как бы своеобразная лаборатория, испытывающая и апробирующая все то новое, что возникает в речевой практике" [Шведова, 1966, с.70].

Можно ли рассматривать приведенные выше новообразования как экономные? По-видимому, да, если рассматривать их как факты речи, имплицитные предыдущие члены ряда. Возможно, нет, если учитывать, что они эксплицитуют один и тот же ряд; в противном случае мы отрицаем единство членов самого ряда. Однозначно высказывался по поводу такой экономии Р.А. Будагов: "Если более короткое предложение по существу осмысливается на фоне более длинного предложения, то первое не может рассматриваться как более "экономное", чем второе. Количественные отношения между словами осложняются отношениями качественными, не позволяющими говорить об экономии первого (короткого) синтаксического типа сравнительно со вторым (длинным) синтаксическим типом" [Будагов, 1972, с.25].

Разграничение между языком и речью в плане имплицитности часто проводится на базе противопоставления глубинных и поверхностных структур. Так, конструкции *диалог с камнем за пазухой* и *диалог с водителем за рулем* осмысляются как тождественные по своей поверхностной структуре, но нетождественные по своей глубинно-смысловой организации. В первой конструкции вставное (парантетическое) *камень за пазухой* "незаконно", не по рангу заняло место основного, матричного (*лицо, собеседник*) и всячески препятствует его экспликации, ср., *громоздкое диалог с камнем за пазухой с соседом*. Однако необходимо дополнить, что участники ситуации проглядывают за семантикой существительного *диалог* - "разговор X с Y", которое является именем ситуации, эксплицирующим типизированную тезаурусную схему. Отсюда накладываемое языком ограничение на образование предикативной производной лексемы, но "разрешение" на перифразы - *вести диалог, состоится диалог, диалог не удался* и т.д.

В таком же ключе рассматривается регулярное в речи скрещение, "стыковка" нескольких предикатных отношений [см. Ломтев, 1979] типа *Я помню его молодым*: 1. *Я помню его*; 2. *Он был молодым*. Или: *Что ж, в газетке лозунг точен. Не беги в кусты да в хлеб, где в газетке лозунг точен* совмещает 1. *В газетке - лозунг*; 2. [*X читал (1)*], 3. *Лозунг точен*. Если рассматривать это явление с точки зрения возможности более развернутого (предикативного) выражения, а такая возможность сопровождает любое речевое построение, тогда следует признать перечисленные конструкции имплицитными. Но этот критерий не является единственным. Если исходить из соображений стиля или же выразимости мысли в целом, которая уже состоялась и наблюдается постфактум, можно говорить о полной экспликации, разумеется, вкладывая в этот термин столь же противоположный смысл, сколько и в предыдущем. Мы отказываемся от их противопоставления. Предмет сообщения по идее должен быть шире предмета номинации в речи, подобно тому как предмет номинации шире признака, положенного в основу

наименования. Это несоответствие имеет краткое объяснение: сущность языка состоит не в том, что он нечто обозначает, а в том, что нечто сообщает [Колшанский, 1976, с.22].

Рассмотрим следующий отрывок:

- У вас что, *музей* имеется? *Галерея?*

- Какой там... Так, *краеведческий мечтаем, на общественных началах.*

[*мечтаем создать музей на общественных началах*].

В предикатной структуре глагола *мечтать* резервировано место для объектного актанта с конкретизирующим характером. Выражение этого объекта может выглядеть как простое заполнение актанта места: *мечтать о каникулах (автомобиле, друге, отдыхе)* или как развернутый предикат - *Они мечтают создать музей на общественных началах*. В обоих случаях возможна номинализация с сохранением валентностей субъекта и объекта желаний, транспозиция не меняет существенно объектных свойств предиката. Предмет же наших желаний всегда действителен, он не замыкается на вещи, а представляет собой некоторую воображаемую ситуацию, "положение дел", при которой вещь видится в выгодной для нас позиции, обращенной, приближенной именно к нам.

Степень сложности этой ситуации, количество ее элементов в редких случаях поддается исчислению. Поэтому взятый нами в квадратные скобки способ экспликации не вполне корректен. Во-первых, потому что возможны другие лексические варианты (*открыть, организовать, построить, учредить* и т.д.). Во-вторых, потому, что говорящий связывает определенные надежды не столько с фактом создания такого музея, сколько с фактом его работы и возможной пользой от этого. Пока нет такой процедуры, опираясь на которую мы могли бы однозначно эксплицировать этот информативный компонент сообщения, поскольку номинации подобного рода имеют лимитирующий характер и семантически приближаются к эксклюзивам.

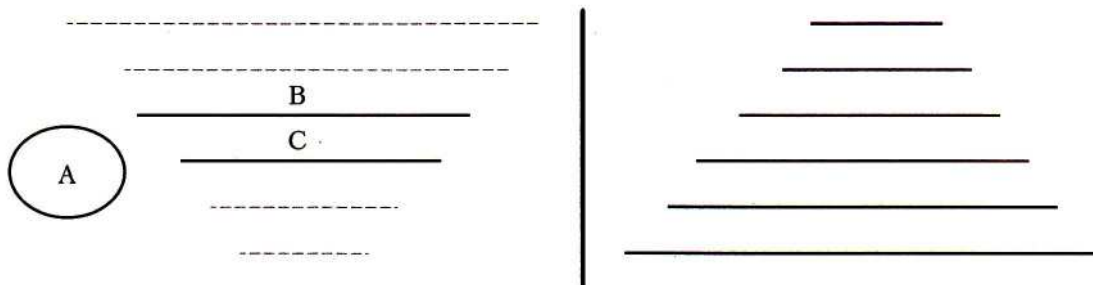
Своеобразна и семантическая роль объектных лексем в сочетаниях типа *говорить о машине, стремиться к силе, требовать бумаги, страсть к знаниям, специализироваться по рыбам* и др. Информационно они намного богаче, нежели их собственная эксплицитная семантика, поскольку берут в нагрузку функцию **темы**, имплицитно сложную ситуацию. Проиллюстрируем это примером: *Мода "мини" в значительной степени определена популярностью спортивного стиля. И поэтому она требует обуви на низком каблуке* (газ.). Мода требует не наличия определенных предметов самих по себе, а определенных действий, связанных с ними. Имя объекта *обуви* является одновременно именем частично обозначенной ситуации [X - предпочитать обувь на низком каблуке] или нескольких сопряженных ситуаций [X - выбирать / покупать / надевать / носить - обувь...]. С точки зрения предикатной структуры глагола *требовать* существительное *обуви* является его синтаксическим актантом, но с точки зрения семантической роли в имплицитировании сложной ситуации оно выступает как своеобразный предикат. Наконец, с точки зрения структуры имплицитированной ситуации оно является реальным объектным актантом. Имена с подобной ролевой спецификой можно называть квазиактантами.

Общеизвестно, что в лингвистической теории нет жестких границ между сферами языкового и речевого. Когда мы говорим "речевое построение" (слова, сочетания слов, предложения), мы утверждаем две вещи: во-первых, это построение языковых единиц по языковым правилам с конвенциональным характером, образующих орудие общения; во-вторых, это ближайший, непосредственный продукт общения, фиксируемый в актах речи и имеющий некоторую сверхзадачу - выражение мыслей, целей и намерений говорящих в данной ситуации. Руководствуясь интуицией, можно предположить, что имплицитность как языковая категория имеет смысл в том случае, если мы находим ей подтверждение в структуре сообщений. "Переход к имплицитным значениям - это переход из области семиологии

языка в семиологию речи” [Никитин, 1988, с.142]. По-видимому, в самом языке не должно быть ничего невыраженного, не закрепленного формой или образцом: характеристика "невыраженный" не вполне согласуется с характеристикой "конвенциональный”.

2. СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИМПЛИЦИРОВАНИЯ

Попытаемся воспроизвести в самом общем виде картину отношений между фактом и его обозначением. Допустим, что некоторое явление или предмет А может быть описано (обозначено) с помощью речевых отрезков различной длины: их можно расположить по вертикальной шкале в порядке убывания единиц обозначения сверху вниз. Количество таких отрезков является неограниченным (пунктирные линии): полюсом максимум будет чрезвычайно подробное описание факта, а полюсом минимум - его "нулевое" обозначение. Речевые отрезки назовем условно номинантами разной степени сложности, каждый из них содержит некоторое количество знаний (ложных, истинных или вероятностных) в виде информации о факте А; в схеме совокупность этих знаний вынесена в правую часть, сплошные линии символизируют знания, не нашедшие выражения в структуре сообщения. Сумма в левой части обратно пропорциональна сумме в правой:

Если эта схема в общих чертах соответствует действительности, то можно, не прибегая к дополнительным соображениям, сделать следующие формальные выводы:

1. Нет такой речевой суперструктуры, которую можно было бы считать полностью эксплицитной как с точки зрения описания референта, так и с точки зрения выражения информации (знаний) о нем. Это касается и отрезков В, С.

2. Нет такой речевой микроструктуры, которая была бы абсолютной импликацией факта А. Это касается и отрезков В, С.

3. Отрезки В, С являются эксплицитно-имплицитными структурами; они сообщают о факте А некоторую информацию независимо друг от друга и от соседствующих отрезков по вертикали.

4. Отношение между отрезками В, С и фактом А можно назвать отношением номинации, отношение между длиной этих отрезков и фактом А можно назвать отношением информации.

Язык безусловно действует в зоне средних возможностей, т.е. в диапазоне В - С: нашей речи несвойственны как предельная детализация, так и предельная скупость в обозначении факта. Здесь, очевидно, существуют наиболее благоприятные условия для систематического имплицирования информации и образования эксплицитно-имплицитных структур.

Поскольку отношение номинации однозначно для обоих отрезков (например, отношение кореферентности для номинации *великий русский писатель* и *автор романов "Война и мир", "Анна Каренина"*), из него нельзя вывести формальное определение имплицитности. Его нельзя вывести и из отношения информации: первый номинант содержит классифицирующую информацию по признакам "мера таланта", "национальность", "сфера занятий", второй - индивидуализирующую информацию по признакам "деятель", "содеянная им вещь". Формальное определение имплицитности возможно лишь при соотнесении элементов левой и правой части схемы: имплицитность - это проекция отрезков В, С на плоскость тезауруса, в результате которой они становятся "длиннее" на порядок.

Таким образом, опыт (тезаурус, фоновые знания, энциклопедическая информация) говорящего является первым и важнейшим семиотическим основанием имплицирования в речи. Если бы мы ограничились только соотношением означающего (формы) и того семантического минимума, который мы называем языковым значением (содержанием, сигнификатом, образом), можно было бы считать эту связь семиотическим основанием языка как знаковой системы. Имплицирование же возникает в случае, когда форма соотносится с расширенным участком тезауруса и это входит в ее речевое задание.

В лингвистике пользуется популярностью положение о том, что имплицитные языковые конструкции держатся на асимметрии между единицами плана выражения и единицами плана содержания [Колосова, 1980, с.161]. "Имплицитный характер высказывания является отражением асимметрии между формой и содержанием, между категориями языка и формами мышления" [Старикова, 1974, с.11]. Положение об асимметрии знака как неустойчивом равновесии означающего и означаемого в силу того, что "означающее ищет себе иные функции, а означаемое стремится быть выраженным не только своим собственным знаком, но и еще и другими средствами", получило у С.О. Карцевского обоснование в принципе асимметричного дуализма знака [Karcevskij, 1929, с.93]. Такое понимание асимметрии восходит к Ф. де Соссюру [Соссюр, 1977, с.107-108].

Эти утверждения вполне справедливы, но затрагивают лишь один из аспектов лингвистического механизма. Имплицитный характер высказываний можно рассматривать как результат сбалансированного соотношения категорий языка, форм мышления и структуры ситуации общения, что в синхронном плане предполагает и процессы переотнесения форм, и процессы переадресации содержания.

Н.Д. Арутюнова предлагает разграничивать структурную связь

материального знака со значением и системную организованность двух планов с помощью понятия функциональной единицы языка. "Функциональные единицы языка, цитируем, в отличие от знака лишены целостности. Им не свойственна нерасторжимость и однозначность связи между формой и функцией, отношения между которыми оказываются подвижными, скользящими. Представляется возможным говорить отдельно о единицах плана содержания и единицах плана выражения (формально выделяемых значимых сегментах), взаимодействие которых создает знаковую функцию" [Арутюнова, 1970, с.181]. Имплицитность можно рассматривать как расширение этой знаковой функции на базе системной организации тезауруса говорящих.

Поиск других семиотических оснований имплицирования связан с необходимостью содержательного определения имплицитности, триады терминов **имплицировать - имплицитный - имплицитность**. Наиболее распространенным является следующее определение: имплицитный (скрытый) - подразумеваемый, невыраженный [Ахманова, 1966, с.174, 345, 408; Кондаков, 1971, с.171]. Характеристика "невыраженный", как можно предположить, приписывается тому аспекту речевых единиц, где нет жесткой одно-однозначной связи между формальным и содержательным планами; другими словами, под нее можно подвести массу примеров, анализируя которые исследователь приходит к выводу о специфике выражения, а не просто отсутствии его. С такой краткой формулировкой, учитывая оговорку, нельзя не согласиться. При буквальном же понимании слова *невыраженный* абсолютизируется принцип соответствия. "В синтаксисе,- пишет по этому поводу Г.А.Золотова, - мы не наполняем форму содержанием, а берем компоненты смысла уже сформированными в одной из нужных нам форм" [Золотова, 1973, с .24].

Недооценка этого факта может создать определенные трудности в

дефинициях исходного термина. Так, Т.А. Колосова опирается в своем исследовании асимметричных единиц большого синтаксиса на следующее определение: "Под имплицитными мы понимаем такие построения, в которых отдельные компоненты содержания не находят специального выражения с помощью формальных языковых средств, но высказывание остается автосемантическим и информативно достаточным без обращения к конситуации, поскольку вербализованные звенья как бы вбирают (подчеркнуто нами - Я.П.) в себя семантику невербализованных" [Колосова, 1980, с.50]. Представляется, что содержательное исследование Т.А.Колосовой является удачным подтверждением совмещения подчеркнутых характеристик: специальное выражение проявляется в том, что вербализованные звенья (= формы) как бы (= в моделях, анализируемых автором) вбирают в себя (= выражают) семантику невербализованных (= необходимую долю информации). Например, с участием двух контактирующих союзов (скрепов) в модели "А как если бы С": *Слова ее мальчику слышались так точно и ясно, как если бы говорила она прямо под ухом ← Слова ее мальчику слышались так точно и ясно, как они слышались бы ему, если бы говорила она прямо под ухом.*

Недостаточность характеристики чистого "подразумевания" подтверждается фактами номинализации предикативных структур, в связи с чем появился термин имплицитная предикативность, например: *Я очень рад приходу Петра; Мальчик читает книгу чтение мальчиком книги; Я очень люблю прогулки по ночному городу.* С формально-синтаксической точки зрения предложения с девербативами *приход, прогулки, чтение* "имеют только одну предикацию и не отличаются в этом отношении от обыкновенных простых предложений. Однако с точки зрения функционально-трансформационного анализа перед нами в таких случаях двухбазовые структуры, содержащие главную и зависимую предикацию" [Адамец, 1973, с.40].

Предложения, трансформированные в именную позицию, утрачивают

коммуникативную автономность, в них стерта расчлененность на тему и сообщаемое (рему), но их номинативное содержание остается прежним [Арутюнова, 1972, с. 308], поскольку сохраняется общность "ядерного компонента" [там же, с. 309]. Предложение *Выполнен важный наказ жителей своим депутатам* (газ.) характеризуется "неназванностью" субъекта глагольного действия (основная ситуация), вынесенного на периферию сообщения *наказ жителей своим депутатам* (побочная ситуация). Однако в самом сообщении представлена возможность перестройки смысла с помощью проекции содержания высказывания на временную ось и рокировки общих актантов, стягивающих хронологически частные события в суммарную знаковую конструкцию, которую можно записать следующим образом: {[X выбирает У-а в депутаты] → [X поручает У-у] → [У выполняет наказ X-а]}. С точки зрения актуальности эти порции информации неравноценны, что и дает основание считать первые две имплицированными. Однако они выражены, что дает не меньшее основание считать высказывание комплексной номинацией трехфазной ситуации. Иначе как бы мы оценивали семантическую роль местоимения *своим* [= выбрать] или существительного *наказ* [= поручить]?

Как ни тривиально звучит, но основанием имплицирования в высказываниях подобного рода является сама структура сообщения. Ее можно рассматривать как частное основание имплицирования. Обратившись к тезаурусу, или общему основанию, мы могли бы отметить, что *жители* выступали в роли *избирателей* в тот момент, когда *депутаты* выступали в роли *кандидатов*, установив тем самым наличие некоторой типизированной схемы ("выборы") тезауруса. Она избавила автора газетного отрывка от необходимости соблюдать "правила конверсии" (наказ *избирателей* своим *депутатам*).

Случаи номинализационных преобразований, вторичного означивания (метафоры в широком смысле слова), а также контекстуального влияния на

смысл слов и выражений, рассматриваемые с точки зрения имплицитности, как-будто бы подтверждают принцип асимметрии, расподобления синтаксиса и семантики (формы и функции) в речи. Однако можно предположить, что они в какой-то степени являются подтверждением другого, не менее важного принципа, отнюдь не противоречащего первому, принципа соответствия знака и сообщаемой информации. Рассмотрим следующий набор предложений: 1. *Он обрадовался тому, что к нему пришел гость*; 2. *Он обрадовался тому, что пришел гость*; 3. *Он обрадовался приходу гостя*; 4. *Он обрадовался гостю*; 5. *Гость обрадовал его*; 6. *Приход гостя обрадовал его*; 7. *То, что пришел гость, обрадовало его*; 8. *То, что к нему пришел гость, его обрадовало*. Будем считать, что существует контекст, в рамках которого взаимозаменяемость предложений возможна. Это означало бы, что мы имеем дело с явной асимметрией по вертикали. По горизонтали же мы имеем в каждом из восьми случаев устойчивое отношение функциональной симметрии между обозначаемым - сложной ситуацией и сообщаемым о ней. Эквивалентность этих высказываний обусловлена тем, что они в данном контексте реализуют одну и ту же единицу сообщения.

Различия по вертикали таковы, что эксплицитными следовало бы признать высказывания 1 и 8. Высказывания 2, 7 частично реализуют синтаксические потенции предиката *пришел*, что может рассматриваться как эллипсис. Высказывания 3, 6, кроме этого, являются монопредикативными (имплицитная предикативность). Высказывания 4, 5, кроме прочего, построены лишь по двухместной предикатной схеме и могут рассматриваться как частичный знак исходной ситуации. Это взгляд "по вертикали", скованный негласным допущением, что исходной ситуацией является не сам объективный факт или идеальное представление о нем, а его эксплицитные речевые варианты 1 и/или 8. В такой трактовке основанием имплицитирования считается некоторая исходная, "образцовая" (хотя не всегда фреквентная) структура,

которая подвергается трансформации в ряд нормативных усеченных вариантов с явной структурной асимметрией.

Представляется, что этот подход может быть дополнен и уточнен взглядом "по горизонтали". С одной стороны, основанием имплицирования может быть предтекст, с которым рассматриваемые выражения связаны отношением дополнительности: их структура обуславливается необходимостью шагового развертывания информации [см. Мартемьянов, 1964]. С другой стороны, как в данном случае, можно установить отношение эквивалентности между вариантами 1 - 8 и соответствующей тезаурусной схемой, учитывая, что она может быть перифразирована и с помощью других глаголов (*прибывать, приезжать, навещать, посещать, гостить* и т.д.). В самом деле, *гость* это 'тот, кто посещает, навещает кого-н.' (СО); *посещать, навещать кого-нибудь* и *приходить к кому-нибудь* отличаются оттенками намеренности, запланированности действия и действия-результата.

Далее, глагол *обрадоваться* обозначает состояние субъекта, воспринимающего внешнюю ситуацию: причиной эмоции является не ситуация сама по себе (приход гостя), а то отношение к исходному состоянию субъекта, которое создается ее восприятием. Проще говоря, *обрадоваться* значило бы здесь 'увидеть и обрадоваться', 'услышать и обрадоваться', 'узнать и обрадоваться' и т.д., но не просто 'испытать радость, предаться радости' (СО). Таким образом, структура сообщения как минимум трехчленна и включает компонент со значением восприятия, что позволяет считать имплицитными и варианты 1, 8. Отсюда возможность перефразирования: *Он обрадовался, узнав, кто пришел; Он увидел друга, стоящего у порога, и обрадовался.* Совершенный вид глагола *обрадоваться* со значением моментного всплеска эмоций связан с компонентом восприятия крепче, нежели несовершенный вид *радоваться*. Фразы *Рад видеть вас; Я вам очень рад (вам - видеть вас, смотреть на вас); Рад слышать; Рад отдохнуть [если бы знал, что можно], да некогда* и т.д.

свидетельствуют о достаточной регулярности компонента со значением восприятия. Учитывая двойственность рассмотрения этих и других речевых построений в силу их соотносимости друг с другом и с определенным фрагментом тезауруса (некоторые элементы которого могут быть развернуты в предтекст и выполнять аналогичную ему функцию в текстах), необходимо дать такое рабочее определение имплицитности, которое удовлетворяло бы требованию целостности и сбалансированности двух аспектов исследования.

Имплицитность - это специфическая функция слов в составе речевых номинации (высказываний), которая лежит на пересечении отношении ряда номинации по вертикали, составляющих своего рода вербальную палитру ситуации (номинанта), и отношении тиражирования узкого семантического пространства тезауруса, устанавливаемых на базе категориальной и лексической семантики соответствующих слов.

Имплицирование понимается как способ формального выражения, при котором слово или сочетание слов ослабляет свои связи в вертикальном ряду, его (их) форма деблокируется для выражения ситуативного компонента схемы, в результате чего информативная нагрузка существенно возрастает. Имплицирование не всегда сопровождается формально-синтаксическими (трансформационными) показателями, а в большинстве случаев непосредственным источником его обнаружения является эффект расширения референтной области, к которой оно прилагается в качестве номинанта.

Имплицитным следовательно, можно назвать любое речевое построение, в котором хотя бы два компонента связываются по принципу $[(\mathbf{a} \mathbf{R} \mathbf{v})]$, где \mathbf{a} , \mathbf{v} - формальные компоненты, \mathbf{R} - форма их связи (грамматическая, смысловая), круглые скобки (...) - символ вербального контекста, квадратные скобки [...] - символ фрагмента тезауруса, реализуемого на базе категориальной и лексической семантики опорных слов.

Эти определения не являются абсолютными. Трудно предположить, что

данное нами трехстороннее определение имплицитности соответствует всем наблюдаемым фактам. Кроме общего и частного оснований имплицирования в речи должны получить соответствующее осмысление и конкретные семиотические особенности выражения.

Когда мы утверждаем, что основополагающим знаковым свойством языка является выражение содержания мысли, мы тем самым признаем сопряженность языковых знаков с некоторыми элементами общей картины мира в сознании говорящих. Проводя границу между языковыми значениями и фоновыми знаниями, мы не должны, по-видимому, отвергать возможность изучения формальной особенности значения: оно как конвенциональная величина не менее выразительно, чем форма, несущая его. Обмен "социальными сущностями" на базе социальных знаковых форм в социальных (чаще всего типизированных) ситуациях по форме представляет собой "исполнение" языка, но по содержанию - выражение мыслей, желаний, намерений. Нет никакого противоречия в том, чтобы мы считали языковые формы **носителями** значений, или языкового содержания, а языковые значения - **выразителями** содержания мысли, или сообщения. Рассматривая речевые номинации как ближайший продукт общения, следовало бы предусмотреть двойной статус выражения: фонеморфологические способы выражения и содержательные структуры выражения.

Говорящий может наделять значения формальными функциями, в частности, функцией выражения некоторого блока смыслов. В терминах психологии это может осмысливаться как бисоциативность, в терминах логики как импликация $A \rightarrow BCD$, в семантической теории поля - как компактный фрагмент семантики с организующим вербальным ядром, в прагматике как связь пропозиции с пресуппозициями и т. д. При таком понимании формальности значения легче объяснить лингвистически тот феномен, который А.Ф. Лосев назвал бесконечной смысловой валентностью языкового знака

[Лосев, 1977]. В нашем случае вопрос можно свести к следующему: считать ли этот симбиоз значением, "переменной величиной, не поддающейся точному контролю" [Глисон, 1959, с.124], или разграничивать языковое содержание как форму и речевое сообщение как содержание.

По мнению В.Л. Медынской, имплицитные структуры представляют собой компактные выражения, наличный состав которых не отражает богатства мыслимого содержания [Медынская, 1971б, с. 381]. Она приводит следующий характерный пример: *Первый год своего пятидесятилетия Советская Россия начала с сохи, а последний закончила сложнейшими электронными машинами*. В качестве комментария к нему мы приведем мысль В.Л. Медынской о том, что "с представлением о названных предметах ассоциируется не обозначенное в тексте представление о действиях, связанных с предметами" [там же, с. 40].

В указанных позициях *соха, электронные машины* - это действительно названия предметов (1), выражающие некоторую действительную ситуацию (2) и, кроме того, исходное состояние обобщенного субъекта *Советская Россия* [примитивное] и его конечное состояние [преуспевающая] (3), а отсюда уничижительную оценку предыдущего обобщенного субъекта и превосходную оценку нынешнего (4). *Свое пятидесятилетие* приравнивается к смыслу "развитие за пятьдесят лет", *начала первый год* - к смыслу "была", *закончила последний* - к смыслу "стала", *сложнейшие* - к смыслу "свидетельствующие о развитости". Значения (1) входят в информативную инфраструктуру сообщения как формы, выражающие информацию (2, 3, 4): *соху* можно заменить *телегой, крестьянской избой*, а *электронные машины* - *ракетой, Останкинской башней* и т.д., важно, чтобы референция этих слов была взаимно ориентированной (противопоставление и символизация реалий) и одновременно обращенной к блоку (2, 3, 4), что, собственно, и образует содержание сообщения, выдержанного в апологетическом стиле.

Итак, подчеркнутые слова выражают не смысл предложений, а те фрагменты мысленного содержания, которые могли бы быть сообщены каким-нибудь другим образом. Значения этих слов не растворяются в информации, а служат формальной опорой для ее выражения. При такой градации выражения формы этих слов приобретают функциональную значимость, отнюдь не лишаясь структурной соотнесенности с предметными значениями. Однако статистическая симметрия дополняется подвижной (временной) функциональной симметрией между формой и сообщаемым. Конкретным основанием имплицирования является "формализация" значений слов, поэтому нельзя говорить об элиминировании как вербальных, так и невербальных компонентов высказывания.

Наконец, следуя такой логике, которая, как нам кажется, не противоречит определению К.А. Долинина, мы согласимся с его формулировкой понятия "имплицитное содержание". "То содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии, мы назовем имплицитным содержанием высказывания (ИСВ), или подтекстом, вне зависимости от его характера, актуальности для того или иного участника сообщения и его "запланированности" адресантом, а также от того, проявляется ли это содержание в изолированном высказывании или только при включении данного высказывания в более широкий контекст" [Долинин, 1983, с.37]. Помня, что основания имплицирования могут служить и источником для процедур экспликации, можно перейти к следующему пункту анализа.

3. ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ СМЫСЛА

За этой обобщенной фразой стоят многолетние наблюдения филологов, психологов, философов, искусствоведов над тем, каков путь от смысла к

ситуации говорения, слушающему и пониманию как конечному этапу словесной коммуникации. Понимание языкового сообщения на этапе восприятия зависит от такой, казалось бы, несущественной детали, как выражение лица говорящего. И в то же время от глобального комплекса условий общения, чье осмысление требует максимального напряжения философской мысли. Множественность этих факторов является одной из объективных причин того шаткого положения терминологии имплицитности, которая в общем контексте лингвистической терминологии воспринимается некоторыми языковедами как стремление сознательно или бессознательно построить новую терминологическую Вавилонскую башню [Бауш, 1978, с.55].

Вполне возможно, что и мы, руководствуясь естественным желанием избежать этого, придем к противоположному результату. И все же необходимо хотя бы в краткой форме с учетом уже высказанных соображений определить отношение между принятым здесь пониманием имплицитности и понятиями "эллипсис" (опущение), "подтекст", "пресуппозиция".

Понятие эллипсиса связывается с вопросом о соотносительности ряда конструкций, выражающих одно и то же содержание, но обладающих разной степени грамматической укомплектованностью и противопоставляемых по признакам "развернутость - свернутость", "полнота - неполнота", "правильность - неправильность" грамматической структуры и т.д. [Бельчиков, 1979, с.404], а также по своей принадлежности к тому или иному стилю речи. Эллипсис в широком смысле связывается с "экономией" языковых средств на разных уровнях как в синхронном плане, так и с учетом диахронических изменений.

Рассмотрим вкратце лишь некоторые аспекты эллипсиса.

1. *Брату я отослала письмо, а сестре - нет; Сестре дали яблоко, а брату не дали; Перевод с венгерского языка на русский.* Н.Н. Леонтьева относит эллипсис в этих предложениях к способам устранения избыточности информации. В первом примере, по ее словам, разорвана цепочка синтаксических связей, во втором отсутствует необходимое управляемое слово

при наличии управляющего, в третьем - необходимом главном слове при наличии зависимого, причем опущение повторяющихся слов приводит к нарушению правильной синтаксической структуры предложений [Леонтьева, 1967, с.97]. Надо полагать, что имеется в виду некая утилизированная схема типа *Брату я отослала письмо, а сестре я не отослала письма*; эллиптической оказывается та часть предложения, которая, накладываясь на другую, совпадает с ней лишь частично, но с точки зрения правильности должна была бы соответствовать ей полностью. Представляется, что в подобных случаях мы имеем дело с сознательным выбором средств из лексикона: "вычитание" средств ведется не от более длинного (громоздкого) типа, а от допускаемых узусом в целом возможных вариантов исполнения. Соотносимость можно рассматривать как явление второго порядка. Однако трудно оспаривать наличие отношений дополнительности между левой и правой частью предложений, что избавляет от необходимости прибегать к "грамматической рефлексии" и абсолютизации принципа параллелизма структур.

2. *Татьяна в лес, медведь за нею; Ты мне, а я тебе; Он домой.* По мнению Е. В. Ширяева, особенностью эллиптических предложений этого типа является то, что место отсутствующего глагола может занять не какой-то определенный глагол, а любой из глаголов некоторой лексико-семантической группы, ср.: *Татьяна (бросилась, побежала, кинулась, устремилась и т.п.) в лес* [Ширяев, 1979, с.160]. Согласно этой точке зрения, строение подобных предложений "требует глагола-сказуемого, хотя бы и не в его лексической конкретности, но в обязательной структурной необходимости" [Фоминых, 1965, с.102]. В концепции А.П. Сквородникова - это модельно-фразеологический эллипсис с незамещенной синтаксической позицией: однозначное осмысление глагольного сказуемого "осуществляется в лексическом плане за счет обратной валентности зависимой части (или частей) словосочетания, которая (валентность) ограничена определенной, более или менее узкой, лексико-семантической группой" [Сквородников, 1978, с.12, а также Сквородников, 1973, с.118].

В подобном ракурсе - как "стирание" или замена нулем в поверхностной структуре предложения тех или иных элементов его глубинной структуры - мы находим трактовку эллиптирования у Л.С. Бархударова [Бархударов, 1973, с.59]. Об опущении глаголов говорит и Е.Н.Сорокина: в частности, приводя пример *В каждом этом слове - пророчество обо всей будущей судьбе человека*, она предполагает подразумевание глаголов обнаружения признака или явления типа *раскрывать, обнаруживать, проявлять* и под. [Сорокина, 1982]. По-видимому, к такой позиции склоняется и болгарский языковед Б. Крыстев, который рассматривает опущение глагола-сказуемого как проявление универсальной тенденции к экономии средств в синтаксисе "брахисинтаксии" [Крыстев, 1981, с.65-72]. Практически все исследователи единодушны в том, что наблюдаемое явление имеет функционально-стилистическую специфику: безглагольные конструкции служат не столько для замещения "стандартных", сколько в качестве стандартных в некоторых сферах общения, либо в чисто художественных целях, в роли идиом и т.д. С точки зрения их выделения и противопоставления другим типам высказываний, а также с учетом традиции, теории стилей характеристика "эллиптические конструкции" оказывается удобной. Она действительно отвечает на некоторые запросы лингвистического анализа, будучи не более условной, чем другой классифицирующий термин.

Рассматривая соответствующие конструкции как имплицитные, мы относимся к "восполнению глаголов" как к способу эксплицирования информации, а не конкретным языковым (лексическим) единицам, поскольку нет собственно синтаксических, функционально-структурных доказательств отсутствия строго определенных лексем. Вполне возможна и такая экспликация: *Татьяна в лес* [побежала, чтобы спастись], *медведь за нею* [кинулся, чтобы догнать]. Словесная информация в тексте сочетается с образными представлениями, вербализация которых всегда страдает условностью.

Так, используя переход "значение → форма", мы могли бы утверждать, что имя *Татьяна* имплицитно означает нечто вроде "испугалась, захотела спастись", а синтаксема *в лес* - действительную ситуацию, которую читатель может легко представить себе в виде образа. Образ может быть вербально расчленен и представлен в виде ряда синонимических конструкций, но тогда исчезнет значение собирательности и пришлось бы определять, *в лес, к лесу* или просто *в сторону леса* устремилась Татьяна. Мы приближаемся к позиции тех исследователей, которые защищают семантико-синтаксический принцип интерпретации эллипсиса. По мнению Г.А.Золотовой, предложения типа *Казбич - к окну; Татьяна в лес, медведь за нею; Он - в залу; Сестра на работу* достаточно информативны, не нуждаясь в контексте, в каком бы то ни было "восполнении" [Золотова, 1982, с.193]. По справедливому замечанию Е. А. Седельникова, "кажущаяся возможность "восстановления" может привести к изменению структуры и значения предложения" [Седельников, 1961, с. 72].

3. (О жеребенке) *Принес, помог, вырастил. Увы, на свою беду* (газ.); (О явлении экспансии песчаных пустынь) *Пески остановлены, но не побеждены. Наступление на пески продолжается* (тел). Это случаи так называемого контекстуального эллипсиса, подробно изученные в научной литературе. Связь предложений в дискурсе настолько очевидна, что не нуждается ни в каких доказательствах. Однако различие в приставках ("восполняемость" или "дополняемость") может создать теоретический казус. Если неполное предложение "восполняется" за счет контекста, то налицо явное логическое противоречие: данное предложение контекстуально неполно, так как нуждается в восполнении контекстом, но данное высказывание контекстуально полно, так как оно восполняется контекстом. Другими словами, если Иван говорит Петру: "Когда тебя нет, мне чего-то не хватает, но ты всегда рядом, так что мне всегда всего хватает", он впадает в противоречие, поскольку бессмысленно представлять себе Петра как отсутствующего, если он всегда рядом; Иван не в состоянии в действительности определить, чего

ему не хватает без Петра, так как последний всегда при Иване. Устранить этот терминологический парадокс можно, если а) учитывать различия между предложением и высказыванием [см. Падучева, 19851]; б) понимать связь между высказываниями в дискурсе как отношение взаимной дополнительности между частями целого.

4. Ситуативная неполнота высказываний типа - *На 30 копеек. Ничего? - Давайте* (предмет продажи - капуста - не называется); - *Да что ж это такое! Девушка, разве так можно. - А это я что ль? Толкают, вот я и толкаюсь* [примеры взяты из: Сиротинина, 1983, с.42] опирается на непосредственное параллельное восприятие (визуальное, слуховое, тактильное) предмета речи и самой речи, что требует специальной методики исследования имплицирования, если этот термин вообще правомерен в подобной ситуации.

Независимо от дискуссий вокруг терминов исследование имплицитного в речи в целом осознается как выход на иной информационный уровень, требующий переосмысления прямой референции языковых единиц, отхода от буквального прочтения текста. В исследованиях новейшего времени функциональные метаморфозы языковых единиц нередко относятся к ведению лингвистической прагматики - дисциплины, в которой лингвофункционалогические изыскания прямым образом соприкасаются с логикой, психологией, социологией. Понятие подтекста, о котором пойдет речь ниже, в последнее время тоже "сдвигается" в область прагматики. Поскольку не существует единой концепции подтекста, а лишь его интерпретации с точки зрения тех или иных общих принципов исследования, соотношение между понятиями "подтекст", "имплицитное содержание", "пресуппозиция" остается невыясненным.

Подтекст нередко понимается как какое-то нарочитое недоговаривание, игра в прятки с читателем-слушателем либо как результат словесного жонглерства. Украинская шутка "Гей, малий, скажи малому: хай малий малому скаже, хай малий теля прив'яже", английское "Мы не настолько богаты, чтобы покупать такие дешевые вещи" (ср. подобное: "Извинявай, че няхах време да ти

напиша кратко письмо"), сентенции типа "Женщина есть женщина", "Закон есть закон" и множество других словесных кроссвордов мысли, которыми пестрят афоризмы и анекдоты, несомненно, можно рассматривать как явления подтекста, базирующиеся на приращении информации или косвенной референции. "Механизм вуалирования референции,- отмечает Н.Д. Арутюнова, - всецело принадлежит прагматике. Его действие определяется не собственно языковыми правилами, а принятыми нормами ведения разговора и знанием приемов речевых хитросплетений (arch use of language). Разгадка референции часто зависит от догадливости адресата" [Арутюнова, 1982, с.15].

Известно также понимание подтекста как художественного метода в литературе [Сильман, 1969а]. Будучи предметом филологического изучения, он квалифицируется как "подспудное, но осязаемое для читателя или слушателя значение какого-либо события или высказывания (иначе говоря - какого-либо отрезка текста) в составе художественного произведения" [Сильман, 1969б, с.84]. Подтекст как лингвистическое явление возникает при дистанцированном столкновении двух отрезков текста, или он "есть не что иное, как рассредоточенный, дистанцированный повтор" некоторой ситуации-основы, что "приводит к размыванию точности повтора и к созданию неопределенной психологической атмосферы, психологического (ассоциативного) "ореола", которым окружена ситуация-повтор..." [там же, с. 85]. Подтекст - "это явление, самая природа которого основана на смене и взаимодействии языковых уровней, на возможности перехода от одного уровня к другому" [там же, с. 89].

В литературе существует и интерпретация подтекста, приравнивающая его к смыслу актуализованных языковых единиц (концепция В. Скалички). Смысл слов и высказываний, по мнению В.Я. Мыркина, складывается из нескольких частей: 1) содержание, 2) эмоция, 3) модальность, 4) интенция, которая содержит мотив (ретроспектива содержания) и цель (перспектива содержания), или, цитируем: "смысл слова (высказывания) это содержание (включающее эмоциональную и модальную оценку), ориентированное ретроспективно и перспективно" [Мыркин, 1976, с.89-90]. Развивая идею В.

Скалички, В.Я. Мыркин утверждает, что смысл в речи является результатом взаимодействия некоторого текста (дискурса, последовательности знаков, являющихся заготовкой для будущей речи) и контекста, или ситуации, посредством чего "банальные значения приобретают уникальный смысл" [там же, с. 89 - 90]. Речь, по его словам, держится на трех столпах, это - текст, ситуация и смысл, или текст, контекст и подтекст [там же, с.93].

Отнюдь не считая эту концепцию неуязвимой, мы хотели бы отметить два существенных момента. Во-первых, сколь бы ни была сложна или специфична ситуация общения, мы можем говорить при этом о смысле слов или высказываний, пусть и уникальном, а не о подразумеваемом смысле вообще, тем более не о подразумеваемых глаголах, существительных и т.д. Во-вторых, слово "подтекст" поддается буквальному прочтению - это то, что обнаруживается под семантическим кодом, или то, что языковое содержание имплицитно (в нашем понимании) в качестве формы сообщения.

При интерпретации реплик героев, отрезков авторской речи, отдельных слов или словосочетаний в актуализованных конструкциях, в которых усматривается компрессия, подтекст, естественной реакцией исследователя является мысль "X хочет сказать (имеет в виду, предполагает), что..." - далее ученый вступает в роль квалифицированного адресата речи, доверяясь чаще логике и интуиции, реже статистике. Мы действительно лишены возможности узнать, что хочет сказать конкретный X и вынуждены ограничиться тем, что он сказал. Говорящий может апеллировать к разным сферам сознания, и это будет то, что он имеет в виду. Отсюда попытки некоторых исследователей установить жесткую границу между эксплицитным и имплицитным в тексте, разграничить "буквальный" уровень прочтения текста (уровень прочтения "содержательно-фактуальной информации", не требующий какой-либо сложной ассоциативной деятельности со стороны читателя) и уровни метафорический, метонимический, символический, мифологический, классический и т.д., связанные с декодированием имплицитной информации, то есть с работой над подтекстом [Гогуадзе, 1984].

И.В. Арнольд, отталкиваясь от уже упомянутой характеристики подтекста как смысла, извлекаемого из сюжета, темы, или дистантно расположенных смысловых компонентов целого текста, рассматривает специфику собственно текстовой импликации на уровне эпизода, или микроконтекста. При этом за основу берется логическое понимание импликации как связи антецедента А и консеквента В: "Текстовая импликация есть дополнительный подразумеваемый смысл (консеквент - Я.П.), т.е. вид подразумевания, основанный на синтагматических связях соположенных элементов антецедента" [Арнольд, 1982, с.88]. В частности, приводится пример из романа "Война и мир" Л.Н. Толстого: Наполеону привезли портрет сына и он перед придворными демонстрирует отеческую нежность: "Глаза его отуманились, он подвинулся и оглянулся на стул (стул подскочил под него) и сел на него против портрета". Импликация, по словам автора, вытекает из взаимодействия смыслов предложения в скобках и описываемой ситуации. Имплицируется угодливость и раболепие придворных, которые ловят малейшее движение императора в стремлении предугадать его желания; образность олицетворения передает отношение к эпизоду [там же, с. 84]. И.В. Арнольд совершенно справедливо отмечает, что для выявления механизма передачи имплицитных смыслов необходимо привлечение теории образов: в художественном тексте образ "оказывается не только средством повышения экспрессивности, эмоциональности и создания эстетического эффекта, но и выступает в качестве фактора интенсификации сотворчества читателя и средства компрессии информации" [там же, с. 88]. Но если это справедливо, то что нам могло бы помешать считать фразу "стул подскочил под него" специфическим средством выражения консеквента, а собственно подразумевание приписать вероятному образу в сознании читателя?

Подтекст в самом широком понимании, как любая вербально не

выраженная информация, или пресуппозиция, является предметом лингвистической прагматики. По-видимому, такой всеобъемлющий подход не допускает никакой возможности исследования имплицитного в речи без обращения к элементарным понятиям этой дисциплины. Очевидно также, что рассмотренные нами в предыдущих пунктах понятия "основание имплицирования", триада терминов, "тезаурусная схема ситуации", "фоновые знания" имеют не только терминологические эквиваленты в теории пресуппозиций, но и концептуально близкие идеи в этой области. Рассматриваемый нами как конкретное основание имплицирования переход "значение → форма" фигурирует в концепции Г.Г. Почепцова. Он детально анализирует случаи несовпадения содержания высказываний и сообщения (или прочтений) типа *Нет хлеба* ["сходи за хлебом"], *Холодно* ["закройте окно", "дайте плед", "пошли домой", "разожгите костер"], *Закройте окно* ["дует"] и дает им типологическую характеристику, исходя из понятия перформации: "При этом одно из основных противопоставлений языка "форма - содержание" получает новое наполнение. В качестве формы теперь выступает собственно содержание, в качестве элемента содержания - сообщение: содержание выступает как форма по отношению к сообщению" [Почепцов (мл.), 1987, с. 61].

Все накладываемые нами ограничения на употребление чисто прагматических категорий продиктованы нуждами сопоставительного исследования. Так, если считать, что основным предметом прагматики является актуализация высказываний на уровне речи и исследование подсистем знаков с прагматическими признаками на уровне языка [Ницолова, 1988, с. 23], то нас интересует лишь второй момент - прагматические признаки речевых единиц языка. Условия истинности высказываний не вписываются в рамки сопоставительного исследования. Экстралингвальные знания, или тезаурус, в настоящем исследовании фигурируют в узком смысле слова под видом тезаурусной схемы события -

как идеальный образ события, который поддается перефразированию средствами двух языков: идеальная схема синтетична, вербальные схемы - аналитичны, первая есть особый вид семантического пространства, вторые - способы презентации этого пространства в рамках узуса и нормы. Тезаурусная схема в речи есть прежде всего информация, выражаемая значениями речевых единиц. При актуальном членении ее порции подвергаются обработке и аранжировке по степени важности путем усиления (подчеркивания) или ослабления тех или иных элементов информации.

Понятие пресуппозиции является "предельно общей семантической абстракцией" [Димитрова, 1984, с.5], так же, как и дескрипция "предварительное знание/предположение о наличии этого значения у адресата речи", они чаще всего связываются со смыслом целых высказываний: в нашей гипотезе пресуппозиции могут быть отнесены к условиям имплицирования. Имплицирование же рассматривается как конкретная функция слова или сочетания слов. Так же понятие подтекста из всех перечисленных выше подходов созвучно нашему исследованию только в варианте "подтекст как смысл, подкодовая информация слов в речи".

4. ВЫВОДЫ

Изучение имплицитности непосредственно связано с существующими представлениями о форме, функциях и выражении языковых знаков, с дихотомией языка - речи. Имплицитное содержание знака подлежит развертыванию в виде информации о вещи, событии. Исследователи руководствуются принципом соответствия формы и содержания знака, арифметическим путем вычитая необозначенное. Речевые же единицы языка комбинируются по принципу соответствия знака и сообщенной информации,

что препятствует количественному анализу. Отсюда нарочитое противопоставление эксплицитного и имплицитного в языке.

С другой стороны, конвенциональный характер языка не дает оснований считать, что в нем есть что-то невыраженное - это противоречит его экспрессивной функции. Но нельзя утверждать, что он функционирует в сфере, внешней человеческому сознанию. Следовательно, теоретически правомерно изучать языковое выражение в связи с системной организацией тезауруса. При представлении фрагментов тезауруса в виде семантического пространства, членимого на типизированные схемы ситуаций (идеальные образы), мы освобождаемся от относительности оценок об экономности и избыточности, поскольку в каждом конкретном случае речь идет о выборе, обусловленном целью, возможностями языковой системы и ограниченном сферой употребления. По-видимому, более регулярным и правомерным следует считать требование эффективности сообщения. При этом формируется своего рода подвижный баланс между категориями языка, формами мышления и ситуацией общения.

В силу изложенных обстоятельств исследование имплицитных аспектов номинации, оставаясь в сфере языка - орудия общения, невозможно без когнитивного анализа значений по определенной схеме, аналогичной структуре фрагмента тезауруса. Два сопоставляемых языка должны на паритетных началах соотноситься со схемой, образуя своего рода двоичную модель фрагмента тезауруса. Разумеется, примерный анализ соотношения лексических средств с фрагментом тезауруса должен быть осуществлен хотя бы для одного из сопоставляемых языков, что и является целью второй части исследования.

Имплицитность - знаковое свойство языка, которое обнаруживается при проекции знака на плоскость тезауруса. Характеристика "невыраженный" является неудачной перифразой того, что по существу следовало бы назвать "специфическим выражением".

В актах коммуникации предмет сообщения активирует в сознании слушателя

сопредмет - некоторый устойчивый семантический блок, ассоциированный со словом или с группой слов. Предмет сообщения может потерять актуальность и превратиться в сопредмет, что мы и наблюдаем в текстах (отношение дополнительности отрезков текста, шаговое развертывание информации и т.д.).

ГЛАВА II

ТЕЗАУРУСНАЯ СХЕМА ЭКСПАНСИВНОГО ДЕЙСТВИЯ И ЕЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

1. ПОНЯТИЕ ЭКСПАНСИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Здесь будет предпринята попытка детализировать изложенные в предыдущей главе представления о механизме взаимодействия языковых значений и тезаурусных компонентов сознания. Мы высказали предположение, что между первыми и вторыми существует прослойка особой семантической природы, которая и является в принципе той нулевой отметкой, выше которой находится "язык" в традиционном понимании, а ниже - образы, представления, чувственные данные.

"Основная связь, лежащая в основе всякого знания, состоит не в простой ассоциации между объектами (поскольку это понятие отрицает активность субъекта), а в "ассимиляции" объектов по определенным схемам, которые присущи субъекту" [Пиаже, 1983, с. 90].

Нам остается только решить, на каком уровне будет вестись исследование: в пределах соотношения нескольких слов и словосочетаний или большей части массива словаря. Применительно к именам действий это будет соответствовать понятиям "микросхема" и "макросхема" действия.

В качестве такой макросхемы, опирающейся на большую часть лексического массива языка, выступает, по нашему представлению, совокупность элементарных понятий, связанных с обобщенными образами и оценками, которые отражают восприятие человеческой активности под специфическим углом зрения: с точки зрения того, какие действия, поступки X-а влияют на окружающих (У-а), как осуществляется это влияние, в какой степени оно соответствует намерениям X-а и У-а, общеприемлемой норме, в каких пределах осуществляется это воздействие, как распределяются ущерб и/или выгода

между двумя участниками действия (или X-ом и участником ситуации, находящимся в отношении непреднамеренной партиципации). Назовем эту макросхему тезаурусной схемой экспансивного действия.

Каковы составляющие этого действия? Чем оно отличается от других действий? Достаточно ли логические критерии для его характеристики, существует ли чисто концептуальный каркас семантики экспансивного действия? Содержатся ли в средствах языка жесткие указания на то, что действие экспансивно? Какова "дисперсия" этой тезаурусной схемы на уровне лексического обозначения, или каковы вербальные модификации схемы? Как распределяются семантические роли в экспликации схемы, отдельных ее фрагментов между языковыми концептами? Каковы возможные искривления, отклонения от курса, заданного семантикой кода в актах коммуникации, или каковы прагматические условия девальвации схемы в пользу конкретной информации? Эти и другие вопросы вряд ли можно осветить с достаточной полнотой, если учесть и нелингвистические аспекты моделирования схемы. Мы вынуждены довольствоваться лишь краткими объяснениями по поводу отдельных сторон проблемы, причем в той степени, в какой это удовлетворяет целям лингвистического исследования.

Прежде всего нас интересует экспансия в человеческом смысле и в человеческих отношениях. На этом основании мы исключаем из списка имен глаголы типа *жалить*, *бодать*, *клевать*, *облапить* и другие подобные в их непереносных значениях, что, однако, не означает, что они исключаются из метафорического механизма сознания. Мы абстрагируемся также от строгих дефиниций понятия "влиять", "причинять", "воздействовать", но одновременно вкладываем в понятие экспансии следующий смысл: экспансия - это целенаправленные действия X-а (совокупности X-ов) либо состояния X-а, которые то ли по характеру, то ли по замыслу, то ли по результатам способны вызвать изменения в сфере Y-а (совокупности Y-ов), изменить привычный для него статус, норму, создать ситуацию дисбаланса интересов, сил,

возможностей, но никогда - в пользу только У-а. В общем случае экспансия проявляется как влияние, вмешательство в некоторое положение дел на стороне У-а, поэтому она крепко спаяна с аксиологией говорящего.

В принципе можно утверждать, что главной фигурой экспансивного действия является У, пациент, лицо, испытывающее состояние, причиненное действиями Х-а. Это "страдательное лицо", если говорить не о конкретных ситуациях, а о подъязыковой семантике, является основным аргументом определения действия как экспансивного, он является "ценностью", на которую "покушается" Х. В речи все может выглядеть иначе: действие <бить> является вполне благородной акцией, когда *бьют врага*, действие <арестовать> просто спасительно, когда речь идет о преступнике (*арестовали преступника*).

Угол зрения говорящего может менять полюсы обозначения: один и тот же акт экспансии в сферу У-а может расцениваться как вмешательство либо как заступничество, ср.:

- Зачем ты *вмешиваешься* не в свое дело?

- Я хотел *заступиться* за человека.

Заступиться значило бы скорее всего, 'выступить каким-то образом против того/тех, кто ущемляет права некоего человека'; У-ом здесь оказывается не реципиент (*за кого*) помощи, а некто третий, выпавший из семантики обозначения, но присутствующий на имплицитивном уровне обозначения. Все эти особенности, связанные с необходимостью подать актуальную, живую информацию, не колеблют оснований схемы, а лишь подтверждают, что импликация схемы не имеет конкретных адресов.

Пациент экспансивного действия не всегда равен прямому семантическому объекту имени действия. Ряд так называемых безобъектных глаголов так или иначе имплицитирует некоторое условное страдательное лицо, в их семантике содержится отсылка к более широким тезаурусным основаниям, и в этих случаях мы будем говорить об условном пациенте (УП), подразумевая при этом концептуализованные представления об ущербности того, кто может

оказаться в положении У-а. Мы имеем в виду прежде всего глаголы типа *безобразничать, пакостить, бесчинствовать, сорить*, обозначающие действия, которые причиняют много хлопот, вносят беспорядок, вынуждают У-а тратить силы на преодоление действий Х-а. Это также глаголы типа *важничать, высокомерничать, возомнить* (о себе), *капризничать* и др., обозначающие устойчивые экспансивные качества Х-а, претендующего на привилегированное положение в социальном пространстве. Это также глаголы, обозначающие агрессивные и предагрессивные состояния Х-а, например: *бесноваться, беситься, безумствовать, свирепствовать, лютовать, буяннить, ожесточиться, свирепеть, стервенеть, подлеть* и т.д. Это также глаголы типа *хитрить, лукавить, плутовать, жульничать, мошенничать*, обозначающие действия, вводящие У-а в заблуждение, и т.д. и т.п. Имена с подобной одноролевой спецификой проявляют экспликативную избирательность: они обозначают сферу "Х и его состояния, качества, поступки", сфера У-а дана лишь в ретроспективе глаголов, для чего нужна отсылка к тезаурусным основаниям.

В экспликации макросхемы экспансивного действия участвуют слова из "черного списка" языка, клеймящие, бранные, унижающие достоинство того, кто является адресатом перформативных актов речи. Подобные средства речевого воздействия на статус У-а, хотя и непоследовательно, но отражают полярность участников экспансивного действия. Слова типа *трус, щенок, заморыш, салага* и др. сигнализируют о позиции Х-а, человека, обладающего превосходством над адресатом в каком-либо отношении. Слова типа *негодяй, мерзавец, злодей, изувер, сволочь, стерва* и др. отмечены позицией У-а, ставшего или считающего себя объектом экспансии. Это противоположение слов обретает смысл только в рамках экспансивной схемы тезауруса; вне схемы, на конкретно-лингвистическом уровне они объединяются на общих семантических основаниях.

Не является по существу лингвистическим вопрос об источниках

формирования схемы экспансивного действия, поскольку мы вышли бы на уровень причинно-следственных связей. Нужно констатировать, что у нас нет естественного языка, основанного на делении "природное / человеческое", вот почему возможность описания некоторых природных феноменов средствами из экспансивного "словаря" создает положение, при котором модальность обозначения является единственно возможным способом объективного описания, ср.: *Его ударило (убило) молнией; Цунами разрушили порт; Землетрясение напугало всех; Пожар уничтожил посевы* и т.д. Поскольку предикаты *ударить, убить, разрушить, пугать, уничтожить* могут иметь своим референтом ситуации с участием конкретных лиц и социальных объектов, напрашивается следующий вывод: в сигнификативный потенциал имени экспансивного действия могут вмещаться референты, к которым характеристика "экспансивный" в принципе неприменима. Но для выражения мысли используются языковые одежды, скроенные по меркам схемы.

В большей мере сказывается модальность описания в выражениях, содержащих переоценку исходной ситуации:

Ветер был настолько сильным, что <i>падали (рушились) жилые строения;</i> людям <i>стало негде жить</i>	→ Ураган <i>лишил</i> многих жителей крова над головой
Наводнение было таким внезапным и сильным, что многие не успели эвакуироваться и <i>утонули</i> в воде	→ Наводнение <i>унесло</i> много человеческих жизней
Он тяжело заболел	→ Его <i>одолела</i> болезнь
Эти туфли мне <i>малы</i> , и когда я в них <i>хожу</i> , у меня <i>болят</i> ноги	→ Туфли <i>жмут/измучили</i> меня

Как видно, имена экспансивных действий могут использоваться в номинативной функции экспансионализации стихийных явлений, феноменов

природы, место X-а в схеме может замещаться в речи какими угодно семантическими актантами, равно как и место У-а. Это объяснимо, поскольку схема не является жестким предписанием говорящему, она не может и не должна предопределять способа выражения мысли. К ней прибегают при необходимости, к ней примеривают конкретные события и поступки.

Предположим, что на собрании рабочих предприятия некто X сказал: "Давайте с завтрашнего дня не выйдем на работу, иначе ничего не изменится". Он еще не X, поскольку совершил нейтральное действие <говорить/сказать что-то>. Но он станет X-ом, если один из тех, кому это невыгодно, возразит: "Не надо навязывать свое мнение другим". Кто-то скажет: "Петров подстрекает к забастовке". Начальство скажет: "Такие, как Петров, провокаторы (провоцируют конфликты, забастовки)". Все подчеркнутые предикаты, отсылающие к нейтральному действию, в конфликтной ситуации способны к его замещению и искажению, поскольку оно вовлекается в орбиту экспансивных, ему приписываются соответствующие признаки в зависимости от критериев оценки действия и его результатов.

"Дескриптивные признаки полностью погашаются, когда на первый план выступает субъективный аспект оценки" [Вольф, 1985, с.30].

Аксиологические колебания носителей языка - факт достаточно известный, чтобы подвергать его сомнению [См, Ивин, 1970, с.28-30]. Предикаты духовной сферы организованы сложно в силу множества перекрещивающихся связей между ними, неоднозначной интерпретации отраженных категорий поведения, сплетения эмоциональных и оценочных моментов. Референтом имени экспансивного действия может стать самый безобидный и ничтожный факт, но в случаях, когда к нему прилагается кореферент - оценка намерений, возможных последствий, исходному действию могут приписываться признаки экспансии.

Экспансивное действие, с которого сняты аксиологические критерии, выглядит совершенно нейтральным. Онтологических признаков действия

мало, чтобы признать его экспансивным. Так, глагол *воровать* имеет своим референтом нейтральное с точки зрения схемы действие <брать/взять что-либо>, обремененное сигнификативными признаками в плане а) отношений собственности и обладания (признак 'чужая вещь'); б) законности и морали (признак 'преступный'); в) результата (признак 'делать своим, присваивать' - см. толкование в СО).

Добавим: этих признаков недостаточно, чтобы отнести действие к экспансивным, поскольку отсутствует отсылка к У-у, к тем изменениям, которые происходят в его сфере. Точнее, она является импликацией схемы с главным лицом - У-ом, и относит действие к типу аннексирующих.

Интересно различие в словарных толкованиях русского *воровать/красть* и болгарского *крада*:

воровать - преступно присваивать чужое имущество (СО)

крада - присвоивавам нещо чуждо без знанието и съгласието на притежателя му (БТР)

Как в семантическом, так и в юридическом плане важнейшим экспансивным признаком действия <*воровать - крада*> является признак 'без ведома и согласия обладателя вещи'. Производным от него является признак 'преступный'. Наконец, следует добавить не отраженный в толкованиях, но существенный для схемы результирующий признак аннексии: ущербность У-а состоит в том, что его сфера обладания уменьшается на какую-то долю. Мы могли бы считать таким признаком значение 'обездолить', если бы могли извлечь его из семантики глагола *обездолить* вне импликаций данного глагола.

Но вот полярный случай: референция глагола может быть принесена в жертву кореференту, или некоторому аксиологическому аргументу схемы, восхождение к которому направлено в сторону от референции. В русском языке есть предикаты *злоумышлять, злодействовать*. Является ли злоумышление злодеянием? Является ли действие <задумывать нечто плохое>

экспансивным, если нет фактических признаков действия, а лишь догадка, основанная на косвенных данных или на чистом подозрении, недоверии? Позиция говорящего здесь столь же сильна и неопровержима, сколь слаба и субъективна. Ведь практически не встречаются выражения типа *Я злоумышляю следующее*. Позиция деятеля смещена позицией наблюдателя, выносящего суждение и оценку, перед нами чисто аксиологический предикат. Компонент 'зло' доминирует над компонентом 'задумать нечто' и практически затирает его, приравнивая понятие "мыслить" к понятию "делать плохое".

Место аксиологического аргумента может занимать логический аргумент, или некоторое свернутое суждение. Таков случай с глаголом *попустительствовать* - 'проявлять попустительство' ['отсутствие противодействия чему-н. недопустимому, противозаконному'] (СО). Семантика действия имеет опосредованный логическим заключением характер (ср.: 'отсутствие противодействия...'). Денотативная ориентация глагола сводится к некоторой ситуации-прототипу: {Некто N предпринял действие, считающееся незаконным. X знал об этом, но не сделал ничего, чтобы помешать N, хотя он мог, имел право, власть, силу и время. В результате действия N пострадал У}. Здесь еще нет экспансии. Она вырастает из семантики логического вывода: X допустил, чтобы N нанес ущерб У-у, таким образом он способствовал успеху N. Это *попустительство*. X *попустительствовал* N. Ущербность положения У-а является исходным логическим аргументом квалификации позиции X-а как "действия" и как экспансии.

В еще большей мере прямая референция глагола может уступать место схематическому кореференту в случаях, когда семантика действия означает отсутствие всякого действия. Глагол *бездействовать* являлся бы лингвистическим нонсенсом, если бы не выражал имплицитного императива "Нужно действовать", ср.: *бездействие* - 'отсутствие деятельности, *должной энергии*'. *Преступное бездействие* (СО). Он являлся бы также логическим

нонсенсом, если бы его семантика приравнивалась лишь к понятию покоя ('ничего не делать'). Обратимся к толкованиям в БТР:

бездействие - 1. Липса на всякакво действие. *Той държеше цяла една армия в бездействие.*

2. Липса на разпоредителност, на энергия. *Дължи се на директорско бездействие.*

бездействиювам - Стоя в бездействие; нищо не върша, не предприемам. *Властта бездействиюваше при това нещастие на народа.*

Примеры, данные в СО и БТР, расходятся с толкованиями значений: толкования даны в виде логических перифраз понятия "покой" ('не действовать', 'отсутствие всякого действия', 'ничего не делать'). Примеры же показывают, что речь идет об оценке ситуации, в которой некто X, имеющий определенные обязанности, выполняет их ненадлежащим образом и лишает других какой-то возможности. Предикат *бездействовать* гиперболизирует ситуацию-прототип. "Оценочное сравнение принципиально отлично от того, что принято называть сравнением. Оно не уподобляет, не фиксирует в разном общие признаки, не устанавливает сходства, оно взвешивает и подводит итог" [Арутюнова, 1983, с. 332].

Эти нюансы, может быть, несущественны для лексикографической интерпретации значения, но предупреждают, что экспансия имеет не только грубые формы физического вмешательства, и что при определении лексических параметров схемы следует учитывать уровень осмысления события и возможные импликации значений.

Глагол *бездельничать*, "персоналия" X-а *бездельник* обозначают устойчивый признак человека, не занимающегося никаким полезным трудом (см. также *тунеядец* - *тунеядствовать*, *трутень*, отчасти *паразит паразитировать*), но это может осмысляться как вред и по каналам негативной оценки трансформироваться в экспансию:

До каких пор *мы будем* → [Они *объедают* нас]
кормить этих бездельников!

Квалификация "вредный" является сильным аксиологическим аргументом, особенно в сочетании с некоторым оценочным стереотипом. Как отмечал А.М. Пешковский, "*ленится* - это значит "поступает нехорошо", "дурно ведет себя", вообще "делает что-то нехорошее, недозволенное" (хотя в данном случае это "делание" сводится, в сущности, к ничегонеделанию) [Пешковский, 1956. с.76].

В дальнейшем мы попытаемся разграничить уровни осмысления события, акценты в номинации, а также соотношение эксплицитного и имплицитного в вербальной семантике экспансивного действия.

2. УРОВНИ ОСМЫСЛЕНИЯ ЭКСПАНСИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Мы предполагаем, что существует не более двух уровней осмысления экспансивного действия - это уровень понятийных и уровень аксиологических категорий. В семантике имени может доминировать один из них (аксиологические предикаты, система оценок "хорошо - плохо", "нормально - ненормально", "справедливо - несправедливо", "полезно - вредно" и т.д.) либо другой (уровень обобщения события, типизация действий по онтологическим признакам и результату действия, деление имен на абстрактные и конкретные, типы пациенса и т.д.). Они также могут выступать в симбиозе, так что их вычленение представляет емкую и противоречивую процедуру.

2.1. Уровень обобщения событий

Ближе всего к онтологии действия стоят предикаты, в эксплицитную часть которых входит обозначение ситуационной основы действия по

выделенному признаку. Имена конкретных действий имеют одну ситуацию-прототип, например, предикаты *нападать*, *вешать*, *приказывать*, *бранить*, *украсть*, *окружить*. Признак, положенный в основу наименования, является произвольным, он связан с этимологией слова и с. синхронной точки зрения не является определяющим: в болгарском слово *браня* означает ‘защищать’, *приказвам* – ‘говорить, рассказывать’.

Далее, между ситуациями *<вешать¹ белье>* и *<вешать² преступника>*, *<деревья окружали² дом>* и *<войска окружили¹ деревню>* существует лишь подобие, но не онтологическая связь. Определяющим является характер действия, его цель и результат. Перечисленные выше действия восходят к определенным типам: *нападать* - к действиям вторжения, вмешательства (что связана с представлениями о сфере X-а и У-а), *вешать²* - к ликвидирующим действиям, *приказывать* - к регулирующим, *бранить* - к принижающим, *украсть* - к аннексирующим, *окружить* - к блокирующим действиям.

Наряду с этим многие глаголы обнаруживают равновероятностную референцию к онтологически несхожим ситуациям. Например, глагол *обмануть*: 1. Обещать, но не выполнить обещания; 2. Дать старую вещь У-у, убедив, что она новая; 3. Намеренно перепутать излагаемые факты; 4. Продавать что-нибудь У-у выше настоящей цены; 5. Повести не туда, куда надо и т.д. Соответственно толкование значения глагола не может опереться на ситуацию-прототип, а должно интерпретировать информационный эффект подобных действий - ложное информирование, или экспансия в гносис У-а. Глагол обозначает действие по результату, или, другими словами, его сигнификативные признаки фиксируют изменения в сфере У-а (заблуждение, ошибка, ложные знания) вследствие некоторого действия X-а.

Это означает, что осмысление ряда действий может происходить на уровне, включающем в первую очередь типическую ситуацию-результат (У и его состояния), причем это не связано только с приемами информирования. В отличие от предикатов первого типа, имеющих описывающий характер, предикаты типа *обманывать* имеют толкующий характер, и в этом своем

качестве могут использоваться при лексикографических интерпретациях предикатов первого типа:

*обмерить*² - обмануть, отмерив меньше, чем полагается (СО).

Это не является жестким правилом, ср.: *обвесить* - 'отпустить кому-н. товар, недовесив' (СО), но становится неизбежным при переводе на язык, не знающий этих слов:

<i>обмерить</i>	}	<u>Да измамя</u> при теглене/мерене; да ударя в кантара;
<i>обвесить</i>		да претегля/премеря по малко (РБР)

Нетрудно показать, что при подобных способах обозначения наступает синестезия значений двух или более предикатов, что традиционно рассматривается как перенос:

(X) — обманывать — (Y)		обмерить — Y (a)
мерить — A (товар, вещь)		

Представляется, что именно поэтому глагол *обманывать* не может рассматриваться как гипероним имен *обмерить*, *обвесить*, *лгать/врать*: ведь он находится с ним в семантическом отношении "способ → цель" [делать так, чтобы *обмануть*]. В такое же семантическое отношение он входит с предикатами *подделывать/фальсифицировать*, *маскировать*, *прятать*, имеющими в качестве объекта средство гностической экспансии.

Третья ступень обобщения состоит в механизме языковых модификаций данного семантического компонента и связана с семантико-грамматической и семантико-стилистической парцелляцией языковых концептов. Во-первых, это проявляется в субстантивации имен действий: а) как "персоналий" X-а (*обманщик*, *лгун*, *фальсификатор*); б) как абстрактных существительных (*ложь*, *обман*, *подделка*). Во-вторых, в трансформации имени действия в устойчивый

признак X-а или объекта из сферы X-а: *говорить лживо, обманчивый жест, фальшивая улыбка* и т.д.

Семантико-стилистическая модификация подчиняется экспрессии, условиям речи и в большинстве случаев тиражирует аксиологические акценты в схеме: *лгать* → *врать, брехать*; *обмануть* → *объегорить, обжулить, облапошить* и т. д.

Четвертая ступень обобщения свидетельствует об экспансии схемы. Она проявляется в привлечении сверхнормативных средств обозначения. Так, понятие о дезинформирующем действии связано с представлениями о ценности информации как ориентира, поэтому логично предположить, что сверхнормативными средствами экспликации схемы будут являться глаголы пространственного перемещения объекта из/от некоторой первоначальной точки С. Точка С - это, условно говоря, некий истинный ориентир, в речи ему могут соответствовать существительные *путь, толк, истина, смысл, факт, бдительность* и др.

Так, если понятие "путь" связывается с конкретной целью У-а, говорят *правильный, верный путь*. Выражение *сбить с правильного пути* реализует синтагматическое значение глагола *сбить* - 'отклонить, запутать', далекое от узуального 'ударив, заставить упасть'. Существуют и другие возможности трансформации конкретно-пространственного значения в значение, результирующее ситуацию обмана, ср.: *подвести* - 'обманув чьи-н. ожидания, надежды, поставить в трудное положение'; *завести* – 'ведя, направить куда-нибудь очень далеко, не туда, куда следует'. *Такие рассуждения могут далеко завести*.

Рассматриваемая нами ступень обобщения включает также дескрипции схематического компонента (*вести в заблуждение, приводить к ложному толкованию, отвести глаза кому-нибудь* и т.д.), а отсюда один шаг до создания идиоматических сочетаний типа *втирать очки, водить за нос, заговаривать зубы, пускать пыль в глаза, брать на арана*. Исходная ситуация, зафиксированная в семантике сочетаний, как бы замораживается, в

обозначении начинают доминировать некогда имплицативное, а теперь прямое значение дезориентирующего действия. К его обозначению можно идти несколькими путями: У-а можно не просто *обмануть*, его можно *разыграть*, им можно *вертеть* (*вертела им, как хотела*), его можно *дурачить*, но с таким же успехом можно *усыпить его бдительность*, *вскружить ему голову* или просто *крутить* ее.

Это дает основание для попытки типологического анализа имен экспансивных действий, для чего необходимо произвести типизацию действий и распределения предикатов по семантическим классам в зависимости от их способности отсылать к определенным типам действий, а также от способов обозначения различных фрагментов действия.

2.2. Уровень типизации действий

Осмысление экспансивных действий и отнесение их к определенным типам может производиться либо по онтологическим, либо по семантическим критериям. Совмещение этих критериев дает картину, при которой средства обозначения, оставаясь в рамках одного типа экспансии, тяготеют к разным способам обозначения и к разным семантическим типам. Невозможно, однако, построить классификацию экспансивных действий только по онтологическим признакам, поскольку для этого не имеет смысла обращаться к значению глагола, моделированию подлжит внеязыковая действительность и в конечном счете - взаимоотношения между членами социума. Но также невозможно опираться только на семантику имени, потому что она является производной от ряда причин, в том числе и чисто языковых (например, наличие или отсутствие в языке определенных абстрактных имен), а это ведет к произвольной классификации.

Понятие "тип экспансии" обязывает к раскрытию характера действия, его мотивов, целей и результатов. Понятие "тип обозначения" к этому не обязывает, но требует четкой дифференциации аспектов обозначения

экспансивного действия. По онтологическим признакам мы беспрепятственно отнесли бы к одному типу действия, обозначаемые глаголами *тиранить* и *тиранствовать*, *грубить* и *грубиянить*, *насмехаться* и *насмешиничать*. Однако валентные свойства этих предикатов подсказывают, что они имеют, так сказать, разную семантическую протяженность в едином пространстве схемы. Вторые члены этих пар дублируют обозначение, обозначая лишь сферу X-а (X и его качества, поступки); в словарях обычно значения толкуются как вести себя определенным образом (*тираном*, *грубо/грубияном*, *насмешиливо*).

Под типом экспансивного действия мы подразумеваем наиболее общие логические характеристики действия, устанавливаемые на базе сопоставления и сближения значений глаголов и определяемые с точки зрения того, каков основной или вторичный результат действия, какие изменения в сфере У-а вызывает это действие, каковы цели действия. Напомним: У - это член социума либо группа, либо социальная общность, либо общественная институция, обладающие определенным статусом, правами. Объектом экспансии может быть практически все:

- а) статус личной свободы (*угнетать*, *поработить*, *приструнить*);
- б) свобода передвижения (*арестовать*, *связывать*, *сажать*);
- в) статус чести (*оскорблять*, *позорить*, *насиловать*);
- г) статус спокойствия (*тревожить*, *запугивать*, *шантажировать*);
- д) статус собственника (*отнять*, *украсть*, *обездолить*, *захватить*);
- е) статус члена объединения (*разлучить*, *поссорить*, *оккупировать*);
- ж) физическая неприкосновенность (*бить*, *душить*, *калечить*);
- з) право на жизнь (*убивать*, *расстреливать*, *травить*) и т.д. и т.п.

Необходима еще одна существенная оговорка. Тезаурусная схема экспансивного действия - это не только концептуальный каркас действия, но и пучок ассоциаций: слово может активировать одну из них или все одновременно (что создает синкретический образ действия). Чтобы расчленить

этот образ, приходится использовать понятия, относящиеся к разным сферам. Так для действия <вешать> часть из них относится к сфере мотивов (*казнить, наказать*), часть - к предметно-ситуативной сфере (*вешать* → *повиснуть/висеть*), а часть - к сфере результатов (*умертвить* → *задохнуться/умереть*). Соответственно, в толковании имени действия возможны существенные различия, ср.:

р. *вешать* - 'подвергать смертной казни на виселице' (СО)

б. *беся* - 'умъртвявам някого, като му слагам примка на шията и го оставям да увисне, за да се задуши' (РБЕ)

Действие, обозначаемое глаголом *вешать*, по существу является **ликвидирующим**; при этом на передний план выходят способ действия и результат. Но по не менее существенному признаку "мотивы" оно примыкает к ряду имен, обозначающих **регулирующие**, в частности, пенитенциарные действия, цель которых - а) внушить, показать У-у, что некоторые его действия могут иметь вредные для него же последствия; б) принести в большей или меньшей степени удовлетворение Х-у. Толкование 'подвергнуть смертной казни ...' переводит смысл глагола в сферу признаков регулирующих действий (казнь - вид наказания, мера наказания). Компонент '...на виселице' не является обязательным.

Итак, мы подошли вплотную к характеристике типов экспансивных действий. Для обозначения этих типов будем использовать краткие наименования. Рубрикация имен видов действий в рамках данного типа - это развертывание признаков данного типа в выражениях, не претендующих на всеобхватность и на роль дефиниций. Классификация глаголов на подобных семантических основаниях, может быть, производится впервые, в ней равно участвуют логика, интуиция и ассоциативный подход. На первом этапе несущественны такие грамматические особенности, как вид, аспектуальность, наклонение, время. Исключение составляют случаи лексико-семантической дифференциации значений на базе словообразовательных средств и способов,

вынуждающих отнести однокоренные слова к разным типам. Так, глагол *топтать*¹ (СО) относится к деформирующим действиям (см. дальше), глагол *затоптать*² - к ликвидирующим.

Прямые и переносные значения, так, как они толкуются в кратких словарях, могут обозначать разные типы действий, ср.: *бить* (ударять) и *бить* (убивать), *рубить дрова* и *рубить шашкой кого-нибудь*. Сюда мы относим также случаи употребления имени нейтрального действия в роли заместителя одного или нескольких имен экспансивных действий: *липнуть* (перен.), *распоясаться* (перен.), *хозяйничать* (пер. неод.) и др.

2.3 Типы экспансивных действий

Типизация экспансивных действий и попытка приблизительной классификации имен из экспансивной части словаря не имели бы смысла, если бы тем самым не утверждалось, что тезаурусная схема экспансивного действия состоит из значимых частей, фрагментов. Отнесение имени действия к определенному типу по идее должно свидетельствовать о том, что по своим имплицативным возможностям оно может выражать семантику определенного фрагмента тезауруса вне зависимости от эксплицируемых в речи смысловых признаков, а также вне зависимости от характера актантов. Речь идет о глубинной привязанности лексического значения к некоторому концептуальному или аксиологическому ядру схемы, в котором конкретные сущности, "адреса" лишь предполагаются.

Следовательно, имплицирование фрагмента тезауруса некоторой совокупностью средств выходит за рамки лексической синонимии в привычном понимании этого термина. Наоборот, с точки зрения тезаурусной схемы или отдельных ее фрагментов, синонимия слов могла бы рассматриваться как совокупность слов, проявляющих свойство взаимной коррекции при экспликации данного концептуального или аксиологического

ядра.

Мы различаем синонимию слов как репрезентантов фрагмента тезауруса, обращенных к одному концептуальному или аксиологическому ядру, и синонимию слов как перифраз этого фрагмента схемы. Первая охватывает всю совокупность слов, имплицитующих данный фрагмент. Вторая охватывает тематические группировки слов, допускающих полную или частичную взаимозаменяемость в контекстах. Т.е. слова могут находиться в отношении двукратной синонимии, первая является феноменом схемы, вторая - феноменом языка и речи.

2.3.1. Ликвидирующие действия

Представление о ликвидирующем действии как действии, приостанавливающем существование чего-нибудь, опирается на эмпирические знания носителя языка. Дети ломают игрушки с той же легкостью, с которой взрослые, воюя, разрушают целые города. Обезглавить муравья не сложнее, чем гильотинировать преступника. Живые существа можно истреблять, неживые - таранить, торпедировать, взрывать. Официальный договор можно аннулировать, обычный разговор на неудобную тему достаточно замять. Противника как правило побеждают, ненавистный режим стараются низвергнуть, ниспровергнуть. Того, кто слабее и ниже, легко затоптать в ярости или испуге, того, кто выше - подбить. И т.д. и т.п.

В приведенных выше примерах мы использовали имена ликвидирующих действий. При кажущейся легкости определения твердого списка имен этой группы, все же, необходимо учитывать ряд факторов. Первый из них - отсутствие безусловных предпосылок к тому, чтобы считать все ликвидирующие действия экспансивными, ср.: *выключить свет, сбрить бороду, потушить пожар*.

Существует ряд, так сказать, безальтернативных глаголов, чье основное предназначение - обслуживать экспансивные по сути действия, например, *казнить, расстреливать, линчевать, четвертовать*. Существуют глаголы, для которых альтернатива экспансии сводится к тому, способны ли они, кроме экспансивных действий, обозначать еще и действия нейтральные (*рубить кого-нибудь шашкой - рубить дрова, перерезать горло кому-нибудь - перерезать канат*). Понятие ликвидирующего действия лишь частично пересекается с понятием экспансии. Зона их пересечения связана с системой оценок, с ценностной ориентацией говорящих.

В общем случае ликвидирующее действие является экспансивным тогда, когда объект действия представляет собой некоторую ценность, расположенную в позитивной части шкалы оценок [о различиях между положительной, отрицательной и нулевой оценками см.: Ивин, 1970; Хиддекель, Кошель, 1983]. Аксиология говорящего не фиксирована в семантике подобных глаголов, но если объект действия представляет собою нечто значимое, подтверждающее норму и порядок, тут же срабатывает механизм оценки: "плохо", "покушение", "посягательство", "недопустимо" и т.д.

Приходится также в теоретическом плане разграничивать стихийные процессы и деяния. Семантика некоторых глаголов формально не различает ситуации типа *Его убило молнией* и *Кто-то его убил*, *Ураган разрушил порт* и *В результате бомбежки был разрушен порт*. Распространение песков под влиянием ветра называется *экспансией песчаных пустынь*, но в то же время говорят *экспансивная личность, экспансивный характер, экспансивная политика*. Экспансивными будем считать контролируемые деяния, поступки.

Наконец, необходимо учитывать, что имя ликвидирующего действия не всегда эксплицирует семантику ликвидирующего действия. Она может стоять "за кадром" обозначения. Понятие "ликвидировать" относится скорее к

результату, нежели к способу действия. Имя действия может включать ситуативные признаки:

- а) средства (*таранить, бомбить, торпедировать*);
- б) способа (*распять, изрубить, вешать, застреливать*);
- в) состояния У-а (*глушить, нокаутировать, умертвить*);
- г) звукового или зрительного эффекта (*прихлопнуть, громить*) и т.д.

Сцена экспансии разыгрывается рядом с нейтральным признаком, который обрастает имплицативными значениями из сферы мотивов и/или результатов, напр.: (X) 'казнить' → *вешать* → (У) 'умереть', (X) сбрасывать бомбы → (объект У) 'рушиться, распадаться'. Наблюдается также семантическая девальвация денотирующего признака и актуализация имплицитных. Это случаи, когда "этимологическая рефлексия" говорящих уже не срабатывает (*поразить, истерзать, свергнуть, истребить*).

Подъязыковая семантика ликвидирующего действия шире семантики имени этого действия. Предполагаем, что существует некий ограниченный набор понятия, являющихся исходной точкой обозначения. По отношению к ним все имена являются трансформативами. Эти понятия отчасти входят в лексикографические толкования, отчасти - нет. Но они занимают такое положение в схеме, которое делает их центральными при истолковании самого факта ликвидирующего действия. Перечислим основные: «жизнь»/«живой», «нечто», /«быть»/«существовать», «целый»/«здоровый», «стоять»/«держаться», «враг»/«противник».

Имена ликвидирующих действий являются вторичными в том смысле, что их значения формируются на базе исходных понятия, а собственно ликвидирующий аспект есть не что иное как негация исходного признака:

«жизнь»/«живой»	<i>убить</i> <i>умертвить</i>	«нечто»/«быть» «существовать»	<i>уничтожить</i> <i>губить</i>
-----------------	----------------------------------	----------------------------------	------------------------------------

	<i>казнить</i> и т. д.		<i>прикончить</i> и т. д.
«стоять»/«держаться»	<i>повергнуть</i> <i>низвергнуть</i> <i>побить</i> <i>уложить</i> <i>косить</i> и т. д.	«целый»/«здоровый»	<i>обезглавить</i> <i>разрушить</i> <i>гноить</i> <i>рубить</i> <i>сечь</i> <i>четвертовать</i> и т.д.
«враг» /«противник»	<i>одолесть</i> <i>победить</i> <i>разгромить</i> <i>пересилить</i> <i>побороть</i> и т. д.		

Далее, семантика ликвидирующего действия включает также каузацию некоторого нового состояния объекта экспансии, или сферу «У и его состояния». В семантике действия это конечный пункт, в семантике имени - перспектива действия. Концептуальное отражение результатов экспансии сводится к нескольким пунктам:

- (1) исчезнуть, перестать существовать;
- (2) стать мертвым (трупом), безжизненным;
- (3) перестать сопротивляться, ослабеть;
- (4) распасться.

В соответствии с этим языковые концепты можно сгруппировать, выявив имена-лидеры, выражающие в абстрактном виде перспективу

ликвидирующего действия. Пункту (1) соответствовали бы номинации с лидирующим предикатом *уничтожить*. Экзистенциальный результат подобных действий равен отсутствию объекта в трехмерном пространстве. Например: *губить/погубить, сгубить, загубить, уничтожить/изничтожить, ликвидировать, истребить, кончить, прикончить, покончить (с)* и т.д..

Пункту (2) соответствовали бы номинации с лидирующим предикатом *убить*, применимые преимущественно по отношению к действиям с объектами, обладающими экзистенциальным признаком "жизнь"/"живой". А именно: *вешать, гильотинировать, морить, рубить, сечь, казнить, линчевать, умертвить, отравить, застрелить/пристрелить, расстрелять, стрелять (кого), резать, истерзать, четвертовать, колоть, гноить* и т.д.

Пункту (3) соответствовали бы номинации с лидирующим предикатом *победить*, обозначающим ситуации, в которых У не просто объект действия, а реальный контрагент, "враг", сила: *низвергнуть, ниспровергнуть, нокаутировать, одолеть, опрокинуть², пересилить, побороть, повергнуть, свергнуть* и т.д.

Пункту (4) соответствовали бы номинации с лидирующим предикатом *разрушить*; экзистенциальный результат равен разложению объекта либо таким деформациям в его структуре, которые ведут к разложению. Например: *громить, давить, мять, топтать, косить, крушить, поразить, подбить, сбить, разбить, торпедировать, бомбить, таранить* и т.д.

Легко заметить, что между этими группами нет непреходимых границ. Так, глагол *истребить* в своей перспективе ориентирован одновременно к пунктам (1) и (2), в аксиологии говорящего *ниспровержение* существующей власти (3) равносильно ее концу (1). Действия типа <обезглавить>, <рубить>, <сечь> (2) включают элементы расчленения, или нарушения целостности объекта (4), причем говорящему из эмпирических данных известна перспектива подобных действий.

Подведем некоторые итоги.

1. Понятие ликвидирующего действия опирается на эмпирические знания говорящего. Если действие направлено на объект, представляющий для говорящего некоторую ценность либо олицетворяющий норму, порядок, действие осмысливается как экспансивное.

2. Языковые концепты, эксплицирующие семантику ликвидирующего действия, отсылают к этому фрагменту тезауруса неодинаково. Нет такого концепта, который объединял бы в себе эксплицитно первичные свойства объекта, семантику способа/средства действия, обозначение экзистенциального результата экспансии и оценку действия. Средства обозначения вступают в своеобразную игру, дополняя друг друга (сочетание принципа выборочности именования и дополнительной дистрибуции по отношению к фрагменту схемы). Например, по отношению к экспликативной оси "средство/способ действия - результат действия", они разделятся на две основные группы. Первая - глаголы с имплицитным обозначением правой части, результата. Назовем их **перспективными**, в них преобладает обозначение ситуационной основы действия (*вешать, давить, резать, расстреливать* и т.д.). Здесь результат присутствует в латентной форме и представляет собой цель действия. Вторая группа глаголов страдает информационным дефицитом по отношению к левой части, зато эксплицирует семантику финала, обобщенную и свернутую в признак, ориентированный на экзистенциальный результат действия. Это *лидирующие* (см. выше) предикаты и их семантические синонимы, которые мы назовем **эпилоговыми** средствами номинации.

Выбор исходного эксплицитного признака для обозначения ликвидирующего действия может иметь двоякую мотивированность - этимологическую, языковую и концептуальную, сводимую к схеме экспансивного действия. Эти два вида мотивации дают совмещенную картину обозначения, но не сливаются в одно. В обоих случаях речь идет об исходных

понятиях, но первые служат концептуальным аргументом обозначения, а вторые - материалом для обозначения. Так, мы отметили, что ликвидирующее действие не мыслится вне признака объекта действия ("живой", "существовать", "целый", "стоять", "держаться") и имя этого действия является трансформативом признака. Только на этом основании мы включаем в толкование глагола *убить* слова "жизнь", "смерть", "мертвый": *убить* - 'лишить жизни' или 'причинить смерть', или 'делать мертвым'. С этимологической стороны глагол все еще сохраняет связь с глаголом *бить* как обозначением простого действия <*наносить удары чем-нибудь по чему-нибудь*>).

Но коль скоро существуют языковые концепты, оформившие вербально семантику результата (*убить, умертвить, уничтожить* и др.), то она может приписываться к денотирующим предикатам уже в виде самостоятельных (хотя и вторичных) значений. Так возникают симилятивные значения, равные по денотату ситуационной основе действия, или способу действия, а по сигнификату - семантике результата. Это, во-первых, симилятивные "бить" - значения (*бить рыбу острогой, бить тюленей*), во-вторых, приставочные глаголы с основой - *бить*: *забить, добить, подбить, сбить, разбить, перебить*. В-третьих, это глаголы типа *пристукнуть, пришибить, прихлопнуть* с денотирующим признаком 'ударить (сильно или с легкостью)'. См. также развитие у глагола *стрелять* значения 'убивать' при наличии глаголов *застрелить, расстрелять, пристрелить*.

3. Концептуальная мотивация имени ликвидирующего действия базируется на семантике некоторого исходного набора понятий, или на устойчивых признаках У-а. Если налицо трансформация этих признаков в противоположные, значит, мы имеем дело с ликвидирующим действием. Мы назвали бы эти признаки экзистенциальными, а те понятия, которые использовали для обобщения результатов, - экзистенциальным результатом. Они в целом симметричны. В принципе исходные признаки объекта и

экзистенциальный результат действия - это основные параметры фрагмента тезауруса: содержание ликвидирующего действия в концептуальном плане исчерпывается переходом от первых ко вторым. Отсюда общая ориентация языковых концептов, их группировки, несмотря на различия в лексических значениях.

2.3.2. Деформирующие действия

Понятие о деформирующем действии базируется на представлениях о целостности, жизнеспособности У-а, полноте проявления его свойств, внешней форме, соответствующей норме и целесообразности. В аксиологии говорящего объект, обладающий этими свойствами, оценивается положительно, отсутствие какого-либо из этих свойств оценивается как дефект, деформация, ущербность. Отсюда негативное в целом отношение к действиям Х-а, целящим либо по объективным результатам приводящим к состоянию деформации.

Между деформирующими и ликвидирующими действиями, несомненно, существует концептуальная близость. Это проявляется на вербальном уровне, но имеет также и концептуальные причины. Так, например, одно и то же исходное слово-понятие "бить" подвергается вербальной обработке для выражения ликвидирующей семантики (*убить, забить, разбить*) и деформирующей (*набить, побить, выбить, подбить*). Имена действий типа *мять, жать, давить* могут обозначать разные степени интенсивности действия, что ставит их в маргинальную по отношению к типу действия позицию. *Топча, можно затоптать*. Диффузия концептов является следствием онтологической близости действию: деформирующее действие может привести к ликвидации объекта, если оно не будет приостановлено.

Закономерная онтологическая связь действия и результата (*выкалывать/выжигать глаза* → *ослеплять* → [У слепой]; *ломать руки, ноги* и т. д. → *калечить* → [У калека]) находит свое отражение в концептуальной

близости проспективных и эпилоговых номинации. Существенное различие между ними состоит в том, что эпилоговые номинации обращены не к способу действия, а к исходному признаку объекта, и потому тяготеют к концептуальному ядру схемы, в то время как проспективные глаголы обращены к онтологии события (как это произошло). Первые обобщают ситуации, вторые детализируют их, оставляя концептуальный результат за пределы обозначения. Первые обозначают действия через многочисленные импликации, отсылки ко вторым, те в свою очередь вписываются в схему экспансивного действия благодаря первым.

Так, глаголы *ранить, увечить, уродовать, калечить, контузить, травмировать* относятся к деформирующим благодаря трансформации экзистенциального признака "здоровый"/"целый" в: а) признак, несвойственный объекту (рана, травма, увечье); б) вид, состояние, несвойственное объекту (урод, калека, контузия). С другой стороны, они имеют, так сказать, "покрытие" в лице денотирующих предикатов, являющихся своего рода их имплицитной посылкой. Это могут быть имена:

а) действию нанесения удара/ударов по объекту: *бить* (и ряд производных), *бабахнуть, бахнуть, вмазать, врезать, всыпать, пороть, сечь (розгами), гвоздить, драть, дубасить, хлестать, колотить, колошматить, лупить, молотить, садануть, стегать, трахнуть, тузить, шарахнуть, шлепать* и др.;

б) действий, связанных с использованием ранящих предметов: *обварить, ошпарить, обжечь, кусать, подстрелить, царапать, грызть* и т.д.;

в) действий отторжения от У-а определенной его части либо чрезмерного сдавливания частей: *щипать, рвать, пороть, драть/раздирать, сечь, рубить* в соответствующих значениях; *вывернуть, выкрутить, дробить; топтать, мять, давить, жать* и т.п.

Понятие исходного признака У-а не сводится только к двум концептам "целый" / "здоровый". Если нормой признать состояние У-а, предшествующее

деформирующему действию, то это состояние могло бы быть описано большим числом предикатов (*сильный, бодрый, свежий, правильный, прямой* и т. д.). Отсюда расширение сферы эпилоговых номинации, имплицитующих соответствующие признаки объекта: *вымотать, морить, изнурить, истощить, обессилить, ослабить, утомить; обварить/ошпарить, обжечь, гноить; вывихнуть* и т. д.

Общая оценка деформирующих действий связана с эмоциями индивида: болевые ощущения, чувство нерасположенности, бессилия, обиды, гнева и др. Деформирующие действия, как и ликвидирующие, связаны также с аксиологией говорящих, причем в некоторых случаях аксиологические критерии являются определяющими.

Разумеется, оценка не влияет непосредственно на способ сообщения о действии. Вообще, возможна такая детализация сообщения, при которой очевидно экспансивное действие выглядело бы совершенно нейтральным. Выбор средств обозначения лежит за пределами тезаурусной схемы. Но оценка действия, базирующаяся на системе ценностей, может возобладать.

Оценка позволяет говорящему отдавать предпочтение предикатам *истязать, терзать* на месте нейтральных *делить, членить*, несмотря на то, что и первые, и вторые сходятся в онтологии действия.

Оценка может быть единственным и достаточным аргументом для номинации типа *вредить, ущемлять, портить, ущерблять*, тяготея к аксиологическому выводу.

Оценка нейтрализует логические противоречия, возникающие при синтезе деформирующего значения из семантически разнородных признаков. Так, объект У, в каком бы состоянии ни находился, всегда имеет визуальный признак - образ. Предмет невозможно лишить образа, внешнего вида. Глагол *обезобразить* обходит барьеры логики благодаря аксиологической девальвации формальных критериев.

Перечислим некоторые из вербальных параметров схемы деформирующего действия.

1. Средства субъективного и средства объективного описания действия. Это отношение выражается в оппозициях нейтральных и коннотированных глаголов:

ударить - *врезать, вмазать, садануть* и т.д.

бить - *колошматить, драть, пороть, гвоздить* и др.

рвать/разрывать - *терзать, истязать* и т.д.

2. Спецификация действия. Пространственная спецификация проявляется в указании направления действия, например:

а) в сторону другого предмета для предикатов *жать, давить, топтать, мять,*

б) вовнутрь объекта экспансии для предикатов *впиться, грызть, жалить, когтить* и т.д.;

в) в сторону от объекта для предикатов типа *крутить, выкрутить, вывернуть, вывихнуть, своротить* и др.

Временная спецификация действия выражена имплицитно в виде некоторого предела действия у глаголов *загнать, заездить, замотать, запалить.*

3. Генерализация действия. Она характерна для эпилоговых номинации. Их можно разделить условно на две группы. В первую группу войдут номинации по эксплицитной модели "У минус экзистенциальный признак", а именно: *обессилить, обескровить, обезобразить* и др. Во вторую группу войдут глаголы, образованные по эксплицитной модели "У плюс несвойственный ему признак", т.е. номинации типа *ослабить, истощить, ранить, калечить, уродовать* и т. д.

Как видно, могут встречаться конверсивные пары слов, выражающие общее финальное значение в разных ракурсах (*обессилить* - *ослабить*).

4. Генерализация оценки. Она связана с существованием оценочных

предикатов типа *вредить, ущерблять, портить, насиловать*, которые могут замещать имена деформирующих действий путем переосмысления результата.

2.3.3. Аннексирующие действия

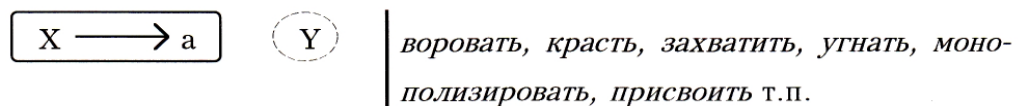
Понятие об аннексирующем действии базируется на существующих в социуме отношениях собственности и обладания. Члены социума "пользуются как упорядоченной процедурой имущественных отношений, так и средствами, нарушающими эту процедуру - силой, хитростью, стремительностью, способностью скрывать свои действия и т.п." [Розенцвейг, 1964, с. 106]. В результате аннексирующих действий сфера обладания У-а уменьшается на какую-то долю. Соответственно место экзистенциального признака в схеме занято поссессивными признаками: "иметь" в случаях, когда в фокусе номинации оказывается сам У (*обокрасть, обездолить, разорить* и др.), и "принадлежать" - в случаях, когда в фокусе номинации оказывается вещь из сферы У-а (*украсть, похитить, присвоить, забрать, угнать, увести* и т. д.).

В концептуальном плане семантика аннексирующих действий опирается на семантику простого нейтрального действия <брать/взять что-нибудь>. Действие превращается в экспансивное тогда, когда оно превышает некоторую установленную меру, баланс в социальном "пространстве обладания". В этих случаях апеллируют к закону, чести, морали, чтобы защитить права собственника.

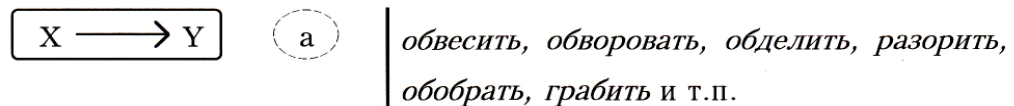
Однако в значениях языковых единиц пересекаются различные представления о видах, способах экспансии. Способ семантического представления аннексии, хотя и отражает онтологию действия, зависит от объективных обстоятельств. То, что в одних случаях называют кражей, в других случаях выглядит грабежом, в третьих - реквизицией, говорят также об узурпации, монополизации, экспроприации, латинизации, американизации. И

здесь понятие простого действия оказывается слишком узким, приходится различать формы аннексирующих действий. Не всякая аннексия осуществляется руками и не всякий объект экспансии является материальным. С этой оговоркой можно приступить к рассмотрению тезаурусной ориентации имен.

Основное формально-семантическое различие между именами аннексирующих действий состоит в экспликации объекта экспансии. По отношению к нему глаголы делятся на три группы. В первую группу входят глаголы, эксплицирующие действие и объект из сферы У-а. Сам же У присутствует в обозначении имплицитно, на общих логических основаниях либо появляется в сообщении факультативно. Если объект обозначить символом **а**, то это глаголы с эксплицитным отношением

Во вторую группу входят глаголы с эксплицитным отношением

Объекты из сферы У-а присутствуют в обозначении имплицитно, или на общих тезаурусных основаниях.

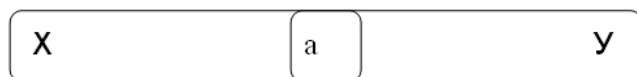
В третью группу входят глаголы с эксплицитным отношением

Это глаголы, совмещающие в своей смысловой и предикатной структуре переменные **а**, **У** в обязательном порядке. Предикат может включать семантически переменную **а** (*обездолить, разоружить*) или же выносить ее в свою правую валентность (*отнять, отбирать, забрать, вырвать (что у кого), отлучить, лишить, взымать* и т. д.)

Переменные **а**, **У** являются схематической константой. Это доказывают имена-"персоналии" **X-а** *вор, грабитель, узурпатор, колонизатор*, девербативы типа *воровство, грабеж, похищение* и др., трансформирующие действие в признак **X-а** или в непроцессуальный признак.

Вещи в социальном "пространстве обладания" делятся на "свои (общие)" и "чужие". Соответственно аннексия, в какой бы реальной форме она не проявлялась, может быть описана через простые предикаты *присвоить* [чужое] и *отчуждить* [чье-нибудь "свое"]. Разумеется, речь идет о процедуре анализа и неизбежном упрощении смысла слов. Тогда сфера обозначения каждого из них выглядела бы так:

На аннексирующее действие можно смотреть и с левой (присвоить), и с правой (отчуждить) стороны. Имена аннексирующих действий, хотя и непоследовательно, но отражают ракурс видения ситуации. Так, для имен типа *отнять, изъять, реквизировать, удержать (с чего-либо), экспроприировать, вырвать, выхватить* и т.п. характерна правая ориентация. Наоборот, номинации типа *красть, воровать, обобрать, обездолить, ограбить, занять, колонизировать, захватить* и пр. крепче связаны с признаком 'делать своим' - *присвоить*.

Если аннексия связана с изменением вида, характера объекта **а**, ей приписывается признак из сферы **X-а** (ср. термины *американизировать, европеизировать, латинизировать*), что равносильно левой ориентации имени. Если объектом аннексии является сам **У** как реальное лицо, то используются признаки из иерархии социальных отношений или отношений зависимости (*поработить, пленить, подчинить* и др.).

Способ номинации аннексирующего действия может иметь не только отражающий, но и опережающий характер. На принципе "опережения"

основного действия образовано значение глагола *посягать* (*посягательство*, *посягательный*), в аннексирующем значении может употребляться и слово *замахиваться* (на чужое добро).

Аннексия осуществима при наличии некоторого условия С, преимущества X-а над У-ом. Оно может быть случайным: так, хотя лексикографические толкования глаголов *красть*, *воровать* (см. СО) не включают компонент 'тайно (чтобы У не видел)', типичным для этих действий является инкогнито X-а. Это условие С, может заключаться в потенции X-а, например: *грабить* – 'отнимать, похищать *силой*', *отнимать* – 'взять у кого-нибудь *силой*'.

Существует небольшая группа глаголов (*мошенничать*, *мухлевать*, *жульничать*, *жулить*, *спекулировать* и т.п.), которые по некоторым признакам можно отнести к аннексирующим действиям. Формально эти глаголы привязаны к сфере X-а, в них выражена скорее оценка, нежели сообщение о действии. Глаголы имеют семантику аксиологического вывода, поэтому сфера У-а обозначена косвенно, через отсылку к аксиологическим предикатам отношения (*нечестный*, *непочтенный*). Условием С здесь является хитрость и сноровка. Генерализация оценки действия размывает референцию глаголов, в силу чего они могут обозначать онтологически разные ситуации.

2.3.4. Дезориентирующие действия

Мы уже отмечали, что понятие о дезинформирующем действии связано с полезностью информации как ориентира. Следовательно, дезориентирующее действие состоит в подаче У-у ложной или искаженной информации, или это своеобразная экспансия в гносис У-а.

Дезинформирующее действие имеет концептуальную протяженность, равную расстоянию между оценками "правда" и "ложь", "верно" - "неверно",

"точно" - "неточно", "правильный" - "ошибочный" и т.д. В сознании говорящего это расстояние может измеряться неспециализированными понятиями "тот самый" - "не тот, другой", "непохожий", "настоящий" - "поддельный", "ясный" - "запутанный", "непонятный" и т.д.

Номинация дезориентирующих действий исходит из психологической установки говорящих на верность, точность, правдивость информации. Если не оговорены никакие специальные условия (гипотеза, басня, фантастика и т.д.), информации априорно приписываются эти признаки. Дезориентирующее действие чаще всего основывается на двойной игре X-а: злоупотреблении презумпцией истинности информации, что позволяет подменить одну информацию другой, и подаче информации в такой "упаковке", которая лучше всех других подходит У-у.

Беден был бы наш язык, если бы в нем все дезинформирующие действия обрисовывались со строгостью терминов. Семантическое картирование этого фрагмента тезауруса сочетает фантазию, наблюдательность и склонность говорящего к переосмыслению исходной ситуации. Этим объясняется дистанция между концептуальным "скелетом" дезинформирующего действия и словами *врать, лицемерить, обольщать, придуриваться, маскировать, подделаться, хитрить, подтасовать, подхалимничать* и т.д.

Основное семантическое различие между именами дезориентирующих действий состоит в отношении к гностическому пациенсу. Они подразделяются на две группы: глаголы с условным гностическим пациенсом и глаголы с реальным гностическим пациенсом.

Вывод гностического пациенса из объектной семантики глагола (что сопровождается отсылкой к тезаурусу) диктуется несколькими причинами. Одной из них является стремление сузить предмет обозначения и сделать его более конкретным. Например, если делается упор на средство дезинформирующего действия, то обычно средство выносится в объектную часть семантики глагола и эксплицируется способ, образ действия:

маскировать (с каким угодно медиативным объектом)

искажать (чаще всего *смысл, факты, представление* и др.)

фальсифицировать (какой угодно объект)

коверкать (мысль и др.)

Сюда же: *манипулировать* (чем), *мистифицировать*, *подтасовать*, *подсунуть* и др. Глаголы этой группы содержат явную интенцию к завершению обозначения, которая в текстах реализуется целевым союзом *чтобы* и словами типа *обмануть*, *перехитрить*, *дезинформировать*, где У должен быть эксплицитно выражен. Это не является обязательным, но развертывание информации до завершения интенции ведет к импликациям, ср.:

В этой книге *факты* → [Автор пытается *обмануть*
подтасованы читателя]

Они *фальсифицируют* → [Хотят *перехитрить* власти]
документы

Вторая причина перевода У-а в подязыковую сферу семантики состоит в стремлении говорящего дать оценку действиям Х-а, "разоблачить" его намерения. Номинации этого типа обращены к сфере Х-а. Их семантическим объектом является дезориентирующее поведение Х-а: *лжесвидетельствовать*, *лицемерить*, *плутовать*, *подлизываться*, *подслужиться*, *подхалимничать*, *придуриваться*, *притворяться*, *финтить*, *хитрить*, *лукавить*, *прикидываться*, *симулировать*, *юлить*, *лебезить*, *раболепствовать* и т.д.

Третья причина, вероятно, состоит в том, что оценке может быть подвергнуто не само действие, не поведение Х-а, не его цели, а именно содержание действия. Для этого действие должно быть непосредственно информирующим. Информация это содержание действия <говорить/рассказывать/сообщать>. Нейтральное по сути действие именуется предикатами *врать/лгать* и оценивается как гностическая экспансия тогда,

когда содержание действия не соответствует предварительной осведомленности слушателя.

Глаголы с реальным гностическим пациенсом обозначают действие как распространяющееся на У-а в целом. Сюда не входят способы вторичного означивания гностической экспансии с участием наименований объектов из сферы У-а (например, частей тела) типа *заговаривать зубы кому-нибудь, пудрить мозги, вешать лапшу на уши, усыпить бдительность, сбивать с толку* и т.п., поскольку все это воображаемые объекты экспансии.

Обозначение прямой гностической экспансии не подчиняется строгим семантическим критериям. Можно лишь указать на некоторые предполагаемые направления, группируя предикаты по пространственным или результативным признакам.

1. По признаку 'привлечь, притягивать к себе' группируются предикаты *влюбить, чаровать, манить, предрасположить, подкупить, соблазнить, обольстить* и др.

2. По признаку 'отклонить от чего-нибудь (место, цель)' группируются предикаты *сбить, путать, заговорить, завести, увести, заморочить, затащить, завлечь, отвлечь* и др.

3. По результативному признаку 'вводить в заблуждение' группируются предикаты *обмануть, одурачить, облапошить, оболванить, перехитрить, внушить (что-либо), гипнотизировать, объегорить, разыграть, дурманить, заколдовать* и под.

4. По результативному признаку 'лишить способности думать, принимать решения' группируются предикаты *удивить, изумить, огорошить, ошеломить, озадачить, ослепить* (перен.) и др.

2.3.5 Принижающие действия (действия аксиологической девальвации)

Аксиологический пациент выводится из семантики ряда глаголов, обозначающих действия разнородные по характеру, но содержащие по замыслу или фактически признаки девальвации У-а. Аксиологический пациент - это У, оцененный ниже положительной для случая шкалы оценок. На этой почве формируется, как говорят, негативное отношение к У-у, предопределяющее действия Х-а.

Мы отмечали, что экспансия как понятие о специфическом действии в сфере человеческих отношений имеет не только простейшие формы проявления в виде прямых актов агрессии, вмешательства, физической расправы. Ущерб может измеряться в моральных категориях. Что касается оценочных операций, то они относятся целиком к идеальной сфере, де-факто они могут предшествовать (и предопределять) физические действия, а также следовать и квалифицировать эти действия. Этим определяется двойственный характер девальвирующих действий и семантическое многообразие имен этой группы.

Экспансия, связанная с девальвацией У-а, может иметь интериорные и экстериорные формы. В первом случае наблюдается субституция У-а его идеальным образом в сознании Х-а, что можно назвать латентной формой экспансии. Предикаты типа *брезговать, ненавидеть, гнушаться, ревновать, подозревать, презирать* и др. под., хотя и эксплицируют в своей объектной семантике сферу У-а, не выходят за пределы обозначения сферы Х-а. Предикаты негативного отношения являются именами одностороннего идеального действия и могут быть сведены к некоторой чувственной константе (чувство ревности, ненависти; брезгливость, нежелание сотрудничать, признать У-а). О действиях подобного типа судят по другим действиям Х-а, дающим основание для оценочного суждения типа Х

ненавидит У-а.

Из этого следует другое: достаточным основанием для признания факта аксиологической девальвации У-а может служить само действие, и при этом нет необходимости подыскивать мотивирующий предикат (из ревности, из ненависти и т. д.). А значит, существуют имена конкретных действий, семантически не связанные с аксиологическими предикатами, но тем не менее попадающие в орбиту девальвирующих предикатов. Предикаты этого типа обозначают экстериорные формы аксиологической экспансии, ничуть не лишаясь своего конкретно-денотативного значения. Ср.: *отлучить от церкви, выгнать из дому, уволить с работы, посадить в тюрьму, бастовать, бунтовать*¹ и др.

Существует многочисленная группа предикатов, обозначающих чисто коммуникативные формы аксиологической девальвации У-а: *винить/обвинять, высмеять, вышутить, журить, изобличать/разоблачать, ругать, иронизировать, клеветать, клеймить, клясть/проклинать, бранить, костить, отчитывать, критиковать, капать (перен.), накричать (на кого-нибудь), насмехаться/насмешничать, наушничать, обзывать, оболгать (-оклеветать), пилить (перен.), поносить, сквернословить, порицать, указать (-объявить порицание), уличить, хулить, шельмовать, ябедничать, щучить (-ругать)* и т. д.

Способ семантизации девальвирующей оценки и трансформации ее в имя действия в определенной мере зависит от наличия в языке абстрактных понятия типа "позор", "стыд", "порок", "скверный" и т. д. Эти клеймящие средства номинации служат для аргументации суждений о некоторых действиях Х-а, если эти действия ущемляют достоинство, мораль У-а. Отсюда номинации типа *позорить, срамить, стыдить, осквернять, поганить, порочить* и т. д.

В группу имен аксиологической девальвации У-а мы включаем также заимствования, имеющие или не имеющие прямых эквивалентов в родном

языке: *дисквалифицировать, дискредитировать, дискриминировать, репрессировать, профанировать, инкриминировать, третировать, терроризировать, эксплуатировать, дезавуировать, денонсировать, забаллотировать, бойкотировать* и т. д.

Одним из последствий аксиологической девальвации У-а являются сепарирующие действия. Под этим условным наименованием мы объединяем глаголы, обозначающие действия отречения Х-а от У-а либо удаления У-а. Мы различаем три вида сепарирующих действий.

1. Действия прекращения в одностороннем порядке отношений, связей с У-ом как акты протеста, отречения от него, невыполнение своих обязанностей в ущерб У-у. Этот семантический параметр покрывают глаголы типа *бросить, бунтовать, бастовать, порвать* (с кем), *рвать* (отношения с кем-нибудь), *откачнуться, отколоться, отделиться, отгородиться, отречься, восстать* и т. д.

2. Действия удаления У-а, отстранения от привычного круга членов объединения (иногда с одновременным лишением каких-то прав), что отражено в семантике глаголов типа *выбросить, выдворить, выпихнуть, выслать (сослать), вытолкнуть, вышвырнуть, вышибить, гнать* (и производные глаголы), *извергнуть, отстранить, уволить, отлучить, отчислить, рассчитать, удалить, упечь, отшить, исторгнуть, отринуть, отвергнуть* и т. д.

3. Действия предательства, измены либо клеветнические действия, что отражено в семантике глаголов *предать, выдать, изменить, доносить, клеветать, наушничать, капать* (- доносить), *клепать, ябедничать* и др.

Имена действиям аксиологической девальвации могут даваться по модели "У минус существенный признак" либо "У плюс несвойственный, негативный признак". В первом случае мы имеем номинации типа *обезличить, обесславить, обесчестить, обесценить, развенчать, разоблачать/изобличать* и т. д. По другой модели созданы номинации типа *очернить* (негативный

признак - черный цвет), *порочить*. Глаголы *пачкать, марать, пятнать* синтагматически преферентны к существительным *честь, имя, достоинство*, обозначающим важные аксиологические атрибуты У-а.

В качестве исходной точки номинации используется понятие низа: "низко" в аксиологической шкале соответствует оценкам "плохо", "недостаточно", "слабо". Если понятие низа вовлечено в семантику глагола, а семантическим объектом являются достоинства, качества У-а, то аксиологический эффект номинации равен девальвации У-а, см.: *низвести* (лишить авторитета), *унизить, принизить* и т. д.

Аксиологическая девальвация реально может быть выражена в свистах (*освистать*), смехе (*осмеять, высмеять, насмехаться, посмеиваться*), плевках (*плевать, оплевать, наплевать*), в обидных словах (*обзывать, шельмовать, сквернословить* и т. д.

Совершенно очевидно, что понятие аксиологического пациента - это абстракция, основанная на предположении о моральном ущербе в результате определенных действий Х-а. Но оценка действия Х-а не исчерпывает содержания этого действия, тем более - его реальных последствий. Она может сопутствовать сообщению о действии Х-а, будучи имплицитной, ср.: *Отсадили шалуна* [У балуется, мешает проводить урок, на новом месте он этого делать не будет]. Она может быть аксиологическим предикатом, результирующим оценочное суждение о некоторых действиях Х-а, ср.: *Они его явно недооценивают, это его обижает*. Но в таких случаях бледнеет референция сообщения. Оценка может быть ориентирована на последствия для У-а (*позорить, бесчестить*) либо являться спецификатором позиции Х-а в отношении У-а (*брезговать, ненавидеть, ревновать*).

2. 3. 6 . Блокирующие действия

Понятие о блокирующем действии связано с представлениями о свободе

реализации каких-то потенциалов, выполнения каких-то самостоятельных функций, задач, выбора того или иного варианта действия. Свобода - это наличие пространства для действий, благоприятные обстоятельства, сбалансированное соотношение внутреннего и внешнего. Любое действие X-а, ограничивающее эту свободу, содержит признаки блокирующего.

Однако между этим общим пониманием свободы, ее сознательного ограничения со стороны X-а и средствами обозначения лежит немалая дистанция. Именно на этом пути возможны ассоциации с другими типами действий, что подрывает первенство исходного понятия. Одна из основных причин - универсальная приложимость некоторых предикатов к различным объектам, ср.:

давить блох (убивать)

сдавить горло, грудь (душить)

давить на руководство (требовать)

давить ногу (прижимать, жать, сжимать)

давить виноград (делать вино)

По одним признакам действия, обозначенные глаголом *давить*, могут быть отнесены к деформирующим, по другим - к ликвидирующим, по третьим - к блокирующим, некоторые же действия вообще не вписываются в регистр экспансивных.

Вообще, чем дальше мы продвигаемся в описании фрагментов схемы экспансивного действия, пытаюсь дать приблизительную классификацию имен, тем сложнее проводить формальную границу между соответствующими понятиями. Более того, мы не уверены, существуют ли четкие концептуальные границы между фрагментами тезауруса. В логике существуют так называемые "вырожденные" понятия: например, удар можно представить как частный случай трения, треугольник - как четырехугольник с одной стороной, равной нулю. Так и в нашем случае создается впечатление, что порой семантика одного фрагмента тезауруса может быть сформулирована в терминах другого.

Может быть, в самой попытке дать фрагменту тезауруса

обобщенное наименование содержит противоречие? И вся последующая селекция предикатов вкладывается в прокрустово ложе произвольного термина? Однако возможности всегда превышают необходимость, а значит, у нас нет другого пути, кроме разумного ограничения и релятивизации исходных понятий.

Нельзя ставить знак прямого соответствия между действием и именем действия, поскольку обозначение не всегда следует за онтологией события. Речь идет лишь о возможности для данного имени своими семантическими характеристиками отсылать к определенным действиям. Это касается в особенности нереферентных глаголов типа *ограничивать, мешать, препятствовать*, имеющих в силу абстрактного характера универсальную сферу приложимости: как субъектом, так и объектом глагольного действия может стать любой X, Y, процесс, событие в социальной и несобственной сферах.

Не в последнюю очередь это обусловлено процессами скрещения ассоциаций, аналогизации представлений о различных процессах, ср.: *гасить* (то, что горит) и *гасить творческие порывы, оторвать* (часть от целого) и *отрывать от дел, тормозить* (сбавлять ход, нажимая на тормоза) и *тормозить* (препятствовать чему-либо).

Блокирующие действия, как нам представляется, можно разделить на три вида.

1. Действия ограничения свободного пространства вокруг У-а, лишаящие его свободы передвижения, или:

а) помещения его в замкнутое пространство: глаголы типа *арестовать, взять*² (арестовать), *заключить, замуровать, запереть, засадить, посадить, заточить, пленить* и т. д.;

б) теснящие У-а к какому-то рубежу: см. глаголы *давить, мять, жать, гнать* (загнать куда-то), *теснить* (*оттеснить, перерезать* кому-либо пути), *преградить* (путь войскам), *ограничить, припереть* и т.д.;

в) действия блокадного типа: *окружить, оцепить, обложить* и пр.

2. Действия, обременяющие самостоятельные действия У-а, взваливающие на него дополнительную "ношу", груз, или:

а) типа *цепляться, приставать, дергать, липнуть, привязаться, придирааться, примазаться, присосаться, хватать, ловить* с глагольным объектом У, тело У -а;

б) типа *обременить, затруднить, утруждать, перегружать, озадачить, озаботить, отяготить, навязывать, насаждать* с объектом У и его заботы, проблемы;

в) типа *вязать (связывать, оковать) заковать, арканить, опутать, сковывать, приковать* и др.

3. Действия, ставящие запрет на поведение У-а, пользование, владение чем-нибудь в полной мере либо фактически препятствующие этому: *запретить (воспретить, возбранить), отказать* (кому в чем), *мешать, препятствовать, саботировать, бойкотировать* и т. д.

2.3.7. Действия вмешательства

В самом начале главы мы дали рабочее определение понятия "экспансивное действие", отметив, что в общем случае экспансия выглядит как вмешательство в положение дел на стороне У-а. Резонен вопрос: имеет ли смысл поиск имен, обслуживающих абстрактную идею вмешательства, если этот признак является частью концептуального определения схемы и распространяется на все типы действий? Ответ будет положительным, если искомое концептуальное начало удастся связать с конкретными, "бытовыми" представлениями говорящих о статусе У-а, а также с системой ценностей в социуме.

В самом деле, в чем состоит различие между действиями:

ВАРИАНТ А

<вступить в разговор У-а с N>

<заступиться за товарища>

<стремиться стать руководителем>

<пытаться доводами

образумить супругов>

<войти в дом У-а, не постучав>

ВАРИАНТ В

<встревать не в свое дело>

<влезть в драку, ссору и т.д.>

<домогаться власти>

<вмешиваться в дела семьи>

<ворваться в дом>

Информант сказал бы, что в случаях варианта В некто X перешагивает через какую-то грань, черту, что делает его действия хулиганскими, неприличными, аморальными. По-видимому, в сознании говорящих действительно существует, пусть нечеткое, но представление о сфере X-а (X и его дела, его место, его территория, его права, его заботы) и такой же сфере У-а. То есть те понятия, которые мы до сих пор использовали в рабочем порядке, могут иметь подязыковую основу, или являться резервацией тезаурусной схемы. В то же время они могут существовать в виде предписаний, канонов, кодексов до того сложных, что им можно давать бесконечное число определений.

Существует своеобразная мера терпимости к поступкам X-а. Она может быть вполне субъективной. Если X задает У-у три, пять, семь вопросов на одну и ту же тему, возможна реакция: *Чего ты пристал ко мне со своими расспросами.* Мгновение, и действие X-а осознается как экспансия. На экзаменах это уже исключено. На допросах У-у попросту не положено отмалчиваться. И т.д. Однако эта мера терпимости может измеряться объективными критериями: ср. ситуации, обозначаемые глаголами *атаковать*, *штурмовать*, *вклиниться* (в расположение противника), *охотиться* и т.д. Следовательно, не только субъективное восприятие действия, но и способ действия может заключать

признаки, достаточные для квалификации действия как вмешательства, вторжения.

Основная разница между предикатами *вмешиваться* и *вторгаться* состоит в избирательном отношении к сфере У-а. Если в этой сфере актуальны признаки "У и положение его дел, У и его состояние к моменту действия", то используется предикат *вмешиваться*. Другими словами, действия вмешательства вносят процессуальные изменения в сфере У-а. Если же актуальным является признак "У и его территория", то в ход идут предикаты, обозначающие пространственное перемещение Х-а в сторону У-а. Эта территория не обязательно должна иметь очертания границ: собственно, она может замыкаться на теле У-а, ср.: *наброситься на кого-нибудь, налететь с кулаками* и т.д. Так или иначе, имена действий вторжения предполагают некий пространственный предел, за которым начинаются действия типа *нахлынуть, вторгаться, напирать, атаковать, наскочить, нападать* и т.д.

Идея вмешательства, лишенная образа действия, является абстракцией. В этом смысле лидирующие предикаты *вмешиваться, вторгаться* должны опираться на более широкий круг глаголов, эксплицирующих семантику способа действия. Но при этом обнаружится, что глаголы типа *цепляться, пристать, присосаться* совмещают признаки вмешательства и блокирующих действий в своих прямых и переносных значениях. Обнаружится также, что основное различие между глаголами *просить* и *требовать* состоит в степени вероятности крайнего результата, *просить* (если можно), *требовать* (чтобы непременно), а не в категоричности просьбы, как отмечают словари (см. в СО: *требовать* - 'просить в категорической форме', но вряд ли просьбе можно приписывать признак 'категорическая', уместнее было бы *настаивать*).

Действия типа <требовать> содержат элементы суггестии, внушения, поэтому их объект всегда является У-ом, в действиях же типа <просить>, наоборот, место объекта резервировано для Х-а. И только предикат *требовать* содержит признаки вмешательства.

Вмешательство может осуществляться через посредника, тогда в ход

идут предикаты типа *навязывать, подослать, сватать* (перен.). Несущественно, кто является посредником - предмет или действующее лицо.

Как вмешательство могут субъективно оцениваться желания, устремления X-а, ср.: *хотеть, стремиться иметь что-либо/стать кем-либо* и *притязать на что-либо, домогаться, рваться к власти*, если говорящий считает, что X не имеет права этого делать либо делает с чрезмерным усердием, ущемляя такие же права других.

Тезаурусные различия между предикатами *вмешиваться, вторгаться* могут нейтрализоваться на уровне глаголов *лезть, соваться*, ср. *залезть в чужую квартиру* и *лезть не в свои дела*.

Мы воздержимся от строгих семантических дефиниций абстрактных понятия "влияние", "воздействие". Но если бы требовалось обязательно приписать их к какому-нибудь фрагменту тезауруса, то место предикатам *влиять, воздействовать* именно здесь. Хотя бы потому, что влияние есть процесс, направленный извне и вовнутрь чего-либо, что опять же связано с представлениями о пространственных и иных границах предметов и явлений.

2.3.8. Провоцирующие действия

Любое осмысленное действие имеет результат. Результат имеют и несознательные действия (спать → выспаться, отдохнуть). Если мы определяем экспансивное действие как осознанное и активное, как мотивированное и целенаправленное, то оно тем более результативно. И в семантике глагола сопряжение действия и результата является скорее правилом, чем исключением. Это предопределено онтологическим единством действия и результата, процесса и последствий. Вопрос лишь в том, эксплицитно выражен результат или перенесен в сферу тезауруса, а если эксплицитно, то какой именно результат - ближайший или дальнейший? И в

чем разница между ближайшим и дальнейшим результатами.

Очевидно, что реальный результат действия можно свести к разным семантическим результатам. Например, для действия <X выстрелил, пуля прошла насквозь через руку У-а> возможны следующие интерпретации результата:

1. С точки зрения образа действия: *прострелить У-у руку.*
2. С точки зрения деформации: *ранить в руку.*
3. С точки зрения перспективы: *вывести из строя/повредить; ослабить.*
4. С точки зрения каузации других состояний: *вызвать кровотечение; причинить боль* и т. д.

Ближайшим семантическим результатом мы назовем тот результат, который проистекает непосредственно из образа действия, или

стрелять → прострелить.

Дальнейшим будем считать тот результат, который устанавливается не по действию Х-а, а по деформирующим признакам действия *ранить* → У (ранен) либо по каузирующим признакам действия (*вызвать...*, *причинить...*). Отдаленным является тот результат, который определяется на основании специальных критериев оценки как действия Х-а, так и дальнейшего результата: *вывести из строя, ослабить.*

Мы предполагаем, что семантические признаки провоцирующих действий проявляют только глаголы, фиксирующие в своей семантике дальнейший результат, т.е. это либо каузальные глаголы, либо глаголы, трансформирующие идею каузации в признак действия Х-а (*подстрекнуть, подтолкнуть, подговорить, наустить* и др.).

Специфика этого фрагмента тезауруса состоит в следующем.

Существуют действия, которые предопределяют другие действия [см.: Щеглов, 1964]. У оказывается в слабой позиции, потому что в своих поступках он вынужден следовать избранной Х-ом стратегии. У поставлен "перед фактом": он входит в противоречие либо с общепринятой нормой,

либо со своими интересами. Существуют также действия, которые определяют состояния У-а. Эти состояния сводятся к некоторой чувственной константе (гнев, страх, боль, беспокойство, усталость). Если их первоисточником является Х, то его действия имеют провоцирующий характер.

Такова схема. Переход от схемы к языку связан с дифференциацией описывающих предикатов и импликациями значений. Основное различие между именами провоцирующих действий состоит в отношении к идее причинности и идее следственности.

1. Предикаты, обозначающие причинность. В первую очередь мы обязаны отличить каузальные предикаты (*причинить, вызвать, обусловить, породить*, к ним также примыкают предикаты, перифразирующие каузальность, типа *внести, ввести, привести, делать так, чтобы..., делать (каким) и т.д.*). Каузальные предикаты содержат правую интенцию следствия и левую интенцию причины. Поэтому их применение исчерпывается указанием на однонаправленную связь двух событий. В этой своей функции они нейтральны по отношению к схеме экспансивного действия. Их несамостоятельное употребление, однако, приводит к тому, что в правой интенции всегда попадает дальнейший (по определению) результат, что позволяет им в определенных условиях служить средствами перифразирования предикатов, обозначающих следственность, ср.: *мучить - причинять муки, страдания/делать так, что бы У мучился.*

Вторая группа предикатов, обозначающих причинность, характеризуется поглощением каузального признака, или трансформацией идеи каузации в признак действия Х-а. Это следующие разновидности действий:

а) подталкивающие У-а сделать что-нибудь, обслуживаемые глаголами *подстрекать, интриговать, искушать, настроить, настропалить, натолкнуть/подтолкнуть, натравить, наушать, нашептать, подбить (-*

подстрекнуть), *подучить* и т.д.;

б) вводящие У-а помимо его воли в некоторый процесс, конфликт: см. глаголы *ввергнуть*, *вязать*, *вмешать*, *вовлечь*, *втравить*, *втянуть*, *впутать*, *приплести* (= *впутать*) и т.д.;

в) ставящие У-а перед необходимостью сделать что-нибудь в угоду Х-у: глаголы *вынуждать/принуждать*, *заставлять*, *шантажировать*, *нажать* (*перен.*), *вымогать*, *склонить* (*к чему-нибудь*), *требовать* и т.д.;

г) создающие в сфере У-а состояния нестабильности, брожения: *бунтовать народ*, *мутить*, *подогреть страсти* и т.д.

2. Предикаты, обозначающие следственность. Для этой группы предикатов характерна импликация причины и семантика каузированного результата. Семантику этих глаголов удастся "расплести" влево лишь до определенных пределов, ср.:

<i>ужаснуть</i>	- привести в ужас	→	У (ужаснуться)
<i>страшить</i>	- вызывать страх	→	У (бояться)
<i>опроповіть</i>	- стать противным	→	У (недоволен)
<i>Х (бесить)</i>	-	→	У (взбеситься)
<i>мучить</i>	- причинять муки, страдания	→	У (мучиться)

В качестве исходного слова-понятия для образования предикатов, обозначающих следственность, не может служить имя образа действия в прямом значении. Исключения составляют синтагматически обусловленные значения типа *мозолить кому-нибудь глаза* - надоедать своим зримым присутствием, *прожужжать кому-нибудь уши* - дразнить, докучать разговорами на одну и ту же тему, а также аналогические номинации типа *донять*, *допечь*, *достать*, используемые в разговорной речи.

Предикаты, обозначающие следственность, делятся на две группы.

1. Трансформирующие идею результата в негативный признак

действия, обращенного к X-у:

а) кумулирующие неприятие, неприязнь: *опротиветь, надоесть, очертенеть, опостылеть, прискучить, обрыднуть, осточертеть, разочаровать* и т.д., ср.:

(X) *опротиветь* (Y) - Y недоволен X-ом / X неприятен Y - y

б) кумулирующие всплеск отрицательных эмоций: *гневить, взбесить, взбеленить, горячить, нервировать, сердить* и т.д.

2. Трансформирующие идею результата в признак психической компрессии Y-а, см. имена:

а) действий устрашения: *пугать, страшить, стращать* (и производные от этих глаголов);

б) действий доведения Y-а до какого-то предела психических возможностей: *измаять, мучить, терзать, удручить, травмировать, мытарить, обескуражить, томить* и т.д.;

в) действий, приводящих в состояние замешательства, беспокойства: *беспокоить, смутить, конфузить, расстроить, тревожить, волновать* и т.д.

2.3.9. Регулирующие действия

Важнейшей характеристикой этого фрагмента тезауруса является, по нашему представлению, понятие роли. Члены социума вступают либо в случайные отношения (тогда роль X-а или Y-а зависит от стечения обстоятельств), либо в отношения, запрограммированные укладом жизни, законами, институциями и традициями. Случайной будет роль преступника, совершающего суд над судьей, но закономерно обратное. Если члены социума вступают в субординационные отношения, то возможна такая экспансия, которая осуществляется по определенным канонам и на базе взаимного согласия. Регулирующие действия - это действия по правилу, регулирование поведения кого-нибудь - это наведение порядка.

Трудно определить фактические параметры регулирующих действий: различия между целями, результатом и оценками действия могут быть кардинальными. Так, глагол *наказать* обращен к сфере мотивов и целей X-а, сами же пенитенциарные действия варьируют в широких пределах, а соответствующие имена действий могут относиться к разным фрагментам тезауруса, ср.: *вешать, высечь розгами, запретить делать что-то, принудить/заставить сделать что-то*.

При селекции имен регулирующих действий пришлось учесть еще два обстоятельства. Во-первых, не следует абсолютизировать терминообразующие свойства предиката *регулировать*. Это лишь тематическое название, однорядное другим - *корректировать, контролировать*. Естественно, условное название фрагмента тезауруса не может вобрать в себя весь спектр значений глаголов, а значит, не является лимитирующим. Во-вторых, регулятивную функцию могут выполнять неэкспансивные действия (*хвалить, поощрять, награждать*), а это выходит за пределы схемы.

Наконец, последнее обстоятельство, которое, может быть, заставит усомниться в обоснованности выделения этого фрагмента тезауруса, - это отсутствие цельного аксиологического ядра, негативной оценки действия, сопровождающей понятие экспансии. В именах регулирующих действий У - это не совсем то "страдательное лицо", которое убивают, унижают, сажают в тюрьму, шантажируют и т.д. Он не вызывает комплекса сострадания. Объяснение этому простое: У в действиях регулирующего типа - это та роль, с которой говорящий "срастается", которую выполняет ежедневно и над которой не всегда хватает времени поразмышлять.

Целесообразно начать описание предикатов с той группы, которая обращена к сфере X-а. Это имена "регалий власти", властных функций X-а, в орбиту которых У вовлечен на правах объекта.

1. Действия проявления, демонстрации власти: *администрировать,*

управлять, владеть, править, предводительствовать, руководить, властвовать, царствовать, главенствовать, господствовать и т.д.

2. Действия специальных властных функций:

а) *контролировать, проверять, следить, наблюдать, экзаменовать* и т.д.;

б) действия постановки цели, задачи: *велеть/повелевать, поручить, возложить, задать, предписать, предназначать, приказать, распорядиться, наказать (- дать наказ), заклипать, обязать* и т.д.;

в) действия перемещения У-а по иерархии отношений и функций (кроме тех, которые усиливают потенции У-а): *уволить, сократить, отрешить (от должности), понизить (в должности), сместить, снять (с поста), отстранить (от чего-либо)* и т.д.

Затем идут собственно регулирующие действия, наставляющие, формирующие у У-а требуемые качества, либо действия, вынуждающие У-а поступать в соответствии с нормой социально-ролевых отношений. Или:

а) дисциплинирующие действия: *одернуть, муштровать, школить, дисциплинировать, приструнить, смирить, укротить, обломать* и т. д.;

б) суггестивно-педагогические действия: *долбить/вдолбить, наставлять, поучать, проповедовать, втолковать, перевоспитать* и др.;

в) пенитенциарные действия в лице предикатов *наказать, осудить, проучить, мстить, рассчитаться, расплатиться с кем-нибудь* и т.д.

Перечисленные выше предикаты, независимо от грамматических свойств управления (*главенствовать, руководить, поручить, понизить*), обозначают действия, в которых У служит объектом властных и регулирующих функций: имплицитным для предикатов типа *главенствовать, властвовать, администрировать* или эксплицитным для действий постановки задачи (*приказать, обязать*), для собственно регулирующих действий.

Представляется, что в группу имен регулирующих действий следует включить некоторые предикаты, в которых просматриваются

семантические признаки совмещенных действий; это совпадает с инструментивным характером пациенса. У имеет инструментивный характер в действиях типа *направить, ввести, бросить* (в атаку), *включить, внедрить, выслать/ послать, мобилизовать, дислоцировать, перевести, призвать, командировать* и др. Обычно У - это человек или группа людей с определенной "миссией". Мы называем эти предикаты именами совмещенных действий, потому что в их семантике не расчленены иницирующее действие Х-а и корреспондентное ему действие У-а. Так, предикат *командировать* (кого? куда?) обозначает:

- а) действие Х-а (типа постановка цели, задачи);
- б) действие У-а (типа *отправиться, поехать*).

В конкретной ситуации имена совмещенных действий типа *отправить, командировать* могут замещать имена действий постановки задачи, реализуя прагматически иницирующее действие Х-а, ср.: *Посылаю тебя за хлебом. Купи две булки черного.*

Имплицитное выражение иницирующего действия обнаруживается в оппозициях типа:

	<i>бросить</i> в атаку	пойти/броситься в атаку	
Х	<i>ввести</i> войска в город	войска вошли в город	У
	<i>мобилизовать</i> кого-нибудь	отправиться /прийти в пункт мобилизации	

2.4. Экспансивное поведение

По определению экспансивное действие связывает в неравноправное отношение субъекты Х и У. Как мы попытались показать, вербальная палитра экспансивного действия подчиняется некоторым закономерностям, которые нельзя объяснить только языковыми причинами. Мы назвали эти закономерности **подъязыковыми**. Тезаурусные фрагменты экспансивного действия - это "штрихи к портрету" подъязыковой семантики, которая одной

стороной обращена к онтологии действия, а другой стороной - к концептологии и аксиологии действия. Лексическая семантика имени экспансивного действия не в состоянии совместить онтологические, концептуальные и аксиологические признаки действия на паритетных началах. Это перегружает номинацию и препятствует ее коммуникативной функции. Вот почему неизбежны импликации других имен: из абстрактно-логического или аксиологического рядов.

Так, глагол *вешать* эксплицирует онтологию действия: 'накинуть петлю на шею У-у, оставить повиснуть'. Результирующими именами действия <вешать> по онтологическим критериям являются глаголы (*повиснуть*, *висеть*). С концептуальной стороны, однако, семантику глагола *вешать* можно выразить эпилоговыми предикатами *убить*, *умертвить* или дескрипциями *лишить жизни*, *причинить смерть*: здесь уже существенно различие между предметом и живым существом (*вешать белье* - *вешать преступника*). Глагол *вешать* имплицирует также имена из аксиологического ряда: либо мотивирующие предикаты *наказать*, *казнить*, либо предикаты типа *мстить*, *рассчитаться*, *расплатиться*. То есть У не просто умирает, он терпит наказание, платится. Дело лексиколога - выбрать одну из возможных форм толкования или комбинировать их, разумеется, если они не поведут себя как лебедь, рак и щука.

Имена из аксиологического ряда, собственно говоря, не называют ситуацию, а интерпретируют ее в оценочных категориях. Этот сдвиг в сторону от референции компенсируется опять же импликациями имен из онтологического или абстрактно-логического рядов. Оценочная интерпретация действия чаще всего производится по свежим следам события: оно может разворачиваться на глазах у говорящего или в предтексте сообщения. Но эти "свежие следы" запечатляются в тезаурусе говорящего, и когда это входит в подязыковую сферу семантики, приобретает некий статус, аксиологический ряд имен фактически формируется в самостоятельный корпус. Именно тогда

идея неравноправного отношения может трансформироваться в отношение, замкнутое в сфере X-а (прилагательные *злой, нечестный, обманчивый* и др.).

Далее, наступление аксиологических критериев на формально-логические приводит к вырождению понятия экспансии в понятие "экспансивное поведение", или "экспансивные качества" X-а. Вербальным итогом этого вырожденного понятия отношения является также группа глаголов, обладающих формально-грамматическим свойством непереходности и семантическим свойством замкнутости действия в сфере X-а. В предыдущем изложении мы уже отмечали глаголы типа *жюльничать, главенствовать, злословить, мародерствовать*, правда, примеряя семантику предиката к концептуальному профилю действий из соответствующих фрагментов тезауруса.

Как-будто бы теперь есть возможность дублировать анализ на основании изложенного выше. Употребляя термин **дублировать**, ловим себя на мысли: а не являются ли предикаты экспансивного поведения и экспансивных состояний дублирующими в прямом смысле слова? Ср.: *критиковать - критиканствовать, грубить - грубиянить, тиранить - тиранствовать*. Ответ будет "да", если мы остановимся лишь на отношениях формальной и семантической производности. Ответ будет "нет", если мы учтем потребности схемы, в особенности, аксиологические запросы говорящих. Схема экспансивного действия не менее экспансивна, чем действия, которые она отражает. И если задаться вопросом, почему в языке появляются подобные предикаты, то один из ответов будет таким: чтобы отчеканить образ X-а, чтобы выделить его из семантики отношений и представить в неприглядном виде.

Итак, каков же экспансивный портрет X-а? К тому, что сказано до сих пор, добавим некоторые детали, исходя из фактов языка.

1. Действия, вносящие хаос, неразбериху, приносящие много хлопот, забот У-у:

баламутить, бедокурить, безобразить, беситься, дебоширить, дурить,

набезобразничать, натворить (делов), шалить, пошалить, шуметь/расшуметься, свинячить, скандалить, смутьянить, бузить, гадить, буянить, воевать, бесчинствовать и т. п.

2. Состояния аффекта, возбуждения, выражающиеся в агрессивных действиях, нарушающих спокойствие и угрожающих благополучию У-а:
беситься, бесноваться, буйствовать, бушевать, горячиться, гневаться, ерепениться, ершиться, злобиться, лютовать, буянить, ожесточиться, психовать, свирепствовать, стервенеть, свирепеть, сердиться и т.д.

3. Экспансивный образ жизни, устойчивые экспансивные качества
Х-а: *паразитировать, пьянствовать, распутничать, самодурствовать, тиранствовать, злодействовать, тунеядствовать, зверствовать, разбойничать, мошенничать, жульничать, плутовать* и т. д.

4. Действия утверждения себя в качестве лидера, "хозяина положения":
важничать, выпендриваться, капризничать, привередничать, распоясаться, самовольничать, хозяйничать, хулиганить, самоуправствовать, самочинствовать, хамить, наглеть, критиканствовать, политиканствовать, нахальничать и др. под.

5. Действия вербальной экспансии:
ехидничать/ехидствовать, злоыхать, злословить, зубоскалить, дерзить, язвить, браниться и т. д.

3. ВЫВОДЫ

Итак, мы пришли к выводу, что существуют веские доказательства в пользу идеи семантического анализа языка под углом зрения тезаурусной схемы события. Наш анализ превратился по существу в синтез одной из них: мы попытались на данных части словаря построить синтетический образ макросхемы экспансивного действия.

Сколь бы ни были специфичны значения языковых средств, они отражают некоторые закономерности, которые (по крайней мере, в соответствии с традицией) нельзя назвать собственно языковыми. Важнейшая из этих закономерностей - тезаурусная ориентация значения имени. Сюда входят: а) отношение имени к сфере X-а и сфере У-а; б) способность слова своими семантическими признаками отсылать к определенному типу или типам действий, которые в нашем представлении образуют фрагменты схемы; в) тезаурусная мотивированность значения имени (имя как трансформатив экзистенциальных признаков объекта экспансии; г) имплицативные связи между именами, поддерживаемые целостностью семантики действия, или

концептуальным каркасом действия.

Наряду с этим обнаружилось, что семантический анализ и селекция предикатов должны производиться по критериям, которые частично исключают друг друга, но в равной мере необходимы. Поскольку исследуется соотношение языкового (того, что выражено в семантике имени) и подязыкового (того, что обязательно входит в семантику действия, но не вмещается в значение однословного предиката), это не может не сказываться на общей картине исследования, на приемах и способах изложения. В одних местах оно напоминает пейзаж: это связано с попыткой дать "штрихи к портрету" типового действия вне зависимости от количества и своеобразия предикатов, участвующих в его экспликации. В других местах семантический анализ показывает разрыв между знаком и обозначаемой ситуацией, что связано с актуализацией аксиологии говорящего.

Далее, обнаруживается, что некоторые глаголы семантически индифферентны понятию экспансии, и отнесение их к экспансивной части словаря должно учитывать специфику отображаемой ситуации, объекты и результаты действия (*рубить дрова - рубить врага*), а также синтагматически обусловленные значения, проявляющиеся в речи.

Двойной подход - от схемы к языку и от языка к схеме - неизбежен: он позволяет учесть своеобразие языка и относительную независимость средств выражения, которые взаимодействуют с компонентами тезауруса, но в то же время репродуцируют схему по специфическим законам знаковой системы.

Выводы относительно экспансивной части словаря являются частными. То, что мы попытались обосновать фактами из языка предположение о существовании тезаурусной схемы экспансивного действия, отнюдь не означает, что эта гипотеза должна быть проверена, подтверждена доказательствами о существовании концептуально противоположной схемы корпоративного действия или каких-то еще других. Мы постарались не углубляться в тайны "черного ящика", не имеющие отношения к языку. В

частности, остается без ответа вопрос об истоках формирования схемы экспансивного действия. Но то, что она (или то, что могло бы быть названо другим образом) является одним из источников имплицитности лексических единиц, стало нашим убеждением. Собственно, ради этого имеет смысл собрать вместе такую разноликую массу имен (сюда следовало бы включить также соотносимые с глаголами по значениям существительные, прилагательные, наречия) и попытаться взглянуть на них как на игроков одной команды.

Отнесение предиката к определенному типу действия может основываться либо на эксплицитных, либо на имплицитных признаках (отсылающих к фрагменту тезауруса). Например, к действиям аксиологической девальвации мы относим предикаты *недооценивать*, *ненавидеть*, *брезговать*, обозначающие негативную психическую установку X-а по отношению к У-у. Но сюда же относим и предикаты типа *освистать*, *высмеять*, *выгнать*: ведь действия по своему объективному характеру являются продолжением актов аксиологической девальвации У-а. Несмотря на онтологическую разницу ситуаций, сохраняется тождество аксиологического пациенса: в первом случае он выводится из семантики имени, во втором - из семантики действия.

Таким образом, перед нами открывается возможность сопоставления лексических единиц двух или более языков в макрогруппах, положив в основу сопоставления не только метод сличения значений по сходству и различиям, но также единую базу сопоставления – схему действия. Интерес представляет прежде всего то, как игроки двух команд играют в одну и ту же игру, названную номинацией экспансивного действия.

ГЛАВА III

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЭКСПАНСИВНОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сопоставительное языкознание имеет своей предпосылкой инвариантность человеческого мышления. "В принципе законы языка не есть законы его форм. Его внутренняя структура управляется не динамикой звуковых форм, - источники ее лежат в мышлении человека, которое, в свою очередь, есть лишь отображение реальности мира, и поэтому существенные свойства языка определяются, в конце концов, едиными закономерностями реального мира" [Колшанский, 1976, с. 53].

Задачей сопоставительной типологии является определение соотношения всеобщего, общего и специфического в сравниваемых языках [Гак, 1983, с. 8]. Всеобщей чертой языков является тождество их коммуникативной техники: "в основе коммуникации лежит развертывание признаков предмета" [Серебренников, 1976, с. 8]. Общие черты языков устанавливаются в плане генезиса, структурной типологии языковых систем и теории языковых контактов. Специфические особенности языка устанавливаются в его конкретном сопоставлении с родственными или неродственными языками. Так, установлено, что болгарский язык характеризуется четырьмя главными специфическими особенностями, выделяющими его из славянской группы, среди них, в частности, - отсутствие склонения и постпозитивный определительный член [см. Единството на българския език ..., 1978, с. 19-20].

Соизмеримость языков, как неоднократно подчеркивалось, возможна

лишь при условии применения к ним одних и тех же мерных единиц [Солнцев, 1976; Успенский, 1962; Юсупов, 1988; Ярцева, 1981]. Принцип терминологической адекватности относится как к описанию отдельных уровней языков, так и к методам представления связей единиц в пределах данного уровня. В первом случае существенно единое определение исходной единицы (метаединицы) описания, во втором - специфика представления этой единицы (непосредственные составляющие, члены предложения или понятие "узла" предложения). Указанный принцип хорошо себя зарекомендовал при изучении внутренней сопоставимости языков.

Однако понятие имплицитного выводит нас из сферы языка. Прямое сопоставление пресуппозиций невозможно, если под этим понимать стоящие за конкретным высказыванием знания. Тождество предмета сопоставления возможно при типизации этих знаний и установлении некоторого аналога отношений между значениями языковых единиц и схемой знаний. Речь идет об особом основании сравнения, надзнаковом, которое не растворялось бы в смутной массе идей, догадок, личных впечатлений. Один из подходов состоит в выработке "сценариев" ситуаций, "тем сообщения", "фреймов" и других компактных структур знаний [Ван Дейк, 1989; Филлмор, 1988].

Другой подход состоит в выработке единиц, не связанных с конкретными языками, т.е. не зависящих от особенностей одного или нескольких языков, но достаточно тесно связанных с языком и в этом смысле не являющихся внеязыковыми. Для них предложено название ноэмы. Цель - создание ряда ноэматических систем и определение механизмов перехода от абстрактного уровня к языковым [Хегер, 1990].

Третий путь связан с идеями разработки особого содержательного словаря, "словаря смыслов". Он должен быть либо формализованным аналогом естественного языка, либо построен на базе конкретного языка, что сближает его с использованием родного языка как языка- эталона.

Четвертый путь исследования межъязыковой имплицитности связан с

надеждами, которые возлагаются на теорию и практику перевода. Практика перевода дает богатый иллюстративный материал, свидетельствующий о реальных семантических диспропорциях между языками, которые обнаруживаются на разных формальных уровнях. Отсюда критическое отношение к возможностям двуязычных словарей. "Двуязычные словари, объясняя значения слов одного языка словами другого, в лучшем случае отражают соотношения языковых систем. Они почти не дают тех реальных параллелей, которые устанавливаются между словами двух языков в речевых актах" [Гак, 1977, с . 101].

Предлагаемый нами подход - это попытка выявить соотношения двух систем на словарном уровне, но так, чтобы эти слова были ориентированы на подязыковую реальность и лишь потом - на речевые акты. На первом месте стоит типология действий, обозначаемых глагольными именами. Эта типология ориентирована на онтологический результат, что позволяет отнести ее к универсалиям, не зависящим от способа обозначения действия (ср.: *лгать* - *обманывать* - *придуриваться* - *мошенничать* - *вводить в заблуждение*; *обвесить* - *обмерить* - *обсчитать*; *лжец* - *обманщик* - *фальсификатор* - *лжесвидетель*; *лживые слова* - *обманчивый жест* – *фальшивая улыбка*; *ложь* - *обман* - *подделка* и т. д.).

Мы пытаемся объяснить имплицитность слов как семантический феномен не общими констатациями о влиянии энциклопедического фонда говорящего на понимание высказываний, а путем создания некоторого более или менее адекватного аналога отношений между семантическими единицами и концептуальной таксономией мира.

Избранный нами подход имеет семасиологическую направленность. По словам О.Есперсена, факты здесь излагаются "с внутренней стороны" и, естественно, рядом оказываются в первую очередь синонимы [Есперсен, 1958, с. 33]. В то же время среди исследователей нет единства по вопросу о характере этой "внутренней стороны", о способах ее организации и

воплощения в языке. Не определена четкая граница понятийных и языковых категорий. В одних случаях понятийные категории ставятся над языком: будучи универсальными, они получают лишь ту или иную интерпретацию в грамматике определенного языка; например, категория субъекта и способы ее презентации в структуре русского предложения [Бондарко, 1978; Золотова, 1982]. В других случаях они объявляются "скрытыми" семантическими категориями, скрытой грамматикой [Булыгина, Крылов, 1990; Кацнельсон, 1972], тем самым они как бы включаются в понятие "язык", но лишь в той мере, в какой язык трактуется как частично открытая для изучения формальная система.

Ш. Балли в подтверждение тезиса о том, что элементы языкового материала взаимодействуют в памяти друг с другом, "взаимно притягиваются и отталкиваются и никогда не остаются изолированными" [Балли, 1955, с. 30], пытается провести грань между явными речевыми ассоциациями (ср. *дерево* для дровосека и для изнывающего от жары путника) и языковыми "скрытыми ассоциациями, которые, не исключая других, неизбежно возникают одновременно с представлением знака, независимо от всякой ситуации и от всякого контекста" [там же, с. 151]. Примеры, которые он приводит (*мяукать* - о кошке, *ржать* - о лошади), - это тот случай, когда ассоциации основаны на знании признаков только данного предмета; связь между словами представляется не такой скрытой: как и в других подобных случаях, она проявляется в виде семантической совместимости глагола с определенной категорией предметных имен [см. Уфимцева, 1980, с. 43].

Но так ли очевидна связь между глаголами *прятать*, *видеть*, *искать*, *найти* в языке? Для того чтобы определить наличие какой-то связи и ее языковой характер, необходимо спуститься на ранг ниже языка и войти в тезаурусную схему, причем в части дезориентирующих действий. Нейтральное действие <класть что-нибудь куда-нибудь> обозначается глаголами р. *прятать*, б. *скривам* тогда, когда есть У, который не должен это

"что-то" *увидеть*, и в итоге остается в проигрыше. Более того, У - это лицо, которое *ищет* (*будет искать*, но *не должно найти*) данный предмет. Таким образом, единственный тип языковой зависимости между этими глаголами, который можно установить и назвать "скрытым отношением", представляет собой мотивированное схемой **включение** слов в некоторый экспансивный сценарий. Их назначение состоит в том, чтобы маркировать некоторую нейтральную ситуацию с точки зрения нестандартных условий: существует У, он ищет эту вещь, может ее увидеть, это невыгодно Х-у, Х прячет вещь. Слова со значениями 'прятать, скрывать', появившись и закрепившись в языке, продолжают начатую на тезаурусном уровне связь с глаголами обнаружения: это "новое братство" проникает в словарные дефиниции и проявляется косвенно в толкованиях значений.

Подобную связь мы обнаружим между именами пенитенциарных действий и глаголами помилования: глаголы *миловать*, *щадить*, *прощать* и др. под. семантически включают компонент 'не наказывать' и по смыслу сложнее первых. Поскольку они являются именами альтернативных наказанию поступков, они связаны с первыми отображением общей семантики действия; вместе с тем эти отношения не поддаются описанию таким образом, чтобы можно было бы изучать глаголы сами по себе.

Иными словами, на вопрос о том, можно ли схему экспансивного действия причислить к универсалиям, ответ должен быть положительным. Если эти "скрытые ассоциации" между словами являются нитями, посредством которых они вовлекают друг друга в тезаурусное пространство, то нет сомнения, что они стоят усилий лингвиста.

Схема экспансивного действия - это психосемантическая реальность, которая требует своего выражения средствами языка. При этом, однако, способы и средства ее выражения зависят в большой степени от семантического фонда языка, от доступной техники выражения. Различия между русским и болгарским языками, наблюдаемые к настоящему времени,

не являются кардинальными. Они свидетельствуют либо о том, что отношение "схема - словесное обозначение" является историческим, т.е. динамическим процессом, либо о том, что экспликация схемы порождает в каждом языке свое собственное семантическое поле, которое является составной частью идиоматичности языка. Первое положение может служить исходной посылкой, второе нуждается в разработке.

Задачей сопоставительного исследования родственных языков с учетом проявления подязыковых отношений является выявление общего и специфического в системе "подязык — языки А и В".

1.1 Принцип сопоставительного анализа

Основной принцип, который мы попытаемся выдержать в этой главе, не противоречит тем принципам сопоставительного анализа, которые признаны целесообразными в компаративистике. Он состоит в последовательном применении фактора **подязык** к тем параллелям, которые устанавливаются между языками **А** и **В**. Вкратце это значило бы набросить данный мыслительный феномен на онтологию двух языков и определить их экспликативную избирательность по отношению друг к другу. В итоге - определить вербальную степень поляризации семантики действия: на одном полюсе будет находиться язык-экспликатор **А**, а на другом - язык-экспликатор **В**.

Всякий язык существует в двух ипостасях: а) как особая разновидность семиотических систем, и в этом отношении можно говорить об "общем покрове" всех естественных языков; б) как специфическая система среди множества семиотически идентичных систем, он "идиоматичен *per se*" [Виноградов, 1973, с. 229].

Сопоставительное исследование такого плана должно показать типический характер проявления связи лексического уровня данного языка с

семантикой экспансивного действия. Для этого то, что мы называем тезаурусной схемой экспансивного действия, должно быть признано основанием сравнения. Сошлемся на мнение А.М. Кузнецова, подтверждающее целесообразность такого подхода: "Одна из основных причин сложившейся парадоксальной ситуации (автор имеет в виду недостаток контрастивных исследований при обилии двуязычных переводных словарей - Я.П.) состоит в том, что мы слишком долго в своих семантических штудиях ориентировались больше на слово, чем на значение, а точнее - на содержание, ограниченное строгими формальными рамками (чаще всего отдельной лексемой), и подвергали сомнению любую смысловую сущность, если не могли найти ей соответствующую единицу самостоятельного эксплицитного выражения" [Кузнецов, 1988, с. 38].

Семантика экспансивного действия, понимаемого как односторонний акт некоторого субъекта X, каузирующий изменения в сфере У-а (в большинстве случаев нежелательные и потому сопровождаемые негативной оценкой действия), может стать тем общим началом, от которого следовало бы отталкиваться при сопоставлении лексических параметров схемы в русском и болгарском языках. "Ясно, что с категориальной точки зрения это "общее" должно иметь весьма абстрактный характер для того, чтобы без труда обнаруживаться в ряде языков, хотя бы и с достаточными отклонениями, типичными для того или иного языка" [Ярцева, 1981, с. 57].

Очевидно, что представленные в данном исследовании фрагменты схемы, или типы экспансивных действий, имеют логико-семантическую природу. Простая справка в словаре о значении, например, слова *восстановить* покажет, что его прямое значение антонимично экспансивному *разрушить* и выходит за пределы схемы. Это имя конструктивного, корпоративного действия (*восстановить дом; восстановить кого-либо в должности*). Если бы мы допустили, что схема экспансивного действия имеет свой зеркальный антипод в лице, так сказать, схемы корпоративного действия,

то включили бы этот глагол туда. Но только ли по небрежности говорящих он приобрел еще одно значение: в сочетании с *против* он уже передает оценку "враждебно настроить"?

Такой резкий поворот в обозначении свидетельствует о том, что сработал механизм логико-семантической адаптации слова к фрагменту "провоцирующие действия", актантами которых являются X и Y в своих типичных ролях. *Восстановить* здесь значит '(X) воздействовать таким образом на сознание Y-а, чтобы он *восстал* против N'.

"Провоцирующие действия", отражающие конфликтные ситуации, являются подоплекой номинативных процессов с одинаковой направленностью, но с разным исходом. Семантическими экспликаторами конфликта выступают предлоги *р. на, против, б. против, срещу* (ср.: *и пошел брат на брата*, в отличие от *и пошел брат за брата*). Они привязаны к первичным значениям глаголов *р. ополчиться, восстать* - *б. опълчвам се, въставам*, обозначающим ответные действия Y-а. Но в этом ряду глагол **восстановиться* отсутствует. Болг. *възстановявам* вообще не реагирует на тезаурусные запросы экспансии: оно не вошло в аксиологию схемы.

Различия между способами втягивания слов в экспансивную парадигму, отмечаемые для русского и болгарского языков, свидетельствуют о том, что семантические признаки этих слов имеют неодинаковую ценность с точки зрения внутрисистемных отношений передачи экспансии. Так, для русского языка более продуктивна модель аннексирующего действия, выражаемая глаголами с "обез-" (*обезлошадить, обезденежить, обезземелить, обезволить, обездолить* и др.) . С другой стороны, для него не характерны некоторые способы совмещения каузации и результата в переходном глаголе типа болгарских *заблуждавам* 'вводить в заблуждение', *отчайвам* 'вводить в отчаяние', *наскърбявам* 'букв. 'делать скорбящим', *онеправдавам* 'букв. 'причинять кому-то неправду'. Русские *заблуждаться, отчаиваться, скорбеть* имеют только субъектную направленность, хотя и связанную с глубинным

пациентом.

При дезориентирующих действиях типа <обмерить, обвесить, обсчитать> прямой объект действия в русском связывается не с материалом (*ткань, колбаса, деньги*), а с тем, кто получит этот материал в меньшем, чем полагается, количестве. В болгарском отсутствует синестезия значений объекта действия и реципиента в одном предикате. Она может быть выражена либо двучленной структурой, включающей гностический результат 'лжа, мамя' и обозначение действия <премервам, претеглям, броя по-малко>, либо идиомой типа *бия в кантара* букв. 'стукнуть по весам'.

Наиболее общий принцип гласит: отношение между семантикой фрагмента тезауруса и (группирующимися в лексико-семантические поля) средствами языка А является отношением экспликации схемы. В нем выражается специфика языка А (в нашем случае такое отношение было установлено для русского языка). Обозначим эту связь как вертикальную. Родственные языки А и В сохраняют эту связь в генетическом плане (зона сходств, обусловленных генетическим родством). Перестановка семасиологических акцентов, вхождение иноязычной лексики, угасание единых для А и В ассоциаций между формами и значениями приводят к ситуации существования схемы в двух ипостасях: отношение различия между языками является вместе с тем и отношением двойственности обозначения фрагментов схемы. Эта межъязыковая ситуация может быть обозначена термином **семантическая поляризация действия**, а знаки А и В могут рассматриваться как **двоичные знаки**. Отношения этого типа являются горизонтальными.

Имплицитность как межъязыковой феномен определяется диспропорциями в структуре двоичного знака. Проба на переводимость является самым эффективным тестом, обнаруживающим эти диспропорции, в силу простой процедуры "вычитания" знака А или В из семантики двоичного знака (АВ). Если один из знаков идет в своей семантике дальше другого в

каком-либо направлении экспликации, то другой ровно настолько же имплицитен.

Например, р. *лгать*¹ и б. *лъжа*¹ образуют двоичный знак дезинформирующего действия <говорить что-то, о чем У знает, что оно не истинно>. Действие замкнуто в сфере Х-а, оно безрезультатно, т. к. квалифицируется У-ом как "неправда". Глаголы реализуют одну и ту же семантическую структуру "субъект - действие". Диспропорции в семантической структуре единого знака наступают в тот момент, когда б. *лъжа*¹ вторгается в сферу объекта (сфера У-а), с этим неизбежно связано обозначение результата (У *излъган*): *Той ни лъжеше непрекъснато*. Эта диспропорция может быть устранена только включением болгарского *лъжа* (*някого*) в новый двоичный знак *обманывать*¹ - *лъжа*². Но он является гетерогенным, поскольку учитывает только горизонтальные связи между языками и оторван от вертикальной связи с концептами схемы, присущей обоим членам гомогенного *лгать* - *лъжа*.

Диспропорция в структуре гомогенного *лгать* - *лъжа* возникает также в связи с тем, что р. *лгать* частично приватизируется другим фрагментом схемы - "принижающие действия". Глагол включается в рубрику имен клеветнических действий, имеющих актантом третье заинтересованное лицо N: *ты лжешь на меня* (клеветешь на меня). Эта новая диспропорция устранима при включении глагола *лгать*² в другой гетерогенный знак *лгать*² - *клеветя*¹.

Наконец, отметим, что выявленные диспропорции сопровождаются сдвигами в словарях обоих языков. Так, в русском появляются две новые семантические единицы - совершенный вид *налгать* к значению 'клеветать', в отличие от *солгать* к значению 'говорить неправду', и глагол *оболгать* в качестве корректора семантики глагола *клеветать* (отношения между двумя последними, как мы приняли во второй главе, целесообразно рассматривать как отношение коррекции смысла, а не просто в плане чистой синонимии).

Движение болгарского *лъжа*² в сторону объектных глаголов по сути является движением к другому гомогенному двоичному знаку *обманывать - мамя*, в котором этимологическое тождество частично сохранилось. Это сопровождается утерей смыслового компонента 'говорить' и актуализацией семантики гностического эффекта действия 'каузировать заблуждение, ошибочное действие У-а'. Таким образом, вербальным итогом этой семантической поляризации действия является также установление третьего гетерогенного знака *обманывать - лъжа*.

Итак, в синхронном плане возможны следующие выводы. 1. Гетерогенные двоичные знаки являются выразителями импликационных отношений слов в двух языках и представляют собой результат семантической поляризации действия. 2. Русское *лгать* дает отклонение в сторону другого фрагмента тезауруса, в то время как болг. *лъжа*, оставшись в зоне дезориентирующих действий, примыкает к эпилоговым средствам номинации (т. е. ориентированным на результат, а не способ действия). 3. Отношение между гомогенными и гетерогенными двоичными знаками в силу (1) и (2) может рассматриваться на конкретном уровне как соответствие частичного различия в рамках двуязычных двусторонних отношений [об этом см. Сятковский, 1976; Сятковски, 1984; Супрун, 1987; Червенкова, 1982; применительно к русским и болгарским глаголам положения см. обстоятельное исследование Ковачева, 1982].

Гетерогенные двоичные знаки возникают также на базе семантико-стилистической иррадиации семантического компонента схемы. В таком плане можно рассматривать соотношения между русскими *врать, брехать* и болгарскими *лъготя, ментосвам*. Они также могут являться результатом "импорта" в одном из языков слова, заполняющего лауну: см. соотношение русского *казнить* и болгарского *екзекутирам*.

Гомогенные двоичные знаки могут возникать также в результате позднейших заимствований, например, таково положение русизмов в

болгарской лексике: см. *грозя* в значении 'грозить' (РБЕ).

Безусловно, большой интерес в семантическом плане представляют случаи отсутствия однословных соответствий в горизонтальных связях языков. Отношения соответствия здесь устанавливаются путем явной или неявной отсылки к вертикальным связям с подязыком. Рассмотрение этого вопроса в аспекте теории перевода ассоциируется с поиском адекватных замен, что связано с техникой перевода [подробнее об этом: Влахов - Флорин, 1980]. Правда, при этом предпочитают говорить о внелингвистической информации, а не о подкодовой информации, вне рассматриваемой нами связи подязык - языки А и В. В частности, А.Д. Швейцер приходит к выводу о том, что в любом речевом произведении многое остается невыраженным, подразумеваемым в силу своего внелингвистического характера [Швейцер, 1973, с. 31].

Случаи подобного рода нельзя объяснить понятием простого двоичного знака (он не существует, см. р. *злоумышлять*, *зубоскалить* и пустоты в болгарском лексиконе). Переводные словари дают перевод, приближенный к толкованию значения в языке-оригинале: *злоумышлять* - 'предприемам, замислям престъпление'; 'имам престъпни намерения'; *зубоскалить* - *подигравам се; присмивам се; майтапя се; шегувам се* [см. толкования в СО]. Глаголы *зубоскалить*, *злоумышлять* являются следствием генерализации не концептуальных, а аксиологических компонентов схемы. На фоне существующих соответствий типа *злоумышленный* - *злоумишлен*; *скалить зубы*, *скалиться* - *зъбя се* аксиологическая интерпретация действия в русском приобрела форму аксиологического имени экспансии. Болг. двучленное *мисля зло* (някому) замкнуто в рамках нормативного концепта. Болг. *подигравам се*, *присмивам се*, *майтапя се* (*с някого*) проникают в сферу объекта и содержат указание на способ действия - коммуникативные девальвирующие действия.

С точки зрения принятого здесь подхода горизонтальные отношения подобного рода являются отношениями произвольной связи, вытекающей из

вертикального единства источника - фрагмента действий аксиологической девальвации. Вертикальная связь является доминирующей. В целом это соответствует тезису о том, что сопоставление не может опираться на единичные, разрозненные "различия" диспаратных фактов, а должно исходить из системных противопоставлений категорий и рядов своего и чужого [Реформатский, 1987, с. 43].

Не является существенным для описания подязыковых связей языков А и В вопрос о столкновении культуры отправителя и получателя, поскольку он выходит за рамки системных отношений [см. Швейцер, 1988].

Пожалуй, наибольший интерес в контрастивных семасиологических исследованиях представляет вопрос о том, как в макроструктуре словаря находит отражение таксономия мира, пропущенная через наличный семантический фонд сопоставляемых языков. Речь в нашем случае идет о целых слоях лексики, ориентированных на передачу экспансивных отношений в речевых актах, оценку этик отношений в той части, которая охраняется тезаурусом. Это предполагает возможность построения сопоставительного анализа по тому же принципу, по которому эти отношения устанавливались для лексикона русского языка (глава вторая).

В силу необозримости исходного материала приходится делать ряд исключений. Мы абстрагируемся от тех предикатных слов, которые в грамматике классифицируются как наречия, прилагательные, существительные, слова категории состояния. Приходится также отказаться от всех иных классификаций глаголов, которые объединяют экспансивные и неэкспансивные действия по признакам, индифферентным тезаурусной схеме события. Так, не учитываются общие свойства предикатов р. *любить*, *ненавидеть*; б. *обичам*, *ненавиждам*, определяемых как предикаты эмоционального отношения. Из глаголов движения не представляют интереса такие признаки как "интенсивность", "способ, средство передвижения", по которым характеризуют глаголы *идти*, *ехать*, *ползть*,

мчатся и т. д. Признак "передвижение" в схеме экспансивного действия оказывается в иерархической зависимости от экспансивного признака "вмешиваться, вторгаться", или 'проникать в сферу У-а', сопровождаемого эксплицитным обозначением мотивов, целей Х-а и их оценкой.

Так называемые глаголы умственной (интеллектуальной, идеальной) деятельности типа р. *думать, считать, видеть (перен.), оценивать* [см. Стоянов, 1977] (и соответствующие болгарские эквиваленты) включают некоторые предикаты, которые целесообразно выделить по тезаурусному признаку "девальвирующие действия", напр., глаголы *недооценивать, подозревать*. Очевидно, модель [подозирам, че...] и модель [подозирам го...] имеют разное содержание. Предикат *недооценивать* (б. *недооценявам, подценявам*) является именем "оценки некоторой оценки" и, соответственно, стоит ближе к схеме.

Предикаты, обозначающие "рикошетные акции", типа *отблагодарить, извиниться* связаны с предикатами *наказать, упрекнуть, отругать, отомстить* едва ли не этим единственным классификационным признаком, характеризующим "событийную реминисценцию" в их лексических значениях [см. Арутюнова, 1980, с. 222].

В то же время не следует упускать из виду те классификации, которые строятся с учетом активного характера субъекта действия. Это помогает установить различия между семантическим подобием и онтологией события типа *Взвод окружал/окружил деревню* и *Деревья окружали дом* или, другими словами, между блокирующим действием и его аналогом. Следует специально отметить, что болгарский язык противопоставляет два разных глагола *обкръждавам - окръждавам* для экспликации этого различия, ср.: *Войските обкръжиха крепостта* и *Дърветата окръжаваха къщата*.

Большой интерес представляет предложенная Ю.С. Степановым классификация предикатов по типам переходности, построенная на трех семантических признаках: "аналитическая/синтетическая переходность",

"эффективная/неэффективная переходность" и "характер субъекта" [Степанов, 1981, с. 302-310]. Первый признак связывается с характером объекта (внешний или создаваемый в процессе действия). Второй связан с изменением объекта (подвергается - не подвергается реальному изменению). Третий признак используется для выделения двух классов каузативных глаголов с активным субъектом.

Переходные глаголы русского и болгарского языков, включаемые нами в список имен экспансивных действий, могут, согласно вышеизложенной классификации, иметь только следующие признаки: синтетическая переходность (с любым объектом из сферы У-а), эффективная переходность (У либо сфера У-а как целое изменяется), активный субъект-каузатор этих изменений в сфере У-а. Предикаты типа *подозревать*, *недолюбливать*, *недооценивать* (б. *подозирам някого*, *ревнувам*, *мразя* и т. п.) являлись бы исключением, если бы мы не рассматривали их как имена односторонних идеальных действий, чьим "пациентом" является образ У-а, его субститут на идеальном уровне.

Деление предикатов на некаузативные и каузативные (соответственно, каузативных - на чисто каузативные типа *причинять* и каузативно-следственные типа *сажать*, *класть*, *ставить*) согласуется с фрагментами схемы лишь частично. Как мы уже отмечали, семантика имени является **рестрикцией** для семантики действия. Экспансивное действие всегда каузативно, но из этого прямо не следует, что и имя этого действия должно включать семантический каузативный компонент. Язык сохраняет относительную независимость средств выражения и определенную свободу выбора аспектов обозначения действия. В этом, кстати, одна из трудностей идентификации лексических средств-номинаторов экспансивных действий.

Предикаты, обозначающие "неопределенно повторяющиеся явления", типа *руководить*, *воспитывать*, *управлять*, *директорствовать* (б. *ръководя*, *възпитавам*, *управлявам*, *директорствувам*) и др. в некоторых

классификациях причисляются к именам качеств, свойств [Булыгина, 1982]. Основание для этого видится в том, что нельзя определенно ответить на вопрос о специфических действиях, выполняемых субъектом, в невозможности временной локализации действия и его индивидуализации, а также в некоторых грамматических ограничениях, распространяющихся на конструкции с указанными глаголами [там же, с. 54 - 56]. Эта характеристика в целом справедлива, но недостаточна. Диагностическим тестом для указанных глаголов может служить не только подстановка иного контекста, как это делает Т.В.Булыгина, но также некоторый целостный фрагмент тезауруса. "Регулирующие действия" требуют от *директора, управляющего, воспитателя, руководителя* в обязательном порядке *приказывать, увольнять, наказывать, экзаменовать (спрашивать с подчиненных)* и т.д. "Глаголы типа *руководить* представляют собой обобщение некоторого множества, члены которого представляют собой действия, хотя и не однотипные" [Селиверстова, 1982, с. 141]. Первые и вторые предикаты находятся в отношении имплицативной связи.

"При рассмотрении предикатов по их значениям выявляется, что их соотношения строятся не столько по принципу многоступенчатой иерархии последовательных членении, сколько как одновременное наложение нескольких оснований деления, причем не всякий раз основание классификации охватывает весь корпус предикатов, а чаще приложимо лишь к определенной их части" [Никитин, 1988, с. 83].

Классификация предикатов по тезаурусным основаниям тоже не универсальна. Но она основана на типологии действий, которая в идеале является универсальной. Вне этой типологии семантика предиката предстает как имманентная сущность. Внутри данной типологии предикаты выявляют свою тезаурусную ориентацию, свои имплицитные свойства и специфические отношения с другими предикатами. Это помогает устранить произвольность, случайность исходного признака классификации и не

позволяет рассматривать предикаты как случайное множество слов, что имеет важное значение для анализа глаголов в пределах лексико-семантических групп.

Так, Н.А. Козельская в своем исследовании компонентной структуры "ЛСГ глаголов механического воздействия на поверхность объекта, нарушающего целостность", берет в качестве исходного признак "нарушение целостности поверхности". При этом рядом оказываются глаголы типа *бороздить, бронить, пахать, строгать, тесать* и глаголы типа *изжалить, изранить, порезать, надломить, исклевать, искутать*. Первые, по словам автора, обладают семой "положительный результат действия" ('обработка; очищение'), вторые - семой "отрицательный результат действия" ('порча; повреждение'). К смежным с данной ЛСГ Н.А. Козельская относит лексико-семантические группы созидания, разрушения, обработки, отделения [Козельская, 1983]. Совмещение двух групп производится по критерию, не учитывающему типы действий. В качестве, может быть, компенсации автор предлагает признаки результата (полезное - вредное), которые дифференцируют результат на основании утилитарной оценки, но не сами действия и их предикаты, входящие в общую группу. Действительно, оценка действия является определяющей: объекты типа *почва, изделия из дерева и металла* и предикаты типа *бороздить, строгать, тесать* индифферентны схеме и с точки зрения ее аксиологических координат являются нулевой ценностью. Только вторая группа предикатов могла бы быть включена в типологию действий как составная часть имен "деформирующих действий". При этом признак "нарушение целостности" станет релевантным (имена деформирующих действий как трансформативы эссенциальных признаков объекта).

2. Межъязыковая модель фрагмента тезауруса и вопрос семиологического баланса на языковых полюсах

Межъязыковая модель фрагмента тезауруса - это исследовательский конструкт, создаваемый для сопоставительного исследования двух языков. В основе этой модели лежит понятие двоичного знака. Двоичный знак - это элемент межъязыковой ситуации, семантическая сущность которого определяется не столько в отношении к реальному событию, сколько в отношении к семантическому образу действия, или к тезаурусной семантике действия. Он имплицитен *ab ovo* (см. формальное определение имплицитности, данное в первой главе).

Двоичный знак имеет полярную структуру, обусловленную двойственностью объекта (родственные языки). Его левая (**а**) и правая (**в**) части связаны отношениями двоякого типа. Отношения первого типа являются аналогом логической конъюнкции: условием является отсылка к одному и тому же фрагменту схемы. Двоичный знак является **гомогенным**, если на его полюсах сохраняется относительное тождество форм и семантическое тождество элементов [о различии между семантическим и лексическим тождеством см. Червенкова, 1982, с. 145-146]. Наоборот, он является **гетерогенным**, если наблюдается формальное несоответствие при тождественности семантического компонента (б. *беся* — р. *вешать*; б. *сривам* — р. *разрушать*). Двоичный знак является **пустым**, если он устанавливается лишь на общих ассоциациях слов (р. *сваливать* - б. *свалям* 'снимать') [о формально сходной лексике двух языков см. Чонгарова, 1992; Червенкова, 1992]. **Аналогом** двоичного знака, или "ложным" двоичным знаком, являются случаи межъязыковой омонимии типа р. *приказывать* - б. *приказвам* 'говорить', *подыгрывать* - *подигравам* 'смеяться над кем-либо', *бранить* — *браня* 'защищать' (мы не касаемся путей возникновения отношений омонимии для каждой из указанных пар слов).

Отношения второго типа между компонентами двоичного знака являются аналогом логической дизъюнкции: условием дизъюнкции является центробежная тенденция, характерная для каждого из компонентов в отдельности (частное проявление принципа асимметричного дуализма знака, обоснованного С. Карцевским).

Отношения дизъюнктивного типа обусловлены семантической структурой (семантическим структурированием фрагмента тезауруса) каждого языка в отдельности. Дизъюнктивные отношения необходимо описывать с помощью **иных двоичных знаков**, т. е. они поддаются экспликации в рамках межъязыковой модели только под видом некоторого предельного множества **соположенных** элементов модели. Подобного рода процедуры возможны для двоичных знаков типа *лгать - лъжа* (см. предыдущий параграф).

Однако дизъюнктивные отношения в структуре гетерогенных знаков могут подчиняться несколько иным закономерностям. Семиологический баланс не всегда задан однозначным отношением знаков **а** и **в** к схеме. Он часто может быть установлен *ad hoc*, для определенного случая. Так, если довериться переводному русско-болгарскому словарю, напарником русского *портить* в двоичной структуре окажется болгарский глагол *развалям*, причем продиктовано это тем, что за основу берется толкование 'приводить в негодность' или 'делать негодным к употреблению'. Наоборот, в болгарско-русском словаре напарником глагола *развалям* является русский глагол *разрушать*, что продиктовано первичным значением болгарского *развалям* 'разрушать'. Отношение между *портить* и *развалям* является, таким образом, **асинхронным**. Если подобное представление может быть признано показателем переводимости и соответствует установке на переводимость, то это не значит, что оно является достаточным основанием для включения слов в двоичный знак.

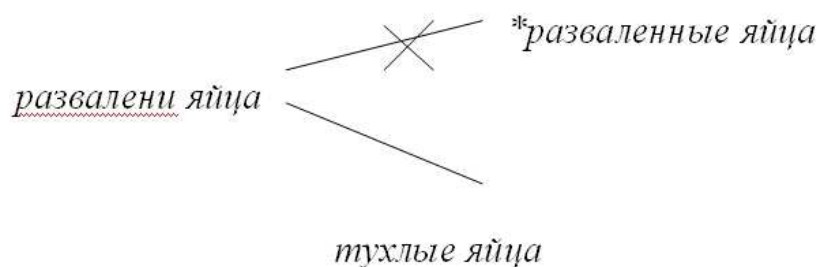
Мы приходим к необходимости различения нескольких видов гетерогенных знаков в зависимости от того, на каком основании определяется их межъязыковой статус - на дизъюнкции первоначального смысла или на

конъюнкции вторичных (оценочных) компонентов значения. Отметим, что дилемма в рассмотренном выше случае могла бы быть устранена простым образом: указанием на то, что в результате заимствования болгарский язык уже имеет слово *изпортвам*, восстанавливающее идеальный семиологический баланс *портить - изпортвам*.

Но допустим, что глагол *изпортвам* не только употребляется редко, а его попросту нет. Тогда мы имеем дело с лакуной следующего типа:

А	В
<i>(по)вредить</i>	- <i>(по) вредя</i>
<i>ухудшать</i>	- <i>влошавам</i>
<i>портить</i>	- (отсутствие слова с оценочным компонентом)
<i>делать негодным</i>	- <i>правя негоден</i>

Поскольку рассмотрение этого вопроса неотделимо от импликаций соответствующих фрагментов тезауруса, напомним, что аксиологические предикаты лишены прямой референции, а значит, должны образовывать двоичные знаки с такими же нереферентными именами из класса А. Т.е. для того, чтобы глагол *развалям* образовал двоичный знак с русским *портить*, в его семантике должна проявиться генерализация оценки и выхолащивание исходной семантики действия (в данном случае - ликвидирующего). Этот семантический процесс имеет в качестве результата **нарушение** семиологического баланса в гомогенном знаке *разваливать - развалям, ср.:*

Отношение между *развален* и *тухлый* напоминает отношение в паре *портиться - развалям се*: в обоих случаях дается утилитарная оценка состоянию предмета, а именно: понижение качества пригодности.

Следовательно, предикаты *портить* и *развалям*, образующие двоичный знак деформирующего действия, могут рассматриваться как гетерогенное образование.

Обобщим сказанное. В случаях подобного рода сохранение тождества предмета исследования возможно путем выделения особого класса двоичных знаков. Назовем их **асинхронными гетерогенными** знаками: будем считать, что они фиксируют в своей двучленной структуре сдвиг члена **а** или члена **в** в сторону другого фрагмента тезауруса, к которому ориентирован в своем исходном значении противолежащий член. Этим они отличаются от синхронных гетерогенных знаков типа *ухудшать - влошавам, казнить - екзекутирам*. Оговоримся, что таким образом не "заполняются лакуны" в одном из языков, а устанавливается семиологический баланс в межъязыковой модели тезауруса.

Диспропорции в структуре двоичного знака можно выразить в иных пропорциональных знаках. Если такое невозможно, целесообразно говорить о семиологическом дисбалансе в макросистемах А и В, который устраняется на подязыковом уровне либо на уровне описательных речевых выражений.

Возьмем для примера пару слов : р. *арканить* и б. *впримчвам*. В своей отсылочной части глаголы обращены к фрагменту "блокирующие действия". Конкретным результирующим признаком действия <арканить> является 'ограничение свободы передвижения У-а на длину аркана'. Двоичный знак *арканить - впримчвам* пропорционален только в своей отсылочной части. Обратимся к словарям:

арканить - ловить арканом (СО)

впримчвам - вкарвам, вьвличам в примка (БТР)

Различия в интерпретациях вскрывают диспропорции в левой и правой частях двоичного знака. Болгарский глагол содержит расчлененное пространственное обозначение ситуации-номината. Его словообразовательная структура в деталях соответствует русскому *впрягать (запрягать)*: к обоим применима дефиниция 'вовлекать (помещать) в...' [упряжь, петля аркана]. Для

русского *арканить* такое толкование было бы неуместным: в нем отсутствует пространственная интерпретация действия на морфологическом уровне.

Значение 'ловить' невыводимо из морфологической структуры русского глагола: оно является общим для обоих членов двоичного знака и скорее всего относится к более абстрактному уровню обозначения семантики действия. Поэтому оно может служить средством установления семиологического баланса членов **а** и **в** на уровне дефиниций: 1. Что он делает? - Ловит У-а. 2. Каким образом? - Вовлекает его в петлю (*арканит, впримчва*). 3. Что делает У? - Впутывается в аркан. 4. Что в итоге? - У не может передвигаться дальше длины аркана. Ответ "Ловится" на вопрос (4) был бы тавтологичным.

Рассмотренная выше ситуация семиологического дисбаланса показывает важность учета морфологических критериев в межъязыковой модели действия. Вопрос стоит так: в состоянии ли понятие двоичного знака выразить формально-семантические различия в парах слов, продиктованные словообразовательными различиями в способах номинации? Очевидно, одним из вариантов экспликации этих различий может быть противопоставление двух самостоятельных дефиниций для значения компонентов **а** и **в** при их сводимости к некоторой более общей дефиниции типа "Х ловит У-а", указанной выше. Следовательно, направление анализа возможно от общей дефиниции, в которой учитываются исключительно признаки сигнификата, к частным.

Попытаемся показать это на примере некоторых глаголов, входящих в группу "экспансивное поведение". В этой группе оценка доминирует над референцией. В частности, это касается и глаголов, обозначающих действия внесения беспорядка, хаоса, что вынуждает У-а тратить дополнительные усилия на его преодоление.

Начнем с наименований предметов, для которых можно указать денотативные признаки:

1. *сор, мусор* - *боклук*: предметы, квалифицируемые как отходы какой-либо деятельности Х-а, не обладающие значимостью для У-а в данной

ситуации;

2. *грязь - мърсотия*: инородное тело на видимой поверхности значимого для У-а предмета, что делает его некрасивым;

3. (?) – *смет*: лишний предмет, остающийся после очистки значимого для У-а предмета (ср. русское *сметать*).

Дадим также толкование двоичного знака *пачкать - цапам*, состоящее из денотативной и сигнификативно-оценочной частей: 'а) наносить на видимую поверхность значимого для У-а предмета частицы инородного вещества, б) после чего предмет выглядит некрасивым'. Если в этом знаке оставить только сигнификативно-оценочную часть, она может стать общим дефинитивным суждением. Отметим, что в корневых элементах глаголов понятие предмета отсутствует: значит, они имеют опосредованную референцию, требующую компенсации в лице знака *грязнить - мърся* от наименований инородных предметов (2) .

Отметим три вида оценок, сопровождающие номинации (1-3): ненужный (1), некрасивый (2), лишний (3). Очевидно, наибольшей мотивирующей значимостью для квалификации действия как экспансивного обладает эстетическая оценка "некрасивый". Это подтверждается, во-первых, тем, что она обнаруживается в общих предикатах *пачкать, цапам*. Во-вторых, лишь она может быть использована для квалификации поступка: так, <сорить> нельзя квалифицировать как "ненужное" или как "лишнее" действие, но ср.: *Так делать некрасиво*. Оценка в высказывании мотивирована некрасивым внешним видом предмета.

На доминирующем характере оценки основаны вторичные знаки типа *пачкать доброе имя, мърся доброто име (на някого)*. Здесь не приходится говорить о денотативных признаках знака.

Дефиниция 'делать некрасивым' может свободно переходить из одного фрагмента тезауруса в другой. Обратимся к рассмотрению ее роли в установлении семиологического дисбаланса между частями гетерогенного знака "деформирующего действия", включающего сенсорно-психологическую

оценку результата. Обозначим круг глаголов: р. *увечить, калечить, уродовать, безобразить*; б. *осакатявам, обезображиваю*. В предыдущем изложении мы отметили, что номинации деформирующих действий строятся по двум моделям: "У минус существенный признак (дефект, деформация)" либо "У плюс несвойственный ему признак"; первая модель действует в рамках эссенциального концепта, вторая - в зоне аксиологии вещей. Несвойственный признак - 'некрасивый', существенный признак - 'целый, здоровый'.

Семантика деформирующего действия отображает эссенциальные изменения в объекте. Вербальная семантика допускает интерпретацию первой как в эссенциальных (+), так и в аксиологических модификациях (-). Таким образом, мы имеем следующую дихотомию:

(+) [<i>сакат</i>]	<i>калечить</i>	(+) [<i>калека</i>]	<i>осакатявам</i>
	<i>уродовать</i>	(±) [<i>урод</i>]	?
	<i>увечить</i> (+)	-----	?
	<i>обезображивать</i> (-)	-----	<i>обезображиваю</i> (-)

С ретроспективной точки зрения двоичный гомогенный знак *обезобразить* - *обезображиваю* прошел путь от эссенциальной номинации к аксиологической: первая обнаруживается в словообразовательной структуре (внутренней форме) глаголов, вторая не позволяет рассматривать их ныне как производные. Если мы, исходя из отношений переводимости, включим р. *уродовать* и б. *осакатявам* в двоичный знак (см. РБР), то эта процедура будет аналогична указанному выше переходу. В результате получим асинхронный гетерогенный знак с общим компонентом '(У) выглядеть некрасиво'. Между тем для б. *осакатявам* этот компонент является потенциальным, также как и для существительного *сакат*, ср.:

(урод) *На него противно/жалко смотреть*

(калека) *На него жалко смотреть - Жал ми е да го гледам*

**На него противно смотреть, но Той излита отвращение при вида на сакатия* (индивидуальный случай)

Наоборот, если мы, исходя из тех же отношений переводимости, включим р. *увечить* и б. *осакатявам* в двоичный знак, он будет синхронным благодаря эссенциальному тождеству семантики (+) компонентов.

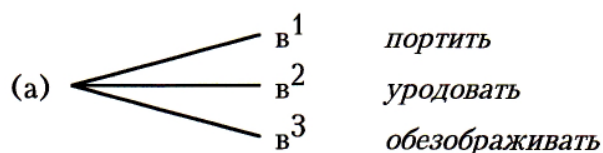
Итак, общая дескрипция 'делать некрасивым' в русском языке не находит опоры в одном определенном предикате. В болгарском ее носителем является глагол *грозя* (*загрознявам*). Это обстоятельство не позволяет ему образовывать синхронный знак со строго определенным русским глаголом. Для него можно задать лишь группу асинхронных знаков:

либо *грозя* - *уродовать* (за вычетом эссенциального компонента)

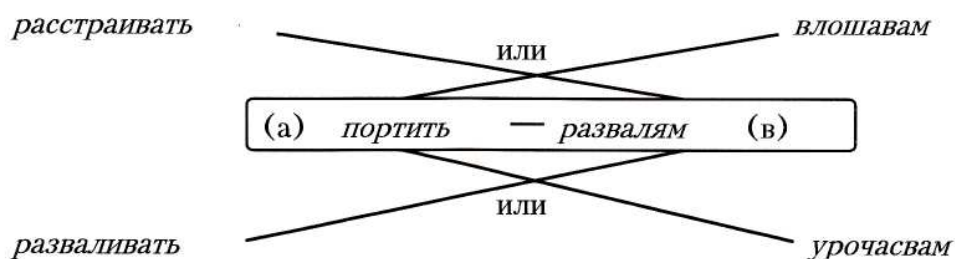
либо *грозя* - *портить* (за вычетом компонента 'делать негодным')

либо *грозя* - *обезобразивать* (за вычетом внутренней формы)

В рамках межъязыковой модели можно различать два типа отношений между асинхронными знаками. Первый тип чисто дизъюнктивный, он представлен отношением, рассмотренным выше, при котором семиологический баланс устанавливается за счет редукции значений компонентов до общей дефиниции типа 'делать некрасивым'. Он имеет следующий схематический вид:

Второй тип асинхронных двоичных знаков совмещает условия конъюнкции и дизъюнкции на базе данного множества попарно ориентированных знаков **а** и **в**, или тип *портить* - *разваляю*, рассмотренный нами выше. Он имеет следующий схематический вид:

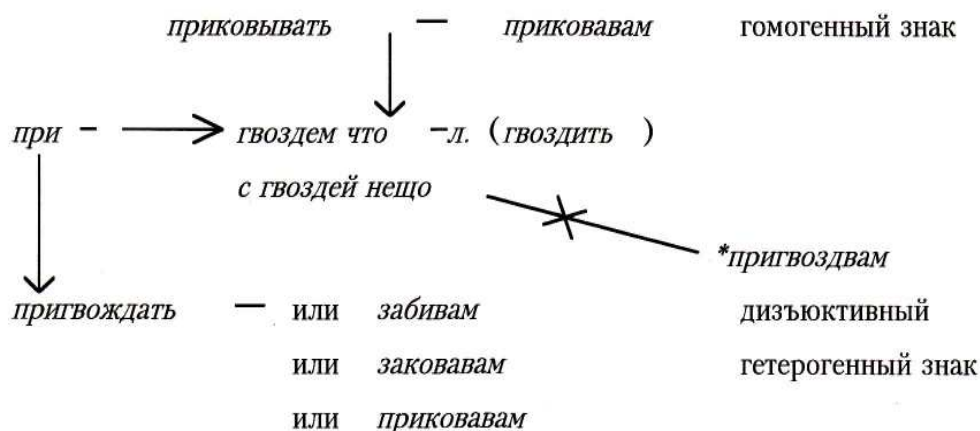
Теперь остановимся подробнее на вопросе о способах презентации в

межъязыковой модели соответствий типа слово - сочетание слов, ср. *зубной врач* - *зъболекар*, *коленича* - *стоять на корточках*. Очевидно, индивидуальные случаи типа *надвивам* - *одолевать* объяснимы в терминах гетерогенных знаков. Но как быть, если в болгарском языке существует целая серия таких слов, образованных по единой модели и имеющих общее значение 'побеждать У-а в каком-либо единоборстве', ср.: *надигравам*, *надвиквам*, *надсвирвам*, *надскачам*, *надпявам*, *надстрелвам*, *надмятам* и т. д.? Что здесь важнее - слово как крайний результат или сама модель номинации, изображающая превосходство Х-а над У-ом как конфронтативное действие, подчиненное вертикальному градуированию результата? И если некоторым болгарским глаголам даются префиксальные эквиваленты *обыграть*, *перекричать*, а для других возможны лишь дескрипции типа *победить в стрельбе*, *говорении* (ср. **перестрелять*, **переговорить*, **переметнуть*, неадекватные для данного случая), то следует ли из этого, что такое вертикальное видение экспансии является языковым почерком среднестатистического болгарина?

Вопрос следует поставить в иной плоскости: префиксальные спецификаторы экспансивного действия и степень продуктивности словообразовательных моделей в двух языках. здесь можно прежде всего отметить функциональную значимость вариантов *пре-* и *пере-* для пар глаголов типа *предать* - *передать*, *преступить* - *переступить*, *преградить* - *перегородить*, нерелевантную для болгарского. С другой стороны, ср. б. *подигравам* (*се*) в сопоставлении с русским *подыгрывать*, где словообразовательные модели расходятся с типизацией действий, в силу чего *подигравам* может образовывать только дизъюнктивные гетерогенные знаки с русскими глаголами *подшучивать*, *издеваться* (*над кем-либо*) и др. (см. фрагмент "принижающие действия"); б. *зарязвам* 'бросить, оставить' (сепарирующее действие) и р. *зарезать* - сов. вид к ликвидирующему *резать*.

Продуктивность словообразовательных моделей в двух языках в целом индифферентна схеме: модели - это механизмы воспроизводства слов по

существующему образцу, для них не так существенна семантическая специфика исходной единицы. Этим отчасти объясняется семиологический дисбаланс типа следующего:

В болгарском подстановка имени орудия или предмета сравнения (р. *приструнить*) в позиции имени действия для модели *при*-['делать'] оказалась возможной в паре *заклещвам*, *приклещвам* (инструмент - *клещи*), что ведет к дизъюнктивным знакам с русскими *защемлять*, *прищемлять*.

В то же время одинаковая для двух языков модель *за*-[ключ]-ать - *за*-[ключ]-вам оказалась в двойственном отношении к схеме блокирующих действий. В русском объектом действия является только У (*заключить под стражу*), в остальных случаях говорят *закрывать на ключ* (дверь), *запереть на замок* (комнату). Болг. *заклучвам* в прямом значении связывается с помещением, в которое не должен проникнуть посторонний (одна цель действия), а в косвенном - с У-ом, который не должен покидать помещения (другая цель действия). В русском элемент *ключ* подвергся десемантизации (ср. *заклучить в объятия* - обнять, *заклучить в скобки*), но благодаря транспозиции исходного значения образовано существительное *заклученный*. В болгарском такая транспозиция невозможна (б. *затворник*) в силу указанной выше специфики.

В итоге на межъязыковом уровне глаголы *заклучать* и *заклучвам*, хотя и отсылают к одному типу действий, не могут образовывать гомогенного знака, что отмечено в переводных словарях. Для перевода используются глаголы-посредники с блокирующим значением:

заклучвам - запиратъ, закрыватъ на ключ

заклучатъ - затварям, задържам (в затвор)

Синтетический характер глагольной номинации в болгарском языке может быть связан с переосмыслением семантики субъектно-объектных отношений в заимствованном из русского глаголе. Так, р. *рассеиватъ* в значении 'отвлекать внимание от неприятных мыслей, развлекать' (корпоративное действие) и б. *разсейвам* 'мешать сосредоточиться, смущать' не могут объединяться в гомогенный знак. Соответственно, эквивалентами болгарского *разсейвам* могут быть либо развернутое сочетание типа *отвлекать от работы, рассеивать внимание*, либо имена других блокирующих действий (*мешать, смущать*).

Семиологический дисбаланс может быть продиктован реальными различиями в вербальном структурировании понятийных полей, если под понятийным полем понимать "противопоставление понятии, ищущее выражения в языке" [Кацнельсон, 1965, с. 77]. Например, если задана модель сравнения "[X] становится плохим как (образец сравнения)", то в языке А образцом становится родовое понятие "зверь", в котором элиминируются все аксиологически нерелевантные признаки и остается признак 'свирепый, кровожадный' (р. *звереть*). В языке В эти признаки могут быть, к тому же, персонализированными: б. *овълчвам се* 'становиться злым/лакомым как волк', *закучвам се* 'упорствовать, упрямиться' < аналогия с хлопотами во время родов собаки, *вмагарявам се* 'становиться упрямым/глупым как осел', *втелявам се* 'притворяться глупым как теленок', *вампириявам* (перен.) 'стать кровопийцей, кровожадным как вампир' и т. д. Семиологический баланс в данном случае поддерживается самой моделью оценки, дисбаланс же проявляется в том, что в болгарском группа "анималистических" глаголов включает *озверявам се* лишь как частный случай номинации по модели и лишь по одному характерному признаку.

Приведем другой пример. Понятие вины в сознании говорящего связывается с поступком, который подлежит осуждению и за которым должно следовать наказание. Глагол *обвиняватъ*, таким образом, обозначает действие,

основными целями которого являются определение авторства деяния и тяжести этого деяния (*обвинять кого и обвинять в чем*). В семантическом плане ему противопоставлены два действия: *<извинять>* как действие, альтернативное наказанию (в этом смысле - близкое к прощению), и *<оправдывать>* как действие, опровергающее исходное. Альтернативность ведет к сближению семантики глаголов *оправдывать, извинять* и к удвоению антонимической связи в тройке слов. Такое же соотношение мы обнаружим и в группе болгарских *обвинявам - извинявам, оправдавам*.

Теперь обратимся к трехчленному ряду существительных: р., *правда - неправда - кривда*, б. *правда - неправда - кривда* [см. сравнительно-историческое исследование Цейтлин, 1988]. В семантическом плане мы имеем лишь соотношение "истина - ложь". Расхождение между аксиологической и вербальной семантикой связано с синестезией оценочных категорий и линейно-пространственных представлений (существительное *неправда* содержит формальный показатель логического противопоставления). В сфере русских глаголов отсутствует формально-логическое "не"-противопоставление: оно выражено косвенно в приставочном глаголе *извинять* и дистрибутивно - в лексеме *оправдывать*. Болгарские же глаголы образуют усложненную перекрестную структуру:

1.	а) <i>обвинявам</i> — <i>извинявам</i>	а) <i>оправдавам</i> — <i>онеоправдавам</i>
	б) <i>окривявам</i> — <i>оправдавам</i>	б) <i>обвинявам</i> — <i>онеовинявам</i>
		в) <i>оправдавам</i> — <i>онеовинявам</i>
		г) <i>окривявам</i> — <i>онеоправдавам</i>
3.	а) <i>окривявам</i> — <i>онеоправдавам</i>	
	б) <i>извинявам</i> — <i>онеовинявам</i>	

Группировка (1) включает антонимы, образующие аналогичную пару в русском (а) и специфическую пару глаголов с синестезированными значениями оценки-кривизны (б); б. *крив* 'виновный' не образует двоичного знака с русским *кривой* 'неискренний'. Группировка (2) включает формальное противоположение слов по общей модели через отрицание (а), пару слов, для которой *не-* не является отрицанием (б) и глагол *о~~не~~о~~прав~~давам* 'поступать несправедливо с кем-

л., обездоливать', который по своему значению мог бы рассматриваться отдельно, но по содержащейся в нем и в глаголе *окривляю* 'несправедливо приписывать вину кому-л.' этической оценке входит в группу (3). Она состоит из слов, которые по вертикали семантически асимметричны, а по горизонтали синонимичны: для (а) по признаку 'несправедливый', для (б) - по признаку 'справедливый'.

Таким образом, структура данного понятийного поля предполагает: 1) релевантность синонимических связей разнокоренных слов (*окривляю* - *обвиняю*); 2) релевантность антонимических связей однокоренных слов (*обвиняю* - *извиняю*); 3) релевантность этической оценки (*окривляю* - *оправдаю*), оценки-кривизны (*окривляю* - *оправдаю*); 4) логическое противопоставление с отрицанием (*обвиняю* - *оправдаю*); 5) нивелирование отрицания в случае комбинации этической оценки и синонимии разнокоренных слов (*оправдаю* - *оправдаю*).

В силу существующих различий между понятийными полями двух языков в межъязыковой модели действий аксиологической девальвации обнаруживаются следующие типы знаков:

$P \rightarrow B$ *обвинять* — *обвиняю* (гомогенный знак)
 обвинять — *окривляю* (гетерогенный знак)

$B \rightarrow P$ *окривляю* — *несправедливо обвинять*
 (дизъюнктивный знак)

оправдаю — или *поступать несправедливо с кем -л.*
 или *обездоливать* (асинхронный знак)

Подведем некоторые итоги. Межъязыковая модель экспансивного действия - это поляризованная вербальная структура, в которой специфические черты языка **A** и языка **B** развертываются в ряды двоичных знаков. С учетом генетического родства языков вводится понятие гомогенного двоичного знака, фиксирующего относительное соответствие форм и отношение однонаправленной импликации типовой семантики действия.

В силу семантического тяготения членов **a** и **b** знака к выражению других

смыслов, в структуре гомогенного двоичного знака наблюдаются диспропорции. Адекватное отображение этих диспропорций на межъязыковом уровне возможно в терминах соположенных гетерогенных (лишенных формальной связи) знаков типа *лгать - клеветя, лъжа - обманывать*. Гетерогенным является также любой другой знак, в котором устанавливаются отношения синхронной связи значений (*казнить - экзекутирам*).

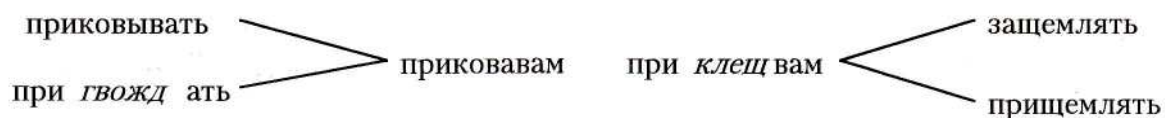
Наряду с этим понятие гетерогенного знака охватывает следующие разновидности связи:

1) Семантические пропорции, устанавливаемые *ad hoc* для многозначных слов в двух языках. Если значения обозначить цифрами, то гетерогенные знаки этого типа представляют конъюнкцию исходного (оценочного) значения элемента **а** с вторичным (оценочным) значением элемента **в** при условии, что элемент **в** в своем исходном значении входит в другой гомогенный или гетерогенный знак, например:

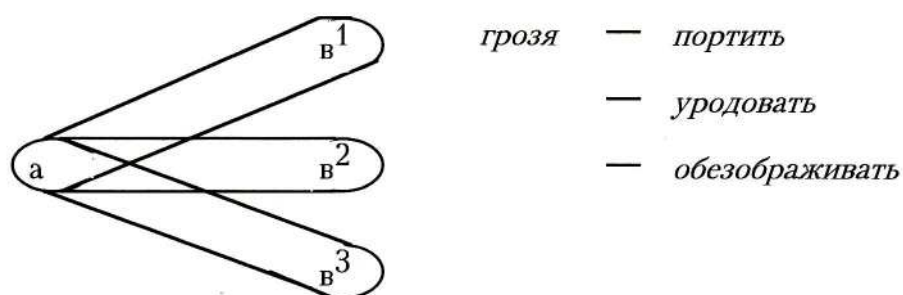
При этом наблюдается скольжение вторичных значений слов в сторону другого фрагмента схемы: для б. *разваляю* от ликвидирующего к действиям аксиологической девальвации (*разваляю си мнението за някого*) и к девальвирующим действиям (*разваляю хляба* 'понижать качество хлеба'). Знак *портить - разваляю* представляет частный случай асинхронных гетерогенных знаков.

2. Семантические пропорции, устанавливаемые на базе единства моделей номинации, с учетом дизъюнктивных вариантов обозначения:

Семантические диспропорции порождаются избирательностью внутреннего компонента слов в одном из языков при одной и той же семантике действия.

3. Семантические пропорции, устанавливаемые с некоторой долей вероятности. Это случаи, когда нельзя определить однозначно соотношение между элементами **а**- и элементами **в**-систем, в силу чего пропорция строится на равновероятностном, паритетном объединении уникального элемента **а** и элементов **в 1**, **в2**, **в3** в ряд соположенных, взаимно исключающих друг друга знаков:

Обратной стороной этой пропорции является нарочитое исключение дифференциальных семантических признаков элементов **в**. Это знаки с односторонней дизъюнктивной связью.

4) Семантические пропорции, устанавливаемые на уровне дескрипций или общих дефиниций действия. Например, дефиниция 'останавливать, удерживать кого-что-л. каким-н. образом' является общей для следующих глаголов: *хватать, ловить, хващам, ловя; удить, арканить, тралить, треножить, впримчвам*. Мы отметили, что для болгарского языка не характерно синкретическое обозначение блокирующего действия и инструмента, в лучшем случае для этого требуется совмещение в имени пространственного и инструментального обозначения (*в-примчвам*). Это продиктовано отсутствием образца. Пропорция возможна лишь в развернутом обозначении, включающем один из глаголов общей группы (*ловя с въдица, хващам на въдицата*).

Нетрудно увидеть, что в общую дефиницию действия входят слова с отвлеченной семантикой (либо оценочной), что позволяет использовать их в качестве посредников на межъязыковом уровне. Гетерогенные знаки типа *удить*

- лоя с въдица, треножить - спъвам с букаи, тралить - лоя с трал; надмятам - побеждать в метании, увълчвам се - становиться свирепым/лакомым/диким как волк представляют собой реализованную на межъязыковом уровне возможность простого и дефинитивного обозначения действия. Поэтому их можно называть **диффузными** двоичными знаками, понимая под диффузией одновременное обозначение события в виде интерпретации и абсолютного знака, которые нельзя расчленивать в сопоставительной модели тезауруса.

Очевидно, полноценная картина взаимоотношений двоичных знаков могла бы быть получена в результате более масштабного исследования языкового материала и, может быть, уточнения некоторых положений. Для нас является существенной попытка рассмотрения межъязыковой модели хотя бы в одной ее части, применительно к одному типу действий. Полученные результаты можно использовать в дальнейшем анализе.

3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЛИКВИДИРУЮЩИХ ДЕЙСТВИЙ

3.1. Общая классификация имен ликвидирующих действий

В общем случае ликвидирующее действие узнается по экзистенциальному результату. Он может быть определен с точки зрения телеологии действия как то, чего добивается X (например, *казнить* - наказание, *победить* - победа). Второе определение будет экзистенциальным: результат это то, что остается от У-а (б. *руинирам* - руины, р. *разваливать* - развалины). Результат можно изобразить в виде динамического процесса (*разрушать* - рушиться, *распадаться*). Можно, далее, дать отрицательное определение результата: 'то, чего объект не может, не в состоянии больше делать' (*аннулировать договор* - договор не в силе, *ломать машину* - машина не действует). Наконец, можно дать чисто номинативное определение: результат - это то, к чему нельзя применить прежнего названия, или то, что нужно назвать другим именем (*убить* - труп, мертвое тело).

Результат объективно присущ способу действия, его можно предусмотреть. Но не всегда и не все признаки способа действия являются одинаково актуальными для говорящего. Механизм актуализации этих признаков не является параллельным производством слов, он всегда действует с опережением и остается в резерве номинации. Если бы это было не так, то каждый глагол включал бы в обязательном порядке обозначение способа действия (ср. глаголы *мертвить*, *морить*, *губить*, *гноить* и др.).

И все-таки необходимо знать типичные признаки действия, которое, будучи направленным на объект и интенсивным свыше меры, ведет к его ликвидации. В своей совокупности эти признаки характеризуют простые действия, для выполнения которых не требуется наличия специальных средств:

а) удар, толчок	<ударять>
б) растяжение	<растягивать>
в) нажатие	<нажимать>
г) проникновение	<проникать>
д) тряска	<трясти>

Глаголы: р. *бить*, *душить*, *колоть*, *рвать*, *вонзить*, *воткнуть*, *всадить*, *тыкать*, *пороть*, *рубить*, *давить*, *драть*, *топтать*, *резать*, *стрелять*, *сечь*, *стучать*, *хлопать*, *пронзать*, *пронизывать*, *разить*, *колотить*, *мять*, *трепать*, *членить*, *вешать*, *ломать* и др.; б. *беся*, *бия*, *душа*, *коля*, *късам*, *муша*, *бучкам*, *сека*, *газя*, *мачкам*, *смазvam*, *стискаm*, *режа*, *разединяvam*, *нищя*, *разпъvam*, *чопля*, *цепя*, *разчекvam*, *ръгам*, *чуня*, *троша*, *удавам* (душа), *удрям*, *тупам*, *трепя*, *шибам* и др.

Далее, можно указать типические ситуации, в которых прослеживается внутренняя логика конфликта: война, охота, противоборство, противостояние во всех иных формах, казнь по решению суда, жертвоприношения, удовлетворение консумативных потребностей X-а (в том числе аномальных) и т.д. Нетипичными считаются стихийные бедствия, несчастные случаи, аварии и т.д. Экспансивные ликвидирующие действия образуют ситуации первого типа.

Вторая особенность экспансивных ликвидирующих действий состоит в том, что они направлены на изменение эссенциальных качеств объекта, независимо от точки приложения усилий X-а. Мы перечислили эти качества во второй части исследования. Семантика ликвидирующего действия связана с их трансформацией в противоположные.

Эссенциальные качества объекта не участвуют в простой лексической номинации: в вербальной семантике действия на них наложен запрет в силу контрадикторности смысла. Эксплицитное указание на них привело бы к тавтологиям, подобным **яблоку ветки*, **носу лица*, **вишне дерева*, о которых мы говорили в первой части исследования. Эссенциальные качества объекта являются таким "семантическим партитивом", который не может присоединяться эксплицитно к имени результата действия (вспомним номинативное определение результата). Нет формального запрета на образование глаголов **обезживить*, **обезжизнить* (при антонимичном *обессмертить* - *обезсмертываю*), но есть блокирующий механизм подязыка, где результат соотнесен напрямую с исходным признаком объекта.

Отсюда вытекает особенность ликвидирующих имен, а именно - трансформативный характер значения и его тезаурусная мотивированность. Эпилоговые номинации ликвидирующих действий являются трансформативами эссенциальных признаков объекта. Это понятие можно поставить в основу классификации имен: в соответствии с ним глаголы делятся на проспективные и эпилоговые. Первые, как мы отметили, специализированы в обозначении семантики средства - способа действия (*резать, колоть, рвать, мять; режа, сека, муша, кьсам* и др.). Семантика результата приписывается им опосредованно в зависимости от того, кто или что является объектом действия и в какой ситуации (типической или нет) производится действие. В силу того, что они включают в себя прежде всего признаки элементарных воздействий (удар, нажатие, растяжение, проникновение и т.д.), которые вообще нейтральны, ликвидирующее значение как правило вторично, наслаивается на

эти признаки и вместе с ними образует семантику способа – результата. На этом основании глаголы подобного типа относят к каузативам, выражающим каузирующее явление [Динева, 1985, с. 146 - 147].

Движение от первой группы ко второй охватывает не все перспективные номинации, для этого должна быть совершена дополнительная процедура вторичного означивания, включающего симулятивно результат действия. Толкование этих вторичных значений включает в обязательном порядке эпилоговый глагол:

резать - *убивать* острым орудием

колоть - *убивать* чем-н. острым

Мы пока не касаемся морфологических средств и способов перевода исходного слова в разряд производных эпилоговых номинации.

Дальнейшая дифференциация слов в обеих группах строится с учетом элементарных признаков способа-средства воздействия и экзистенциальных признаков результата (для эпилоговых номинации).

Наблюдения над значениями слов в русском и болгарском языках позволяют поставить еще ряд вопросов: 1) вопрос об объекте ликвидирующего действия; 2) вопрос о роли оценки в номинации действия; 3) вопрос о "призматичности" номинации, или о том, форма какого понятия приспособлена для глагольного обозначения результата действия.

Общее имя объекта ликвидирующего действия - пациенс. Если он живое существо, то его родовым названием будет существительное *жертва* (учитывается комплекс сострадания, сопровождающий оценку экспансии). Во всех остальных случаях он является предметом, положением дел. Из предметов выделяются артефакты, ценность которых пропорциональна усилиям, приложенным для их изготовления. Остальные предметы обладают ценностью, пропорциональной консумативным потребностям говорящих. Положение вещей в социальной сфере может служить источником неудовлетворенности и желания корректировать те или иные процессы в пользу X-а. Таким образом,

можно выделить сложные действия, ликвидирующие не отдельный предмет, а целое положение вещей, в том числе и в идеальной сфере (см. глаголы *отменить, аннулировать, отчислить, уволить* и др.).

Такова, в частности, смена властей, сопровождаемая насилием, другие ситуации, в которых У по некоторым критериям оценивается как "враг, противник, соперник", которого нужно либо *победить*, либо *уничтожить*, либо *устранить*. Уже этик соображений достаточно, чтобы показать многомерность объекта ликвидации, а отсюда - трудности при установлении твердого перечня имен с ликвидативной семантикой.

Оценка ликвидирующего действия отражает позицию У-а (в данном случае он не совпадает с объектом, а выступает в роли судьи): неприятие любой экспансии, в том числе и той, которая направлена на изменение эссенциальных свойств объекта. Оценка не абсолютна, но служит ориентиром в приближении к идеализированной модели мира, построенной на признании устойчивых норм [см. Арутюнова, 1988, с. 58 - 59]. Оценка ликвидирующего действия базируется на противопоставлении ценности объекта и объективной направленности действия, выражает антагонизм первого и второго. Она квалифицирует действия как "из ряда вон выходящие" и с этой точки зрения является невысказанной претензией. Ее главным аргументом является У, лишенный эссенциальных качеств: ликвидирующее действие убыточно - оно отнимает у объекта перспективу.

Оценка, точнее стереотип оценки [см. Вольф, 1985, с. 56 - 61], лежит в основе образа врага, соперника. В принципе всякое ликвидирующее действие предваряется девальвацией объекта. Таким же образом на основании оценки в корпус имен вводится группа глаголов, обозначающих типические ситуации противоборства, противостояния. Происходит подмена эссенциальных качеств объекта теми качествами, которые создают образ врага. Соответственно, срабатывает стереотип вертикального видения ситуации - целью является не столько уничтожение соперника, сколько желание "положить его на лопатки" и

оказаться над ним. Это сказывается на выборе слов: *повергнуть, низложить, низвергнуть, преодолеть*, в привлечении "внештатных" средств номинации типа *уложить, косить, сбить* и т.д. В болгарском существует целая парадигма префиксальных глаголов с ведущим формальным признаком "оказаться выше кого-л.", над кем-л.: *надвивам, надмогвам, надделявам, надмятам, надстрелвам* и т. д. Все эти факты свидетельствуют о том, что оценка может вносить существенные поправки в формально-логическое определение ликвидации.

С последней констатацией связан вопрос о призматичности номинации. Речь идет о количественном исчислении понятии, которые могли бы стать опорой для глагольного обозначения результата в двух языках. В этих понятиях подведен итог номинации, поэтому их можно определить как концептуальные контуры действия, рассматриваемого в сфере У-а. Другими словами, можно говорить о варьирующем концептуальном отражении результатов экспансии и о том, каков конечный пункт действия в пределах концепта. Мы даем более подробную картину экзистенциального результата, о котором говорили во второй части исследования.

1. **"Ноль (nulla);** ничто, ничего не значащий". Глаголы: р. *аннулировать, уничтожить*; б. *анулирам, унищожавам*, а также соотносимые с ними дескрипции *превратить в "ничто", правя на "нищо"*). Объект (предмет, живое существо или ситуация) в признаках данного концепта соотносится с экзистенциальным определением результата: уничтожение - это действие, в результате которого от объекта не остается никаких материальных следов.

2. **"Конец"**. Глаголы: р. *кончить, прикончить, покончить (с), закрыть, прекратить*; б. *довършивам, закривам, прекратявам* (а также дескрипции *положить конец чему-л., слагам край на нещо*). Объект соотносится с телеологическим определением результата как "то, чего добивается X", или: отнять перспективу развития, продолжения чего-л.

3. **"Исчезновение"**. Исчезнувшим (либо отсутствующим) является объект, который выпадает из поля зрения и сферы действия говорящего.

Глаголы: р. *губить, извести, убрать, исключить, снести* б. *погубвам, затривам, изключвам, премахвам, отстранявам*. Объект соотносится с телеологическим определением результата: совершить какое-то действие в рамках этого концепта значит сделать так, чтобы объекта больше не было видно (соответственно, чтобы не мешал X-у).

4. **"Смерть, небытие"**. Глаголы: р. *убивать, морить, мертвить, истреблять*; б. *убивам, моря, умъртвявам, изтребвам* (а также дескрипции *делать мертвым, причинять смерть, (бить) до смерти; правя мъртъв, причинявам смърт, (бия) до смърт*). Объект соотносится с динамическим определением результата (то, что происходит с У-ом - *умирать, мертветь*). Глаголы этой группы являются трансформативами экзистенциальных признаков "живой", "быть, существовать".

5. **"Преимущество силы"**. Глаголы: р. *победить, одолеть, осилить, пересилить, превозмочь*; б. *победа, преодоля, надделя, надмогна, превъзмогна* (а также дескрипции *добиться победы, одержать победу; печеля победа*). Объект номинации соотносится с телеологическим определением результата: *победить* - добиться преимущества своей силы в противоборстве с кем-чем-л. Глаголы являются трансформативами стереотипного признака "враг, соперник".

6.. **"Пустота"**. Глаголы: р. *опустошать, разорять*; б. *опустошавам, разорявам* (и перифразы *делать пустым, лишенным полноты содержания; правя пуст, карам да опустее*). Объекты соотносятся с экзистенциальным определением результата: *опустошать* - не оставить в объекте ничего ценного, существенного.

7) **"Обрыв, срыв, падение"**. Глаголы: р. *ломать, разваливать, рушить, разрушать, искоренять, исторгнуть, низвергать, валить* и др.; б. *чупя, развалям, руша, разрушавам, изкоренявам, провалям, изтръгвам* и др. Имена действий связаны с вертикальным видением ситуации (исходный признак визуальный - "стоять, держаться"). Объекты соотносятся с динамическим

определением результата - то, что происходит с объектом.

8) "**Остатки**", "**пух и прах**". Глаголы: р. *крошить, крушить, громить, испепелять, разлагать*; б. *троша, съкрушавам, разгромявам, испепелявам, разтурвам, съсипвам, разпердушинвам* и т.д. Объекты соотнесены с экзистенциальным определением результата: это действия превращения объекта в мелкие, пространственно удаленные частицы, в бесформенную массу.

Можно предположить, что перечисленные выше способы "видения" результата наиболее существенны для русского и болгарского языков. В основной массе мы обнаруживаем гомогенные двоичные знаки, различия же затрагивают не принцип, а средства обозначения. Мы также далеки от мысли о том, что концептуальные грани результата предъявляют жесткие требования к говорящему. Наоборот, они допускают возможность перехода от одного концепта к другому, что позволяет говорить о полисемичности результата, ср.: [враг] *убит, уничтожен, повержен, стерт с лица земли, побежден, разгромлен, разбит в пух и прах* и т. д. Предпочтение к объекту (*убить* - к живому, *разрушить* - к большому, неживому, *низвергнуть* - к режиму власти, *победить* - к сопротивляющемуся, *снести* - к стоящему и т. д.) не препятствует глаголам "набирать очки" в смежных сферах результата. Это обнаруживается и в синонимических толкованиях значений, особенно косвенных.

Итак, в группе эпилоговых номинации наблюдается внутреннее распределение имен в зависимости от концептуальных граней результата. В группе перспективных номинаций единство сохраняется благодаря тезаурусным импликациям значений. В эти импликации входит обязательная ссылка на типическую ситуацию, типические объекты и средства ликвидации. Вне импликаций значения глаголов *рубить, давить, колоть, резать* (б. *режа, муша, сека, късам*) и др. нейтральны.

В особую группу выделяются перспективные номинации, образованные от имени орудия ликвидации: р. *бомбить, бомбардировать, торпедировать, минировать, таранить*; б. *бомбардирам, минирам, удрям с таран, торпилирам*

и др. Очевидно, толкования типа 'сбрасывать бомбы', 'закладывать мины' возможны на базе импликации основного действия <разрушать> и являются денотативной интерпретацией значений.

3.2. Двоичные знаки ликвидирующих действий

Проблема полисемии, над которой ломают шпаги поколения лингвистов, имеет, по крайней мере, один косвенный результат. Она в несколько иных терминах подкрепляет тезис о формальности языкового значения, о соотносительности разных значений с единым смыслом. "Формальность лексического и грамматического значения - это формальность по отношению к смысловому (мыслительному, когнитивному, "глубинному") содержанию - формальность, заключающаяся в его специфически языковой структурной организации и связи со средствами формального выражения" [Бондарко, 1992, с. 10]. Назвав этот смысл "общим значением" (например, значение ликвидации объекта), мы тем не менее не можем устанавливать его только в глаголе *ликвидировать*. Просто это слово информативно и терминологически удобно. Исследование информативности языковых единиц, образующих вербальную картину данного фрагмента тезауруса, существенно отличается от исследования информативности тех же единиц в специфических контекстах [об этом см. Гальперин, 1974], поскольку речь идет о вертикальных связях слов с подъязыком.

Исключив "общее значение" из семантики слова в силу формальности его собственных значений, мы вынуждены приравнивать слова к связанному с типом действия смыслу, т. е. объявить их в совокупности тезаурусными синонимами. Причем в одних случаях отношение семантической связи будет устанавливаться между прямыми значениями слов, а в других - между прямыми и косвенными значениями. "Различия между первичной и вторичными семантическими функциями слова и их определение, без сомнения, важно для практической работы лексиколога. Но еще важнее **внутренняя связь** (подчеркивание наше - Я.П.), существующая между многозначностью

(полисемией) слова и его синонимами" [Курилович, 1962, с. 247].

Развивая цитированную мысль Е. Куриловича, мы могли бы сказать, что значения проспективных глаголов в номинациях типа *рубить врага, сечь мечом, колоть штыком, давить кого-л. танками, пронзить сердце, бить рыбу, стрелять уток* и т. д. находятся в том же отношении со значениями эпилоговых номинации, что и двоичные гетерогенные знаки в межъязыковой модели тезауруса. Речь идет о той же внутренней связи, что обнаруживается на уровне тезауруса, и о тех же диспропорциях, которые выявляются в глобальной структуре двоичных знаков. Эпилоговые двоичные знаки "реминисцентны", они требуют возврата к событию; проспективные номинации "результативны", поскольку результат предопределен способом воздействия на объект.

Отношения между элементами двоичного знака ликвидирующего действия, а также между двоичными знаками действия, характеризуются чертой, которую назовем взаимной предрасположенностью к обозначению семантики действия. Поэтому с точки зрения общего анализа представляют интерес диспропорции, выявляющие отношение элементов **а** и **в** к сфере результата (двоичные знаки группы "А"), к сфере действия X-а (двоичные знаки группы "В"), а также условия перехода от проспективных к эпиловым значениям в двух языках. Мы ограничимся рассмотрением двоичных знаков результата.

3.2.1. Двоичные знаки группы "А"

В предыдущем изложении мы назвали эти предикаты именами экзистенциального результата действия. По идее группа двоичных знаков не должна включать слова с семантикой, "намекающей" на способ- средство воздействия, либо эти намеки должны носить характер этимологической рефлексии.

Однако рефлексивный характер значений нами уже учитывался при определении концептуальных граней результата. С другой стороны, в речи широко употребляются уточнительные конструкции, образованные из

имени результата и медиатива: р. *уничтожить ракетой, убить из огнестрельного оружия, морить голодом, извести с помощью отравы, побеждать не числом, а умением, опустошать огнем*; б. *уничтожавам с ракета, убивам с хладно оръжие, премахвам с отрова, развалям с удар* и т. д., что сокращает дистанцию между знаками двух групп.

Наконец, мы не можем пренебречь тем обстоятельством, что номинация результата в большинстве случаев опирается на уподобление, аналогизацию различных процессов и действий, на "совмещенное видение двух картин" [Гак, 1977, с. 110]. Семантика результата может быть выражена именем образа действия: *Мальчик съел все яблоки* (- уничтожил); *Кислота ест посуду* (- нарушает целостность) [примеры взяты из: Гак, 1976, с. 78].

Мы будем исходить из того, что в эпилоговых номинациях отсутствуют признаки элементарных воздействий. Вернее, они не существенны и являются в виде возможных импликаций. В этом, например, состоит различие между глаголами *выдергивать* (- тянуть, признак "растяжение") и *искоренять* (- вытаскивать вместе с корнем, целиком): *искоренить* - 'окончательно уничтожить, устранить' (СО).

Конечной целью этого краткого рассмотрения двоичных знаков экзистенциального результата является их "словарь", сводная таблица, в которой должны найти отражение в общих чертах принципы межъязыковой модели. В настоящем исследовании представлен фрагмент такой таблицы.

Сводная таблица эпилоговых глаголов устанавливает следующие признаки: а) тип действия - только ликвидирующие; соответственно, выпадают значения, нейтральные для схемы, либо отмечены, но без индекса результата; б) двоичный знак - пара значений (глаголов), образующих пропорцию в отношении схемы; в) тип знака - отношение между

элементами а и в с точки зрения формы и соотношения с другими двоичными знаками; г) соположенные знаки - отражение диспропорций в структуре двоичных знаков либо дизъюнктивных связей членов а и в; д) индекс концептуального варианта результата (отдельно для а. и в).

Не учитываются следующие особенности. 1. Производные глаголы с неликвидирующим значением (*нарушить связь, нарушить сон; нарушавам спокойствието, тишината*) . 2. Отсылки к другим типам действий (б. *развалям хляба*; р. *выбить, подбить* в отличие от *разбить* - имена деформирующих действий). 3) Различия в словарных толкованиях русских и болгарских глаголов, ср.: *изкоренявам* - 'изскубвам, изваждам с корена; изстребвам' (БТР), *искореняють* - 'окончательно уничтожить, устранить' (СО). 4) Общие свойства некоторых глаголов соотноситься с существительными *pluralia tantum*: *рунирам* - *руини*; *разваливать* - *развалины*. Эти глаголы могут образовывать асинхронный знак, синхронной же будет связь *разваливать* - *развалям*, *разрушать* - *рунирам*. 5) Некоторые предпочтения к порядку установления эквивалентов в переводных словарях. Так, РБР дает следующий перевод р. *развалить*: 1. да разруша (1), да разваля (2); да разтуря (3). В таблице на первом месте стоит слово, образующее гомогенный знак, т. е. *развалить* - *разваля*.

Приходится учитывать случаи омонимии вследствие исторического расхождения функций исходной словоформы в двух языках, например, в паре *свалить* - *сваля*: наблюдается движение болгарского *свалям* в сторону двоичного знака *снимать* - *снемам*. Ассоциативные связи между первыми и вторыми поддерживаются общим характером "движения сверху вниз". Но р. *свалить* и б. *снема* не входят в двоичный знак: первое действие хаотично, второе упорядочено. И все же б. *свалям* продолжает сохранять историческую инерцию первоначального обозначения. В некоторых случаях

он способен замещать приставочный глагол *поваля* и на базе этой вторичной функции образовывать двоичный знак с глаголом совершенного вида *повалить*: [След кратко боричкане] *той го свали на земята - ... он повалил его на землю*. Правда, это не связывается с ликвидацией объекта. Косвенным результатом исторического расхождения функций исходной словоформы *валить* является возникновение двух самостоятельных рядов видовой оппозиции в двух языках, по-разному соотносящихся со способом глагольного действия. Теперь обратимся к принципам включения слов в сводную таблицу

1, Гомогенные знаки. Пример: *рушить - руша* (в таблице - графы "А" и "В"). Указывают на результат: ликвидацию естественных объектов и артефактов немалой величины, которые характеризуются эссенциальным признаком "целый, здоровый" и визуальным признаком "стоять, держаться". Действие X-а каузативно: (X) каузировать У (*рушиться, распадаться*). Тип знака гомогенный. В косвенных значениях элементы знака употребляются для усиления прагматического эффекта, например, в сообщениях о нематериальных объектах: *рушить обычаи, рушить планы; руша традициите, надеждите* и т. д. Указание на соположенные знаки избыточно, семантических диспропорций нет. Соответственно, графа "Соположенные знаки" пуста. Индекс гомогенного знака одинаков для обоих элементов - "обрыв, падение" (графа "Индекс результата").

Развалить - разваля. Глаголы образуют гомогенный знак в первичных значениях. Указывают на результат: ликвидацию артефактов немалой величины и на разброс частей в большом периметре в виде бесформенной кучи. Индекс результата тот же, что и в предыдущем знаке. В косвенных употреблениях элементы **а** и **в** расходятся в силу преобладания оценок разного характера: оценки причины (*развалям сватбата*), оценки состояния

(*разваливать хозяйство*), оценки перспективы (*развалям работата*), сенсорно-вкусовой (*развалям хляба*) и т.д. Собственно, на этом внутреннее (для данного типа действий) сопоставление слов заканчивается и начинается изучение "удельного веса" каждого из них в системе родного языка. Для экспликации последнего процедура может быть только однонаправленной: подбор эквивалентов для **а**, затем для **в**. Хотя это выходит за пределы фрагмента схемы, указанные семантические диспропорции должны найти отражение в сводной таблице, если не для обоих, то хотя бы для элемента **а**. И если не во всей полноте (таблица для этого непригодна), то хотя бы в одном соположенном двоичном знаке.

Мы обнаруживаем, что р. *разваливать* 'приводить в упадок' входит в свободную дизъюнктивную связь с группой болгарских глаголов: *разсипвам*, *съсипвам*, *опропастявам* и т.д., причем та же констатация относится к ним. Это случай двунаправленной дизъюнктивной связи. В итоге в сводной таблице устанавливается следующий порядок:

А	В	Тип знака	Соположенные знаки	Индекс А	Индекс В
<i>разваливать</i> ¹	<i>развалям</i>	гомог.	или: <i>портить</i> (Б) <i>повреждать</i>	"падение"	"падение" “
<i>разваливать</i> ²	<i>разтурям</i> <i>съсипвам</i> <i>опропастявам</i> (P↔B)	дизъюнкт.	или: <i>разорять</i> (Б) <i>разваливать</i> <i>разрушать</i>	"падение"	"остатки" “

Индексы А и В даются только для элементов двоичного знака. "Соположенные знаки" представляют собой изъяснительную часть таблицы: то

, что не входит в А - В, но входит в А - С, В - С и т.д. В дальнейшем мы отказываемся от нумерации значений А, заменяя их простым повтором слова. Определение типа знака обращено влево. С правой стороны таблица читается так: "Б (*развалям*) в непрямых значениях образует гетерогенный знак с р. *портить (развалям детето - портить ребенка)* и асинхронный знак с р. *повреждать (да разваля часовника - повредит часы)*". Асинхронный характер последнего определяется тем, что он дублирует гомогенный знак *повреждать - повреждам*.

2. Гетерогенные синхронные знаки. Пример: *кончить (с) - свършиа (с)*. Указывают на результат: ликвидацию событийных объектов, существование которых затянулось во времени. Типичный пример: *Пора кончить с этим делом, Време е да свършим с тази работа*. Тип знака синхронный. Регулярная связь поддерживается в сфере абстрактных существительных *конец - край, свършек* (во временном значении). Действие X-а терминативно: *положить конец чему-л, да сложа край на нещо*. Диспропорции: р. *кончить кого-л.* в функции заместителя глаголов *убить, уничтожить*, т. е. в применении к несобытийным живым объектам. Этот переход является стилистическим экспериментом. Переименование исходной ситуации, как и в других случаях, осуществляется на основе семантико-ассоциативных связей отраженного понятия и введенного признака [см. Азнаурова, 1977, с. 95].

Болг. *свършивам* образует с именами живых существ только субъектную связь: *Ще свърши тази нощ - Умрет к нощи* (ср. **Он кончит ночью*). И все же наблюдается сдвиг в сторону выражения модальности необходимости, подобно русскому *покончить с кем-л.* 'освободиться от кого-чего-л.', что сопровождается импликацией летального исхода объекта: предложное *да свършиа с предателя* (- да убия). Подобным образом устанавливаются отношения между р. *прикончить* 'умертвить, добить' (СО) и б. *довършиа* 'прекратить существование чего-л., погубить' (БТР).

В ряд соположенных нейтральных двоичных знаков входит также б. *приключвам*: он образует дизъюнктивные нейтральные знаки с русскими *кончатъ, завершатъ (ся)*. Указание на них в сводной таблице факультативно.

Мы видим, что отношение гетерогенного знака к схеме не однозначно. Понятие экспансии лишь частично связано с понятием "довести до конца". Причина в том, что под эту абстракцию можно подвести как типические, так и нейтральные ситуации, как событийные объекты, так и единичные предметы. О ликвидации чаще всего можно говорить тогда, когда экспансивное действие входит в целевые координаты конца и в оценочные координаты возмездия (ср. *рассчитаться, расквитаться, отомстить*) либо освобождения (*освободиться, избавиться от чего-н. нежеланного*). Референциальная сфера гетерогенного знака размыта в силу того, что к абстрактному значению добавляется оценка. Поэтому в графах таблицы, указывающих на индекс результата, мы запишем совмещение двух вариантов результата в следующем виде:

А	В	Тип	Сополож-е Знаки	Индекс А	Индекс В
<i>кончить (с)</i> <i>кончить</i>	<i>свършиа (с)</i> <i>приключа</i> (Р ↔ Б)	синхр. дизъюнкт	или (Б) <i>завершить(ся)</i>	"конец"	"конец"
<i>кончить</i> (кого)	<i>пречукам</i> (Р ↔ Б)	дизъюнкт	или: (Б) <i>прихлопнуть</i>	(смерть как) "конец"	"смерть"
<i>прикончить</i> (кого)	<i>довършиа</i>	синхр.		(смерть как) "конец"	(смерть как) "конец"
<i>покончить</i> (с, кем)	<i>свършиа (с)</i>	синхр.		(смерть как) "конец"	(смерть как) "конец"

3. Гетерогенные асинхронные знаки. Пример: *сорвать - проваля*. Мы отметили, что определение асинхронного знака базируется на принципе многозначности слова. Это понятие выражает перекрестные связи по меньшей мере трех слов, два из которых связаны синхронной связью значений при наличии гетерогенных форм. Или:

провалить — *проваля*

сорвать — *откъсна*

1.	1.	1.	1.
2.	2.	2.	2.

Асинхронный знак совмещает конъюнкцию значений с дизъюнкцией формальных носителей при условии некоторого гомогенного знака, выпадающего из данного соотношения. В данном случае знак *сорвать* - *проваля* совмещает конъюнкцию значений (2) при условии двух знаков: гомогенного *провалить* - *проваля* и синхронного *сорвать* - *откъсна*, ср.: *сорвать занятия* - *проваля занятията*, *провалить крышу* - *проваля покрива*, *сорвать яблоко* - *откъсна ябълката*. Указанное соотношение представлено в таблице так:

А	В	Тип знака	Сополож-е знаки	Индекс А	Индекс В
<i>сорвать</i>	<i>проваля</i> (P→B)	асинхр.	(P) <i>откъсна</i> (B) <i>провалить</i>	"обрыв"	"падение"

4. Дизъюнктивные знаки. Примеры:

- а) $P \rightarrow B$ *разить* - *удрям*, *бия*;
- б) $B \rightarrow P$ *разнебитвам* - *уничтожатъ*, *разрушатъ*, *разбиватъ*, *разорятъ*;
- в) $P \leftrightarrow B$ *осилить* - *надвия*;
- г) $P \leftarrow B$ *отстранить* - *премахна*; *разорять* - *съсипвам*.

Понятие дизъюнктивного знака базируется на отсутствии строгих и однозначных семантических соответствий в силу формально-семантической уникальности одного из элементов знака. Соотношение между такими словами как в плане семантической эквивалентности, так и в аспекте перевода непарное. В своей массе дизъюнктивные знаки ликвидирующих действий представляют собой результат обособления семантических групп слов в обоих языках, причем исторически общие корневые элементы оказались подчиненными

специфическим закономерностям формирования лексического состава, его стилистической дифференциации и "старения" слов (ср. хотя бы ряд глаголов р. *отстранить, устранить, отвергнуть, отринуть, одолеть*; б. *оборвам, надмогвам, премахвам, разсипвам, съсипвам, затривам, надделявам, пребивам, опропастявам, утрепвам* и др.)

Русскому *одолевать* регулярно соответствие б. *надвивам, надделявам, надмогвам*. *Одолеть* в значении 'целиком охватить - о каком-н. состоянии' стыкуется с болгарским *обзема ме* (чувство на страх), которое по признаку синхронности ближе к р. *охватить*. С другой стороны, б. *пребивам* и р. разг. *перебить* (многих) различаются не только способом глагольного действия (интенсивный - распределительный), но также невозможностью для первого обозначать деформирующие действия (ср. *перебить ногу - счупвам (си) крака*), а также повторные действия (ср. *перебить мебель - сменям тапицерията на мебелите*). Русскому *отстранять* (букв. *от-[-вести, отодвинуть] в сторону*), кроме гомогенного *отстранявам*, на паритетном положении подходят болг. *отмествам, премахвам*, а в некоторых случаях, например, *отстранить от себя все заботы* - более адекватно сочетание *оставям настрана всички грижи*. Если бы мы захотели установить отношение обратной эквивалентности, то круг бы расширился: *премахвам = уничтожать, устранять, удалять; отмествам = отодвигать, убирать* и т. п.

Разнебитвам - *уничтожать, разрушать, разбивать, разорять*. Отношение дизъюнкции однонаправленное: от болгарского к русскому. Значение глагола включает утилитарную оценку состояния объекта, подвергнувшегося воздействию со стороны агрессивного субъекта (среды). *Бомбардировките бяха разнебитили много къщи - Во время бомбежек многие дома были уничтожены*. Стандартная оценка - "не го бива" (не годится), "няма да го бъде" (ничего из этого не получится). Индексом этого имени является вариант "небытие". Индексы русских эквивалентов - "ничто", "падение",

"пустота".

Осилить - *надвия*. Компонент "сила, усилие" может либо входить в эксплицитную структуру знака (*насиловать, силиться, усилие*), либо же существовать как потенциальная величина (слова *трудный, легкий, давление, тормозить, сдерживать*). Изучение лексики силы не входит в специальные задачи нашего исследования [см. Щеглов, 1964]. Однако очевидно, что для достижения результата любое эффективное действие включает в себя эту физическую величину. Поэтому целесообразно определить понятие силы применительно к действиям данного типа. Сила в ситуациях противостояния (реальных или воображаемых) ориентирована по вертикали. Соответственно, либо объект действия должен быть расположен где-то "внизу", либо субъект в результате действия должен оказаться "наверху".

Рассматривая дизъюнктивные знаки с индексом "преимущество силы", мы пришли к выводу, что при отображении единого концепта в двух языках имеют место различные его интерпретации. Это предполагает формальный характер обеих. Единственным смыслом всех наименований является "установление преимущества собственной силы над объектом, чьи признаки оцениваются как иная сила, противник". Оценка объекта как "силы" способна поглотить любой материальный и идеальный объект, независимо от его эссенциальных свойств. Различия в интерпретациях заключаются в том, что компонент "иная сила" для болгарских глаголов имплицитен, это компенсируется "над-" глаголами: *надделявам, надмогвам, надвивам*, т. е. односторонне дизъюнктивными знаками. В русском языке роль опорных выполняют глаголы *пересилить, осилить*, к ним уже пристраиваются остальные глаголы. Поэтому дизъюнктивные отношения наиболее ярко выражены в этих двух рядах имен. Любое слово из первого ряда входит в свободные отношения эквивалентности с любым словом из второго ряда. В сводной таблице эти отношения фиксируются только для одного слова (затем

см. "соположенные знаки").

Сказанное выше не следует понимать как попытку установить абсолютные различия. Не являются дизъюнктивными различия между глаголами *побороть* и *оборвам* (несмотря на одновидовую специфику первого), *одолеть* и *преодолея*. зато абсолютно омонимичным является отношение русского *пересилить* и болгарского *пресилвам* 'заставлять кого-л. работать свыше сил'.

Наиболее близким к индексу "преимущество силы", на наш взгляд, является гомогенный знак *победить* - *победа*. Как бы ни толковалось его значение в двух языках, он выражает успех, удовлетворительную оценку результата, которая не всегда связывается с поражением кого-либо.

"Иная сила" возникает в результате реального противопоставления. Связь последнего с частными оценками "трудный", "нежелательный" приводит к воображаемым ситуациям. Они являются репродукциями с реальных ситуаций. Первые и вторые образуют четыре группы.

1. Силы, которые взаимно выталкивают друг друга: противоположные действия, субъекты которых входят в соприкосновение (война, конфликты, связанные с насилием). Их реальным аналогом являются имитативные игровые действия (спорт).

2. Силы, которые прилагаются параллельно для достижения одинаковых результатов (конкуренция); цель - сделать быстрее, лучше соперника. Их реальным аналогом являются имитативные игровые действия (спорт).

3. Сила, направленная на пассивный объект (восхождение к вершинам, переход через пустыню, познание объекта). Ситуация "иной силы" воображаемая: X прилагает большие усилия, что делает объект "трудным", "тяжелым", кое-где видятся "препятствия", которые приходится *преодолевать*.

4. Внешние обстоятельства, а также внутренние состояния (страх, неуверенность, боль, болезни) как "иная сила", которую приходится

превозмогать.

Соответственно этим четырем типам ситуаций меняется содержание знака *побеждать - побеждавам*: 1. *победить* - нанести поражение; 2. *победить* - выиграть, достичь первым; 3. *победить* - пройти до конца намеченный путь; 4. *победить* - освободиться от какого-либо тормозящего состояния. В этом состоит концептуальная полнота "преимущества силы". При желании можно было бы попытаться установить распределение прямых и косвенных функций соответствующих глаголов в зависимости от ориентации на типы действий. Так, б. *надделявам*, в отличие от р. *осилить, одолеть*, не может обозначать ситуации типа (3). Глаголы *надмятам, надскачам, надвиквам* и т. п. прикованы к ситуациям (2), точнее, к игровым аналогам. Для тех же русских *осилить, одолеть* функция обозначения ситуаций (2, 3, 4) является вторичной.

Отстранить - премахна: знак с односторонней дизъюнктивной связью. В сводной таблице порядок дизъюнкции определяется элементом графы "А". Выражение дизъюнкции болгарского *премахна* производится один раз на фоне гомогенного *отстранить - отстраня*, а второй раз - в графе "соположенные знаки:"

А	В	Тип	Сопол-е знаки	Индекс А	Индекс В
<i>отстранять</i>	<i>отстранявам</i>	гомог.	(Б) <i>отодвигать</i>	"исчезн-е"	"исчезн-е"
<i>отстранять</i>	<i>премахвам</i> (Р←Б)	дизъюнкт.	или: <i>уничтожить</i> (Б) <i>устранять</i> <i>удалять</i>	"исчезн-е"	"исчезн-е"

Нам остается только представить фрагмент сводной таблицы двоичных знаков, обозначающих результат ликвидирующего действия, пропущенный сквозь призму того или иного концепта.

Сводная таблица имен ликвидирующих действий группы "А"

А	В	Тип знака	Соположенные знаки	Индекс А	Индекс В
аннулировать	анулирам	гомог.	(Б) расторгать (Р) развалям	"ничто"	"ничто"
валить валить валить (животное)	поволяям трупам нахвърлям стovarвам ($P \leftrightarrow B$) убивам ($P \rightarrow B$)	гомог. дизъюнкт. дизъюнкт.		"падение" (смерть как) "падение"	"падение" "смерть"
гробить	разнебитвам разсипвам ($P \leftrightarrow B$) унищoжавам погубвам ($P \rightarrow B$)	дизъюнкт.	или: (Б) разрушать разорять (Б) уничтожать губить		"небытие" "остатки" "ничто" (смерть как) "исчезновение"
громить	разгромявам	гомог.		"остатки"	"остатки"
губить губить	погубвам съсипвам затривам ($P \leftrightarrow B$)	гомог. дизъюнкт.		(смерть как) "исчезновение" "исчезновение"	(смерть как) "исчезновение" "остатки" "исчезновение"
жечь жечь	горя паля	синхр. асинхр.	(Б) поджигать	"остатки"	"остатки"

А	В	Тип знака	Соположенные знаки	Индекс А	Индекс В
исключать	изключвам	гомог.		"исчезновение"	"исчезновение"
испепелять	изпепелявам	гомог.		"остатки"	"остатки"
кончить (с) кончить	свърша (с) приключа (P←B)	синхр. дизъюнкт.	или: (B) завершить (ся)	"конец" "конец"	"конец" "конец"
кончить (кого) прикончить (кого) покончить (с) (враг)	пречукам (P↔B) довърша свърша (с)	дизъюнкт. синхр. синхр.	или: (B) прихлопнуть	(смерть как) "конец" (смерть как) "конец"	"смерть" (смерть как) "конец"
крушить	троша чупя (P → B)	дизъюнкт.	или: (B) бить ломать	"остатки"	"остатки"
крушить	помитам (P → B)	асинхр.	или: (B) подметать	"остатки"	"исчезн-е"
крушить	изтребвам	асинхр.	или: (B) истреблять	(смерть как)	"смерть"
сокрушать	съкрушавам	гомог.		"остатки"	"остатки"
ликвидировать	ликвидирам	гомог.		"ничто"	"ничто"
мертвить	умъртвявам	гомог.	(P) убивам	"смерть"	"смерть"
морить	моря	гомог.	(P) изтребвам уморявам	"смерть"	"смерть"
истреблять	изтребвам	гомог.		"смерть"	"смерть"

А	В	Тип знака	Соположенные знаки	Индекс А	Индекс В
низвергать низвергать	(р.) низвергам строполявам събарям ($P \leftrightarrow B$)	гомог. дизъюнкт.	или (Б) разрушать сносить	"падение" "падение"	"падение" "падение"
низвергать	свалям смъквам ($P \rightarrow B$)	дизъюнкт.	или: (Б) снимать сдергивать	"падение"	"падение"
низложить	събарям детронирам ($P \leftrightarrow B$)	дизъюнкт.	или: (Б) низвергать ниспровергать	"падение"	"падение"
ниспровергать	събарям ($P \leftrightarrow B$)	дизъюнкт.		'падение'	"падение"
одолевать	надвивам надделявам надмогвам ($P \leftrightarrow B$)	дизъюнкт.	или: (Б) осилить пересилить	"преимущ. силы"	"преимущ. силы"
осилить	надвия надделя ($P \leftrightarrow B$)	дизъюнкт.	или, (Б) пересилить одолеть	"преимущ. силы"	"преимущ. силы"
преодолеть	преодолея	гомог.		"преимущ. силы"	"преимущ. силы"
побеждать	побеждавам	гомог.		"преимущ. силы"	"преимущ. силы"
превозмочь	превъзмогна	гомог.		"преимущ. силы"	"преимущ. силы"
повергать	събарям ($P \leftrightarrow B$)	дизъюнкт.	или: (Б) разрушать сносить	"падение"	"падение"
прекращать	прекратявам	гомог.		"конец"	"конец"

А	В	Тип знака	Соположенные знаки	Индекс А	Индекс В
подрывать	вдигам във въздуха взривявам	Диффузный синхр.		"срыв"	"срыв"
опустошать	опустошавам	гомог.		"пустота"	"пустота"
проваливать	провалям	гомог.		"падение"	"падение"
разваливать	развалям	гомог.	(Б) разрушать портить повреждать	"падение"	"падение"
разваливать	разтурям съсипвам опростаивам (P↔B)	дизъюнкт.	или: (Б) разрушать разорять уничтожать	"падение"	"остатки"
разлагать	разлагам	гомог		"остатки"	"остатки"
разорять	разорявам	гомог.		"пустота"	"пустота"
рушить	руша	гомог.		"падение"	"падение"
разрушать разрушать	разрушавам разнебитвам (P←B)	гомог. дизъюнкт.	или: (Б) разваливать	"падение" "падение"	"падение" "небытие"
разрушать разрушать	рунирам сривам	синхр. асинхр.	(Б) разваливать (Б) срывать	"падение" "падение"	"остатки" "обрыв"
уничтожать	унищожавам	гомог.		"ничто"	"ничто"
рвать	късам	синхр.		"срыв"	"остатки"
рвать	взривявам	асинхр.	(Б) взрывать	"обрыв"	"обрыв"
расторгнуть (договор) расторгнуть	разваля разтрогна (брак)	асинхр. синхр.	(Б) развалить	"обрыв" "обрыв"	"падение" "обрыв"

А	В	Тип знака	Соположенные знаки	Индекс А	Индекс В
отстранить	отстраня	гомог.	(Б) отодвинуть устранить	"исчезновение"	"исчезновение"
отстранить	премахна (P←B)	дизъюнкт.	или: (Б) удалить уничтожить	"исчезновение"	"исчезновение"
снести	съборя срина срутя (P↔B)	дизъюнкт.	или: (Б) разрушить развалить	"исчезновение"	"падение"
сорвать	проваля	асинхр.	(Б) провалить	"обрыв"	падение"
срыть	срина	гомог.	(Б) разрушить	"падение"	"падение"
убивать	убивам	гомог.		"смерть"	"смерть"
убрать	махна (P↔B)	дизъюнкт.	или: (Б) отстранить (P) изгоня изпдя уволня	"исчезновение"	"исчезновение"
извести	изтребвам (P→B)	дизъюнкт.	или: (Б) истреблять	(смерть как) "исчезновение"	"смерть"
искоренять	искоренявам	гомог.		"обрыв"	"обрыв"

4. Выводы

Сопоставление имен экспансивных действий в двух родственных языках базируется на признании существенности фактора этимологической общности их словарей. Вторым основным положением является понятие вертикальной, тезаурусной мотивации значений слов, в соответствии с которой они выполняют функции обозначения типических действий.

Исходя из этих двух основных положений, мы пришли к выводу о возможности сопоставительного изучения глаголов в рамках двоичной знаковой модели фрагментов тезауруса. В качестве *tertium comparationis* выступает понятие "семантика действия", или семантика типового действия. Имплицитность знака - это проекция его значения на плоскость тезауруса, но не проекция вообще, а в связи с расслоением семантики действия на три компонента: онтология действия (экстенсионалы или их образные субституты), аксиология действия (кваликативный компонент) и концептология действия (типы действий и результаты действий).

При сопоставительном рассмотрении глаголов мы обнаружили, что отношения элементов в двоичной модели типологически сходны с семантическими отношениями слов внутри словаря. Для языка А: полисемия глагола, т. е. дизъюнкция семантических функций формы, предполагающая наличие соположенных знаков с пропорциональным соотношением семантики и функции формы (*бить* 'ударять' и *бить* 'лишать жизни' = убивать). В модели А - В: гомогенный знак *бить* - *бия*, мультиплицирующий эти отношения. Для языка А: диспропорции в структуре знака, отображающие импликации разных фрагментов схемы *бить кого-л. палкой* (деформирующее действие), *бить посуду* (ликвидирующее действие). В двоичной модели: гетерогенные асинхронные знаки типа *бить* - *троша*, *бить* - *чупя*, что является внешним выражением указанных диспропорций. Для языка А: синонимия, или связь

гетерогенных форм на основе вертикальной однонаправленности значений, например, результата. В двоичной модели: гетерогенные синхронные знаки типа *разрушать* - *рунирам*, *рвать* - *късам*, *кончить* - *свършиа*. Для А: омонимия, или ложный полисемантический знак, где дизъюнкция определяется вертикальной разнонаправленностью значений (*морить*, *травить*, *срывать*). В двоичной модели: ложные двоичные знаки типа *подыгрывать* - *подигравам*, *перебить* - *пребивам*, пустые двоичные знаки типа *сваливать* - *свалям* 'снимать', *заstraцать* - *заstraшавам* 'угрожать', *исторгнуть* - *изтръгвам* 'вырывать, выдергивать', где наблюдаются лишь общие семантические ассоциации, лишённые фокуса. Для А: межуровневая парадигматика (*удить* - *ловить рыбу*, *арканить* - *ловить арканом*), в двоичной модели: диффузные знаки, свидетельствующие о неравномерном распределении способов простого и дефинитивного обозначения (*тралить* - *ловя [риба] с трал*, *треножить* - *спъвам [кон] с букаи*; *надмятам*- *победить в метании [копья, молота]*) и т.д.

Диффузные двоичные знаки возникают также на базе различия в выражении каузального элемента экспансивного действия. Он может быть выражен в семантике глагола: тогда на первое место выходит результат экспансии - б. *зablуждавам* - р. *вводитъ в zablуждение*; р. *донимать* (разг.) - б. *не давам мира някому, не оставям някого на мира*.

Различия в передаче каузативных значений (X и его действие) касаются возможностей суффиксального разграничения каузативных и некаузативных глаголов в русском: *мертвить* – *мертветь*, б. *умъртвявам* - *отмирам*; супплетивизма: б. *горя* (кауз.) - *горя* (результат), р. *жечь* - *гореть*, хотя для обоих языков возможно совмещение в одном глаголе субъектных и объектных значений. Например: *бунтовать* 'бунтоваться' и *бунтовать* 'подстрекать к бунту' : б. *бунтувам (се)* и *бунтувам някого*.

Сопоставительное изучение семантики глаголов с точки зрения выражения концептов схемы не даёт оснований говорить о кардинальных

различиях двух словарей. Сама схема предрасполагает к тому, чтобы этимологические связи лексических систем продолжали существовать, хотя и в плане параллельного развития.

Мы попытались применить понятие двоичной модели тезауруса к конкретному типу действий (ликвидирующие) и классифицировать глаголы по двум родам признаков: признаки элементарных воздействий (группа "В") и признаки результата (группа "А"). Как в генетическом, так и в синхронном плане наблюдается переход (в косвенных употреблениях глаголов группы "В") от группы "В" к группе "А". Это можно объяснить шагами абстрагирующего осмысления действия: от его онтологии к его понятийной категоризации. Наряду с этим обнаружилось, что возможность для имени конкретного действия выступать в роли "экспансионизатора" заложена не в самом языке, а в тезаурусной типологии действий. На уровне языка это проявляется в ограничении семантических объектов конкретного действия (ср. *рубить дрова, рубить канат и рубить мечом, рубить врага*). *Дрова, канат нельзя изрубить*, подобно тому как *просо нельзя ислевать*, а *сыр, колбасу - зарезать*.

По иному выглядит соотношение слов в группе результата. Здесь признаки элементарных воздействий имплицитны, на них можно указать лишь в плане реминисценции глагола. Более важным оказывается отнесение результата к некоторому концептуальному или аксиологическому образцу. "Измена" образцу связана с прагматикой, а в речи - со стилем, ср.: *убить - прихлопнуть, кончить; убивам - пречуквам, пушкам, гръмвам (някого)*. Если результат ориентирован на стабильный оценочный стереотип ("враг, противник"), то он может проецироваться на другие типы действий, в том числе и нейтральные. Различия между русскими и болгарскими глаголами группы "А" с точки зрения двоичной модели отражены в сводной таблице.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании была сделана попытка связать три проблемы языкознания, которые рассматриваются преимущественно самостоятельно. Это проблема имплицитности языка в аспекте дихотомии "язык - речь", проблема когнитивного анализа языка и проблема сопоставительной типологии близкородственных языков. Мы постарались избавить читателя от впечатления, что перед ним - фрагменты трех исследований. Тем не менее приходится констатировать, что комбинация трех аспектов изучения языка при существующем разнообразии подходов к их изучению открывает возможность для новых дискуссий.

В теоретическом плане проблема имплицитного связана с неразработанностью теории языкового выражения и, в конечном счете, с теорией формальности языка. На данном этапе эта формальность видится прежде всего в соотношении "форма - значение знака", понимание значения как формы заставляет лингвиста жертвовать некоторыми традиционными постулатами. Не согласуется с традиционным пониманием и наше представление имплицитного и эксплицитного в языке. Эти два признака следует ставить рядом и не рассматривать их как диалектические противоположности. Они соответствуют направленности исследования "по ту сторону" знака или "по эту сторону". Соответственно, понимание этой границы зависит от представлений о знаке и не в последнюю очередь - от теории системной организации тезауруса.

Имплицитность - это абстракция, заключающаяся в изучении "той стороны" как психосемантической реальности, выступающей сопредметом сообщения. Ее заслоняет актуальная информация высказывания. Те приемы, которые используются в речи для актуализации мысли, ее преподнесения собеседнику, включают выбор (соответственно, исключение альтернативных вариантов обозначения), оценку предметной ситуации и активацию сопредмета в

сознании слушателя. Таким образом, язык как средство находится в речи между двумя рядами тезаурусных схем. А значит, он в известной мере подчиняется им, что мы и называем тезаурусной мотивацией языковых значений.

С другой стороны, эта зависимость не является "кабалой". Во-первых, потому что она отливается в имплицативные отношения слов, в комбинаторику средств и таким образом является выражением, экспликацией тезаурусной семантики. Во-вторых, хотя связь содержания и формы является закономерностью, содержание может принимать разные формы, что мы и наблюдаем в типологии языков.

Понятие "подъязык" служит рабочим определением тезаурусных схем реального мира и обращено непосредственно к концептуальной картине действительности. Элемент "язык" в данном понятии указывает на две особенности: а) язык не безразличен к таксономии предметного и событийного мира; б) язык включает в себе некоторые универсалии, которые нельзя объяснить языковыми причинами.

Системная организация тезауруса не является прямым объектом языкознания. Однако наблюдения над лексическим составом языка в плане интроспекции позволяют высказывать предположения и строить гипотезы. Классификация глагольных предикатов, представленная во второй части исследования, - результат интроспективного анализа, совмещающего как лингвистические, так и нелингвистические критерии. Очевидной является разница между способами глагольного действия, связанными с ними видовыми оппозициями, дублирующими предикатами и способами действия, для которых можно указать типические экстенсионалы. "Типы экспансивных действий" - специфическое понятие, отсылающее к метаязыку. Классификация этих типов могла бы быть более дробной или более общей, но так или иначе она обращена к онтологии событий, объединяемых по типичному результату. Концептология действия и аксиология действия являются мыслительным феноменом.

Онтологически нейтральное действие может интерпретироваться как экспансия по линии оценки стратегии X-а, в той или иной системе моральных ценностей и, наоборот, экспансия (см. регулирующие действия) может рассматриваться как необходимое ролевое действие X-а.

Мы являемся свидетелями и исследователями той метаморфозы, которую претерпевает семантика действия в лексических вариациях на одну и ту же тему. Даже в отдельно взятом "словарном" слове могут совмещаться значения, отсылающие к разным типам действий. В макроструктуре таких слов происходит как бы репетиция действия, в которой меняются участники, причем каждый из них играет по-своему.

В изложенном понимании имплицитности (а также связей языка с подъязыком) содержатся предпосылки для специального сопоставительного исследования языков. Общий подход - от значений к средствам выражения - включает третью заинтересованную сторону: подъязык, или тезаурусную схему экспансивного действия. Таким образом, сопоставление имеет тематический характер, включая как межъязыковые отношения по горизонтали, так и вертикальные связи слов в едином тезаурусном пространстве. Это представляется тем более необходимым, если учитывать, что за утверждениями о феноменальной близости русского и болгарского языков стоит понимание генетической общности их интерпретирующих механизмов.

Поэтому в настоящем исследовании требование тождественности категориального аппарата сопоставления выполнено путем выдвижения модели тезауруса, базирующейся на понятии двоичного знака. Это необходимая мера "разрушения" сопоставляемых языков, о котором писал В. Скаличка. За основу принималось не полное лексическое тождество слов (его попросту нет), а их семантическое тождество. Элементы **а** и **в** рассматриваются как попарно ориентированные знаки, отсылающие к одному и тому же фрагменту семантики действия.

Сопоставительное исследование в таком ракурсе потребовало систематизации отношений между элементами двоичной модели. Технология сопоставления в принципе допускает широкую вариативность понятия при несравненно более узком объекте обозначения. Принимая за основу понятие двоичного знака, мы разработали каталог этих знаков, в котором учитывался стандартный набор признаков: формы, семантические соответствия (пропорции между элементами) и несоответствия (диспропорции между элементами). Эти три признака, рассматриваемые в рамках двоичной модели, позволяют говорить о двух типах двоичных знаков: гомогенные (формальное соответствие и относительные семантические пропорции) и гетерогенные знаки. Соответственно, вторые определяются с семантической стороны как содержательные эквиваленты.

Гомогенные знаки включают отсылку к генетическому и вертикальному источнику одновременно. Гетерогенные знаки включают несколько разновидностей связи: а) синхронная связь (типа *казнить* - *екзекутирам*, *кончить* - *свършиа*) значений разнооформленных слов, семантические роли которых в обоих языках совпадают наряду с эквивалентностью их прямых значений; б) асинхронная связь, устанавливаемая для определенных случаев.

Асинхронная связь может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, в плане расхождения семантических функций словоформы, в силу чего значения косвенные образуют пропорцию с прямыми значениями слов из другого языка (типа *портить* - *развалям*). Во-вторых, в плане конкурентоспособности эквивалентов и отсутствия одно-однозначных соответствий. Эту связь мы назвали дизъюнктивной.

Дизъюнкция эквивалентов может быть односторонней (учитывается специфика одного языка), однонаправленной либо двусторонней, двунаправленной. Чаще всего она связана со средствами передачи оценочных значений, что предопределено имплицитностью шкалы оценок.

Наряду с этим специфика картирования фрагментов тезауруса в двух языках, рассматриваемая в терминах двоичной модели, позволяет выделить третий тип знаков - диффузные.

Интеграция трех аспектов исследования (семантики, когитологии и контрастивной лингвистики) предопределила общий характер работы. Естественно, критерии полноты и содержательности исследования здесь несколько иные, чем в исследованиях другого типа. Нам представляется, что дальнейшая работа в этом направлении могла бы дать ценные сведения о связях языка с подязыком и языковой имплицитности, в том числе и с учетом потребностей контрастивного анализа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова Н.С. Вид и семантика глагольного слова.- М.: Наука, 1976. - 328 с.
2. Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Филологические науки.- 1973. - № 4.- С. 40-46.
3. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания.- 1982.- № 4.-С, 83-91.
4. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований.- М.: Наука, 1980.- С. 156-250.
5. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции (вступ. ст.) // Новое в зарубежной лингвистике: Логика и лингвистика (проблемы референции).- 1982.- Вып. XIII.- С. 5-40.
6. Арутюнова Н.Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований.- М.: Наука, 1976.- С. 92-118.
7. Арутюнова Н.Д. Оценка. Событие. Факт.- М.: Наука, 1988.- 341 с.
8. Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка.- М.: Наука, 1972.- С. 297-331.
9. Арутюнова Н.Д. Специфика языкового знака (в связи с закономерностями развития языка) // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка.- М.: Наука, 1970.- С. 170-196.
10. Арутюнова Н. Д. Сравнительная оценка ситуаций // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.- 1983.- Т. 42, вып. 4.- С. 330-341.
11. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. - М.: Учпедгиз, 1957.- 295 с.
12. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. "Вертикальный контекст" как

- филологическая проблема // Вопросы языкознания.-1977.-№ 3.- С. 47-54.
- 13.Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного (логико-методологический анализ).- Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983.- 137 с.
 - 14.Бабина Т.П., Белошапкова В.А. К вопросу о семантическом субъекте // Филологические науки.- 1984.- № 1.- С. 29-34.
 - 15.Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка /Пер. с франц.- М.: Иностр. литер., 1955.- 416 с.
 - 16.Бархударов Л.С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания.- 1973- № 3.- С. 50-61.
 - 17.Бацевич Ф.С. Співвідношення типів смислової імпліцитності в мові // Мовознавство.- 1993.- № 1.- С. 54-59.
 - 18.Бельчиков Ю.А. Эллипсис // Русский язык. Энциклопедия.- М.: Советская энциклопедия, 1979.- С. 404.
 - 19.Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст.- Л.: Наука, 1971.- 115 с.
 - 20.Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл.- Л.: Наука, 1978.- 175 с.
 - 21.Бондарко А.В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике // Принципы и методы семантических исследований.- М.: Наука, 1976.- С. 180-201.
 - 22.Бондарко А.В. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопросы языкознания.- 1992.- № 3.- С. 5- 20.
 - 23.Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // Вопросы языкознания.-1972.-№ 1.-С. 17-36.
 - 24.Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований.- М.: Наука, 1980.- С. 320-355.
 - 25.Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н.Селиверстова.- М.:

- Наука, 1982.- С. 7-85.
- 26.Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация /Пер. с англ.- М.: Прогресс, 1989.- 312 с.
- 27.Вежбицка А. Из книги "Семантические примитивы" // Семиотика.- М.: Радуга, 1983.- С. 225-252.
- 28.Виноградов В.А. Методы типологии // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований.- М.: Наука, 1973.- С. 224-256.
- 29.Власова Н.С. К вопросу об имплицитности предложно-падежных сочетаний (на материале конструкций с предлогом *pri*) // Филологические науки . - 1973.- № 1.- С . 63-69.
- 30.Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе.- М.: Междунар. отношения , 1980.- 344 с .
- 31.Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки.- М.: Наука, 1985.-228 с.
- 32.Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований.- М.: Наука, 1976.-С.73-92.
- 33.Гак В.Г. К типологии лингвистических номинации // Языковая номинация (Общие вопросы).- М.: Наука, 1977.- С. 230-293.
- 34.Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков).- М.: Междунар. отношения, 1977.- 264 с.
- 35.Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков.- М.: Просвещение, 1983.- 287 с.
- 36.Гальперин И.Р. Информативность единиц языка.- М.: Высшая школа, 1974.- 175 с.
- 37.Гальперин И.Р. К проблеме зависимости предложения от контекста // Вопросы языкознания.- 1971.- № 1.- С. 48-55.
- 38.Гальперин И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований.- М.: Наука, 1976.- С. 267-290.
- 39.Гальперин И.Р. Ретроспекция и проспекция в тексте // Филологические

- науки.- 1980.- № 5.- С. 44-52.
- 40.Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику /Пер. с англ. - М.: Иностранная литература, 1959.- 486 с.
- 41.Гогуадзе Л.М. Уровни прочтения текста // Категории текста: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза.- 1984.- Вып. 228.- С. 70-89.
- 42.Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания.- 1983.- № 6.- С. 37-47.
- 43.Есперсен О. Философия грамматики /Пер. с англ.- М.: Иностранная литература, 1958.- 404 с.
- 44.Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи.- М.: Изд-во МГУ, 1976,- 307 с.
- 45.Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса.- М.: Наука, 1982.- 368 с.
- 46.Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка.- М.: Наука, 1973.- 351 с.
- 47.Ивин А.А. Основания логики оценок. - М.: Изд-во МГУ, 1970.-230 с.
- 48.Ицкович В.А. Конструкции с предлогом *по* // Грамматика и норма.- М.: Наука, 1977.- С. 233-247.
- 49.Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. - М.: Наука, 1982.-199 с.
- 50.Капанадзе Л.А. Номинация // Русская разговорная речь.- М.: Наука, 1973.- С. 403-463.
- 51.Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение.- М.- Л.: Наука, 1965.- 111 с.
- 52.Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление.- Л.: Наука, 1972.- 216 с.
- 53.Ковачева Н. Глаголы положения в русском языке в сопоставлении с болгарским.- София: Народна просвета, 1982.- 131 с.

54. Козельская Н.А. Компонентная структура глаголов одной ЛСГ конкретного физического действия // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака.- Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.- С. 11-16.
55. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры.- Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.- 164 с.
56. Колшанский Г.В. Использование языковых универсалий при описании языков мира // Принципы описания языков мира.- М.: Наука, 1976.- С. 53-63.
57. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований.- М.: Наука, 1976.- С. 5-31.
58. Колшанский Г.В. Контекстная семантика.- М.: Наука, 1980.- 149 с.
59. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности.- М.: Наука, 1986.- 156 с.
60. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова.- М.: Наука, 1981.- 200 с.
61. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении.- М.: Наука, 1978.- 115 с.
62. Кудрявцева В.А. Представленность субъектно-объектных отношений в наименованиях лиц (на материале русского языка) // Филологические науки.- 1991.- № 5.- С. 111-117.
63. Кузнецов А.М. Основания для сравнения в контрастивной семасиологии// Методы сопоставительного изучения языков.- М.: Наука, 1988.- С. 37-43.
64. Кулинич М.А. Семантическая структура "скрытых" привативов в лексике современного русского языка // Лексические и грамматические компоненты в семантической структуре языкового знака.- Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.- С. 52-55.

- 65.Курилович Е. Очерки по лингвистике.- М.: Иностранная литература,1962.-456 с.
- 66.Леонтьева Н.Н. Устранение некоторых видов избыточности информации в естественном языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика.- М.: МГПИИЯ им. М.Тореза.- 1967.- Вып. 10. - С. 93-98.
- 67.Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке.- М.: Изд-во МГУ, 1979.- 198 с.
- 68.Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.- 1977.- Т. 36, вып. 1.- С. 3-8.
- 69.Мартемьянов Ю.С. О форме записи ситуации. Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика.- М.: Изд-во МГПИИЯ им. М.Тореза, 1964.- Вып. 8.- С. 125-148.
- 70.Мартынов В.В. Категории языка. Семиологический аспект.- М.: Наука, 1982.- 192 с.
- 71.Медынская В.Л. Об имплицитных структурах, выражающих некоторые синтаксические категории в русском языке // Филологические науки.- 1971.- № 3.- С. 38-45.
- 72.Мокиенко В.В.Славянская фразеология.- М.:Высшая школа, 1989.-287 с.
- 73.Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. Анализ слов со значением времени в русском языке.- М.: Изд-во МГУ, 1977.- 168 с.
- 74.Москальская О.И. Текст как лингвистическое понятие // Иностранные языки в школе.- 1978.- № 3.- С. 9-17.
- 75.Мыркин В.Я. Текст, подтекст и контекст // Вопросы языкознания.- 1976.- № 2.- С. 86-93.
- 76.Никитин М.В. Лексическое значение слова: Структура и комбинаторика.- М.: Высшая школа, 1983.- 127 с.
- 77.Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения.- М.: Высшая школа, 1988.- 168 с.

- 78.Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация.- М.: Наука, 1983.- 214 с.
- 79.Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью.- М.: Наука, 1985.- 271 с.
- 80.Пельц Е. Семиотика и логика // Семиотика.- М.: Радуга, 1983.-С. 137-150.
- 81.Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении.- М.: Учпедгиз, 1935.- 452 с.
- 82.Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика.- М.: Радуга, 1983.- С. 90-101.
- 83.Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка // Семиотика.- М.: Радуга, 1983.- С. 133-136.
- 84.Почепцов Г.Г. Прагматический аспект изучения предложения (к построению теории прагматического синтаксиса) // Иностранные языки в школе.- 1975.- № 6.- С. 15-25.
- 85.Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики.- Киев: Вища школа, 1987.- 131 с,
- 86.Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика.- М.:Наука, 1987.- 263 с.
- 87.Розенцвейг В. Лексика имущественных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика.- 1964.- Вып.8.- С. 104-108.
- 88.Сахно С.Л. Приблизительное именование в естественном языке // Вопросы языкознания.- 1983.- № 6.- С. 29-36.
- 89.Седельников Е.А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Филологические науки.- 1961.- № 3.- С. 66-77.
- 90.Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов /Отв. ред. О.Н.Селиверстова.- М.: Наука, 1982.- С. 86-157.

91. Селиверстова О.Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований.- М.: Наука, 1976.- С. 119-146.
92. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация. (Общие вопросы).- М.: Наука, 1977.- С. 147-187.
93. Серебренников Б.А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания // Принципы описания языков мира.- М.: Наука, 1976.- С. 7-52.
94. Сильман Т.И. Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки . - 1969.- № 1.- С . 84-90.
95. Сильман Т.И. Подтекст - это глубина текста // Вопросы литературы.- 1969.- № 1.- С. 89-102.
96. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь: Пособие для учителей.- М.: Просвещение, 1983.- 80 с.
97. Сковородников А.П. О критерии эллиптичности в русском синтаксисе (по материалам современной советской лингвистической литературы) // Вопросы языкознания.- 1973.- № 3.- С. 114-123.
98. Сковородников А.П. Эллипсис как стилистическое явление современного русского языка: Пособие для спецкурса.- Красноярск, 1978.- 95 с.
99. Солнцев В.М. О соизмеримости языков // Принципы описания языков мира.- М.: Наука, 1976.- С. 115-121.
100. Сорокина Е.Н. Особенности употребления безглагольных конструкций в научно-гуманитарном тексте // Филологические науки.- 1982.- № 4.- С. 49-55.
101. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию /Пер. с франц.- М.: Прогресс, 1977.- 695 с.
102. Старикова Е.Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке.- Киев: Вища школа, 1974.- 141 с.

103. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика.- М.: Наука, 1981.- 360 с.
104. Степанов Ю.С. К универсальной классификации предикатов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.- 1980.- Т. 39, вып. 4.- С. 311-323.
105. Стоянов И.А. Глаголы умственной деятельности в болгарском языке.- Киев: Наукова думка, 1977.- 128 с.
106. Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков.- Минск: Изд-во БГУ, 1987.- 47 с.
107. Супрун А.Е. Принципы сопоставительного изучения лексики // Методы сопоставительного изучения языков.- М.: Наука. 1988.-С. 26-31.
108. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц.- М.: Наука, 1986.- 143 с.
109. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований.- М.: Наука, 1976.- С. 147-179.
110. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Филологические науки.- 1973.- № 1.- С. 51-62.
111. Успенский Б.А. Принципы структурной типологии.- М.: Изд-во МГУ, 1962.- 62 с.
112. Уфимцева А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (Общие вопросы).- М.: Наука, 1977.- С. 7-98.
113. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований.- М.: Наука, 1980.- С. 5-80.
114. Уфимцева А.А. Семантический аспект языковых знаков // Принципы и методы семантических исследований.- М.: Наука, 1976.- С. 31-46.
115. Федосюк М.Ю. Способы передачи новой информации в художественном тексте // Филологические науки.- 1983.- № 6.- С. 40-46.

116. Ферс Джон Р. Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике.- М.: Международные отношения, 1987.- С. 25-35.
117. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике.- Вып. XXIII.- М.: Прогресс, 1988.- С. 52-92.
118. Фоминых Б.И. Типы эллиптических предложений в русском языке и их эквиваленты в чешском // Вопросы современного русского языка и диалектологии.- Тюмень, 1965.- С. 99-110.
119. Хегер К. Ноэма как *tertium comparationis* при сравнении языков // Вопросы языкознания.- 1990.- № 1.- С. 5-25.
120. Хиддекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака.- Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983.- С. 11-16.
121. Цейтлин Р.М. Лексика славянских языков X-XI-XIV-XV вв.: Результаты сопоставительного исследования // Славянское языкознание: X Междунар. съезд славистов / Доклады советской делегации.- М.: Наука, 1988.- С. 369-388.
122. Червенкова И.В. О сопоставительном описании русской и болгарской лексики // Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков.- София: Наука и искусство, 1982.- С. 123-182.
123. Червенкова И.В. Русско-болгарские лексические аналоги (некоторые наблюдения на базе словарных данных) // Сопоставительно языкознание.- 1992.- № 3.- С. 151-156.
124. Чонгарова И. Формально сходная лексика русского и болгарского языков как объект лексикографирования // Болгарская русистика.- 1992.- № 1.- С. 35-42.
125. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе.- М.: Просвещение, 1966.- 145 с.
126. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: Газетно-информационный

- и военно-публицистический перевод.- М.: Воениздат, 1973.- 280 с.
127. Швейцер А.Д. Языковые и внеязыковые аспекты перевода // Методы сопоставительного изучения языков /Отв. ред. В.Н.Ярцева.-М.: Наука, 1988.- С. 59-65.
128. Ширяев Е.Н. Неполное предложение // Русский язык. Энциклопедия.- М.: Советская энциклопедия, 1979.- С. 160-161.
129. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка.- М.: Просвещение, 1964.- 244 с.
130. Щеглов Ю.К. Две группы слов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика.- М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1964.- Вып. 8.- С. 50-66.
131. Юсупов У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков.- М.: Наука, 1988.- С. 6-11.
132. Ярцева В.Н. Констрастивная грамматика.- М.: Наука, 1981.- 110 с.
133. Балан-Теодоров А. Българско склонение // Помагало по българска морфология /Имена/ Съст. П.Пашов.- София: Наука и изкуство, 1978.- С. 255-280
134. Димитрова С. Текст и подтекст. Наблюдения над пресупозициите в руския дискурс.- София: Наука и изкуство, 1984.- 145 с.
135. Динева А. Семантика на каузативните глаголи в български език // Български език.- 1985.- № 2.- С. 140-148.
136. Единството на българския език в миналото и днес. Инст. за български език при БАН // Български език - 1978.- № 1.- С. 3-43.
137. Кръстев Б. Икономията в българския език.- София: Народна просвета, 1981.- 135 с.
138. Недев И. За отношението на елипсата към някои елементи на изречението, изразяващи супрасинтактичните категории емфазис и

- негация // Български език.- 1978.- № 4.- С. 350-353..
139. Недев И. Към проблемите на безсъюзните сложни изречения с невербализирано семантично звено // Български език.- 1990.- Кн. 1.-С. 32-39.
140. Ницолова Р. Мястото на прагматиката в лингвистическото описание // Помагало по синтаксис на българския език.- София: СУ "Кл. Охридски", 1988.- С. 14-23.
141. Сятковски С. За същността на съпоставителното езикознание // Съпоставително езикознание.- 1984.- № 5.- С. 23-32.
142. Hausenblas K. Explicitnost a implicitnost jazykoveho vyjadzovani // Slovo a slovesnost.- 1972.- Rocn. 33.- № 2.- С. 23-28,
143. Karcevskij S. Du dualisme asymetrique du signe linguistique // Travaux du cercle linguistique de Prague.- 1929.- № 1.- P. 86-94.
144. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Ок. 9000 синонимич. рядов /Под ред. Л.А.Чешко.- М.: Русский язык, 1986.-600 с.
145. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.- М.: Советская энциклопедия, 1966.- 606 с.
146. Болгарско-русский словарь. Ок. 58000 слов /Сост. проф. Бернштейн С.Б.- М.: Советская энциклопедия, 1966.- 768 с.
147. Български тълковен речник /Съст. Л.Андрейчин, Л.Георгиев, С.Илчев, Н.Костов, И.Леков, Ст.Стойков, Ц.Тодоров.- София: Наука и изкуство, 1976.- 1080 с.
148. Димитрова М., Спасова А. Синонимен речник на съвременния български книжовен език.- София: Изд-во на БАН, 1980.- 734 с.
149. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса.- М.: Наука, 1988.- 440 с.
150. Кондаков Н.И. Логический словарь.- М.: Наука, 1971.- 656 с.
151. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой М.:Русский язык, 1984.- 797 с.

152. Попова М. Кратък валентен речник на глаголите в съвременния български книжовен език.- София: Изд-во на БАН, 1987.- 544 с.
153. Речник на българския език /Под ред. на К.Чолакова, К.Ничева и С.Спасова-Михайлова: Т. 1-5.- София: Изд-во на БАН, 1977-1987.
154. Руско-български речник: Русско-болгарский словарь/Под ред. на С.Влахов и Г.А.Тагамлицка: В 2 т.- София: Наука и изкуство, 1985-1986.- Т. 2.
155. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.- М.: Русский язык, 1985.